

Я. Хохоровски

НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ АНТИЧНОГО МИРА: ГИПЕРБОРЕЙЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Автор сопоставляет северную границу распространения греческих и италийских (в том числе этрусских) импортов VII—VI вв. до н. э., с данными о территориях центральноевропейских «варваров», собранных в античной традиции, в основном — у Геродота. На основе приведенных фактов предполагается, что у делосцев, под названием «гиперборейцев» понимались сообщества, населявшие территории с северной стороны Карпат, в бассейне Вислы и Варты, с традициями характерными еще для модели культур урновых полей эпохи поздней бронзы. Состояние географических и культурных знаний и масштабы взаимопроникновения средиземноморского и варварского миров были, вероятно, гораздо большими, чем об этом можно судить, исходя из количества, ассортимента и познавательного потенциала предметов «импорта» — археологических следов взаимодействия этих миров.

Ключевые слова: Центральная Европа, греческий и этрусский импорт, торговые пути, этническая география, гиперборейцы.

Находка группой исследователей из Жешовского университета под руководством профессора Сильвестра Чопека греческой амфоры на городище эпохи раннего железа возле д. Хотынец (Chotyniec) у реки Вишня, правого притока среднего Сана в Юго-Восточной Польше (Czopek et al. 2017, p. 291—305), является одним из самых ярких открытий в центрально-европейской археологии за последнее время¹. Сенсационность

1. Информацию об этой сенсационной находке еще до ее научной публикацией, не учитывая сообщений в средствах массовой информации и предварительных сведений о раскопках, я получил благодаря доброжелательности профессора Сильвестра Чопека и его сотрудников, за что глубоко им благодарен.

этой находки объясняется, прежде всего, значительным расстоянием, приблизительно в 700—1000 км по прямой линии, от места ее обнаружения до предполагаемого места происхождения. Оно может быть локализовано среди греческих колоний на побережье Черного моря, а возможно — и в северо-восточной части Средиземноморского бассейна. Осмысление чрезвычайного и, несомненно, совсем неожиданного характера этого открытия, явится в будущем, наверное, предметом многочисленных исследований, которые со временем предпримет коллектив, обнаруживший эту амфору. Среди многих тем, которые могут стать отправными пунктами для интерпретации находки из Хотынца, важнейшими будут, несомненно, ее география и столь же характер — значит та же амфора, как емкость для вина или оливкового масла, которая могла с ними перемещаться и в морском, и в сухопутном транспорте².

См.: Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K., Trańska, J., Trybalska, B., Adamik-Proksa, J., Burghardt, M., Ocadyga-Tokarczyk, E., Tokarczyk, T., Rajpold, W. 2019. The first finding of a Greek amphora in Poland. *American Journal of Archaeology* (в печати); Czopek, S. 2019. Enklawa scytyjskiego kręgu kulturowego w południowo-wschodniej Polsce. *Przegląd Archeologiczny* (в печати). А также: <http://www.ur.edu.pl/universytet/aktualności/32381.chotyniec-odkrywa-swoje-sekrety>, доступ: 03.09.2018; Pierwsza grecka amfora odnaleziona na ziemiach polskich! *Archeologia Żywa*, <https://archeologia.com.pl/2017/07/28/pierwsza-grecka-amfora-odnaleziona-na-ziemiach-polskich>, доступ: 30.01.2019.

2. Для культуроведческих рассуждений значение имеет не столько присутствие, на территории «варваров», амфор как емкостей, но их содержимое (вино, масло) и возможность употребления этих продуктов в определенном регионе.



Рис. 1. Западногалльские (раннекельтские) «княжеские» усадьбы на фоне распространения греческих (амфоры — красные точки) и этрусских (кувшины с клювовидным сливом — зеленые точки) импортов: 1 — Mont Lassios; 2 — Champ-du-Château; 3 — Châtillon-sur-Glane; 4 — Britzgyberg; 5 — Münsterberg; 6 — Üetliberg; 7 — Heuneburg; 8 — Hohenasperg; 9 — Marienberg; 10 — Ipf (по Krause 2011, fig. 1)

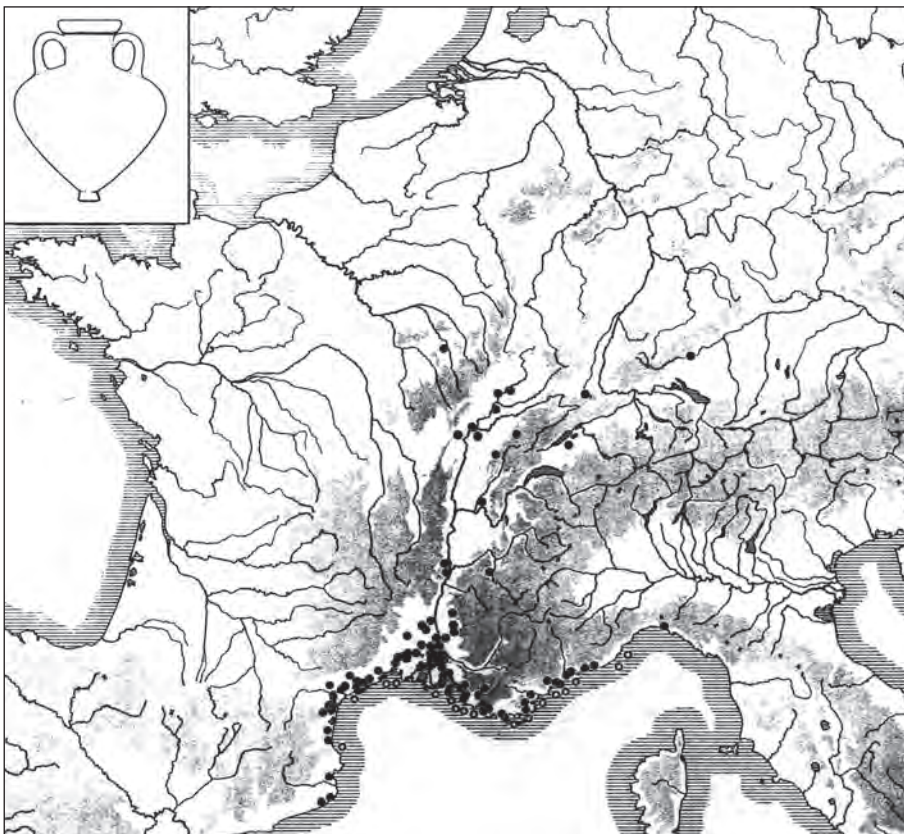


Рис. 2. Распространение «греческо-провансальских» амфор в западной Европе (по Kimmig 1983, fig. 27)

Рис. 3. Клейнаспергле (Kleinaspergle), избранные элементы оснащения «княжеской» гробницы (по <https://baden-wuerttemberg.de/rps/abt8/seiten/pressmitteilung.aspx?rid=118>, доступ: 19.04.2019)



Даже поверхностный обзор такого рода находок из эпохи раннего железа (VIII—V вв. до н. э.) в Центральной Европе и на прилегающих к ней территориях, относящихся к средиземноморской цивилизации, создает весьма неоднозначную картину, не позволяющую сформировать целостный взгляд на контакты «варварских» сообществ европейского «интерьера», с городскими производственными центрами юга Европы. Следуя с запада, ближайшим местом в Западной Европе, с похожими по времени с открытием из Хотынца находками амфор, является знаменитый Хойнебург (Heuneburg), гальштатская крепость в верховьях Дуная (*Истра*), гипотетически идентифицируемая с «городом *Пирень*» Геродота (рис. 1)¹. Здесь в слоях II—Ia найдено свыше 150 фрагментов, которые принадлежат минимум 12 «греческо-провансальским» амфорам

1. Об этом свидетельствует заметка автора «Истории»: «Ведь река *Истра* начинается в стране кельтов у города *Пирень* и течет, пересекая Европу посередине» (Herod., 2; 33).

(рис. 2), происходящим, предположительно, из Массалии и датирующимся 550—500 (или возможно: 525—475) гг. до н. э., а также 67 фрагментов аттических чернофигурных сосудов, датирующихся в пределах 580—480 гг. до н. э. (в основном 520—490 гг.) (van den Boom, Pare 2000, S. 43—70; Böhr, Shefton 2000, S. 1—42; Kurz 2006, S. 11—15, Abb. 7; Eggert 2011, S. 126—127). Находки аттической черно- и краснофигурной керамики, являются важным признаком аристократической субкультуры, которая представлена на раннекельтских усадьбах местных правителей (*Fürstensitze* — Reichenberger 1994, Abb. 20 — карта), и особенно — в погребальном инвентаре «княжеских» гробниц, располагавшихся рядом (например, краснофигурные килики из кургана в Клейнаспергле (Kleinaspergle), датирующихся около 450 г. до н. э. (Böhr 1988, S. 176—190; Schaaf 1988, S. 191—195) (рис. 3). Их распространение охватывает регион от Монт Лессуа — Вика (Mont Lassois — Vix) в Северной Бургундии (рис. 4), до городища Ипф (Ipf) на востоке Вюртемберга (Pare 1989, Abb. 11; Krause



Рис. 4. Находки аттической чернофигурной керамики в западной Европе (по Kimmig 1983, fig. 28)

Рис. 5. Ипф-Бугфельд (Ipf-Bugfeld), аттический краснофигурный килик (по Krause 2011, fig. 20) ▽

Рис. 6. Находки аттической керамики с территории Чехии (по Trefný 2011, fig. 2 и 4) ▽

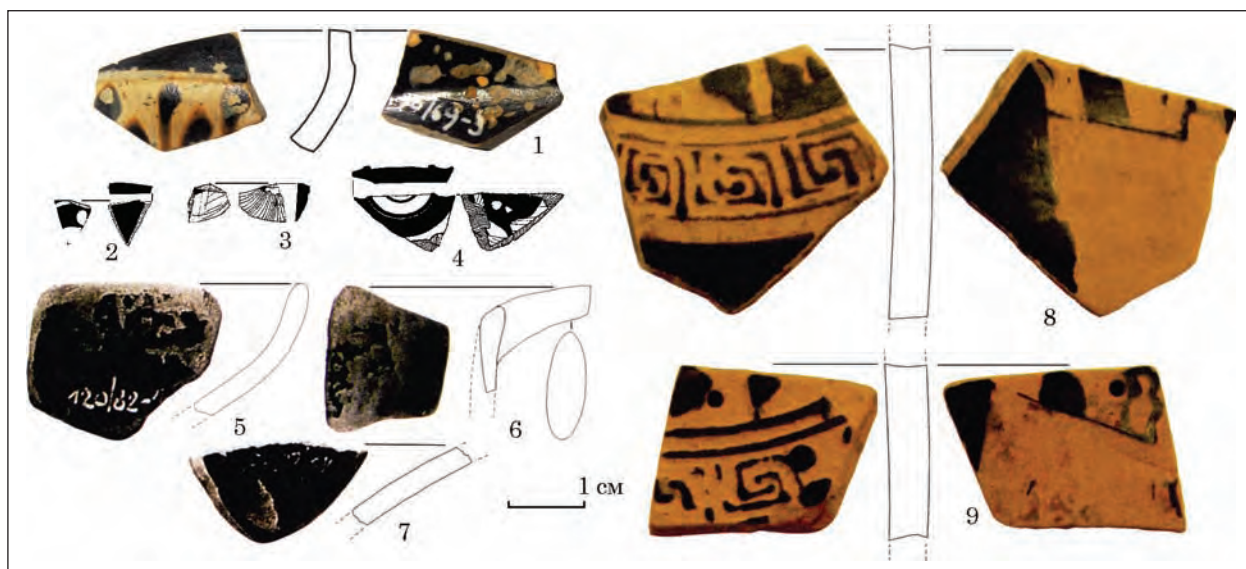
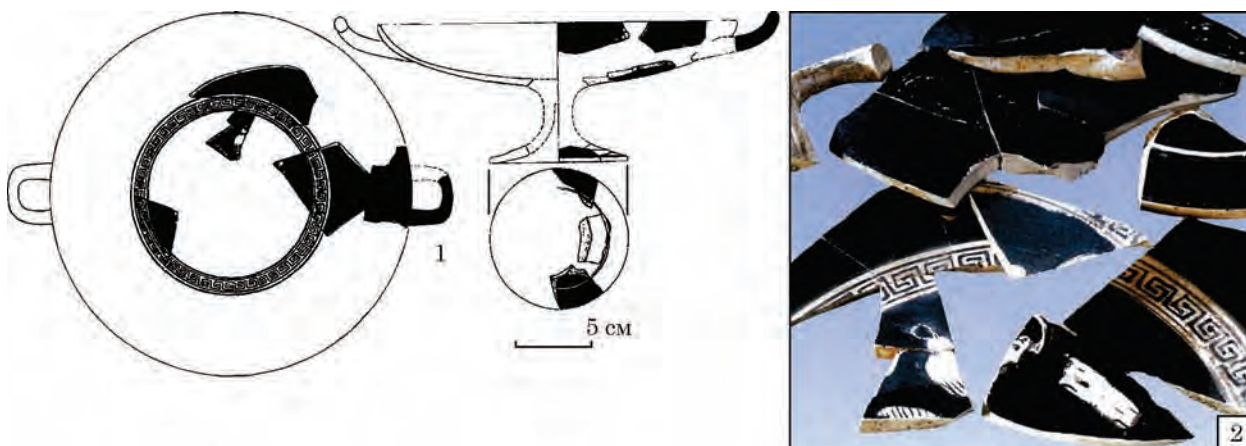


Рис. 7. Греческие и этрусские импорты из территории Чехии на фоне коммуникационных путей VI—V вв. до н. э. (колечки маркируют находки аттической керамики) (по Trefný 2011, fig. 18)

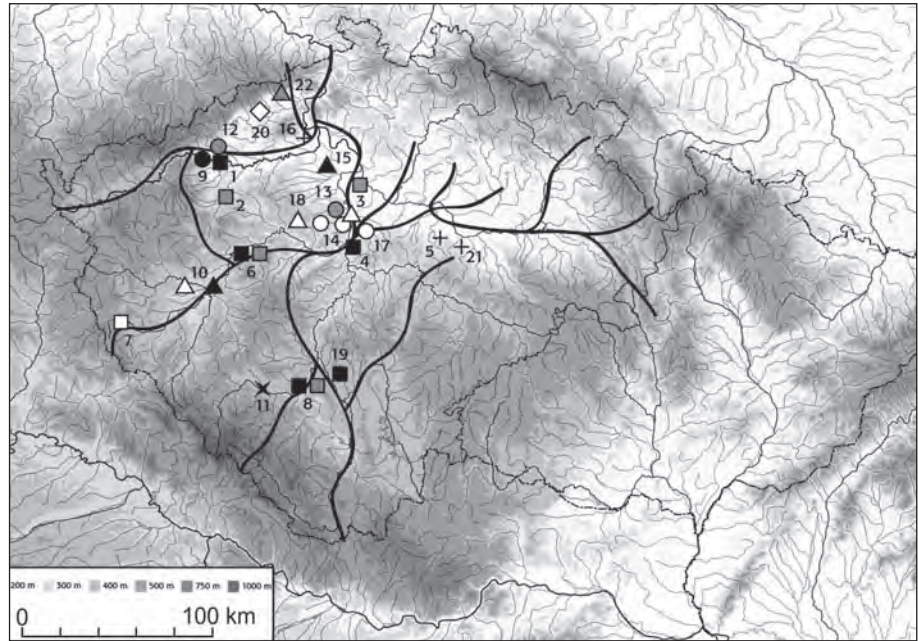
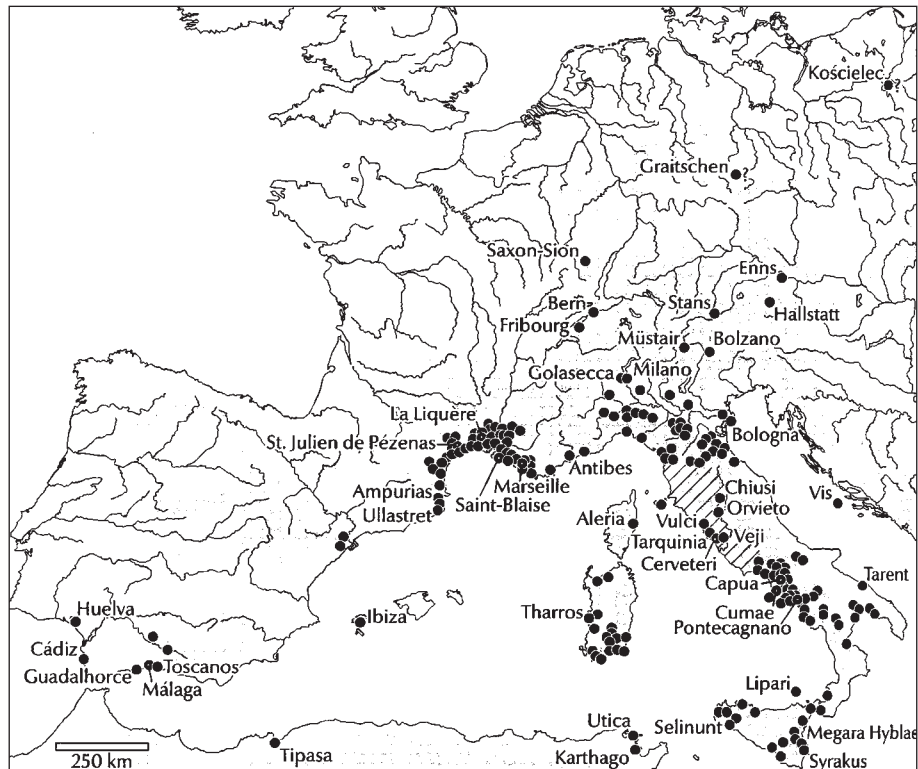


Рис. 8. Находки керамики *bucchero* в Юго-Западной Европе (по Kneisel 2012, fig. 290)



2011, Abb. 1; 20) (рис. 5). Самые северо-восточные находки этого типа (рис. 6), происходят из западной части Чешской котловины (Trefný 2011, p. 271—306) (рис. 7). Роскошная столовая керамика, представляет, однако, совсем другую категорию находок, чем тарная посуда, к которой относятся амфоры. Их находки не встречены за линией Монт Лессуа / Виск — Хойнебург (Krause 2011, Abb. 1). Исходной точкой этого импорта была как Массалия, так и т. н. «*Caput Adriae*», район греческих колоний Адрия (Adria) и Спина (Spina) у устья р. По (Krause 2011, Abb. 22).

Несколько далее к северо-востоку распространялся импорт этрусской керамики т. н. типа буккоро («*bucchero*») (рис. 8). Если не принимать во внимание спорную находку с Костельца (Kościelec) в Центральной Польше (Куявы) (von Hase 1992, Abb. 17), то они достигают Центральной Тюрингии и Верхней Австрии (Kneisel 2012, Abb. 290; Ettl 2017, Abb. 10). Усиление контактов с Италией приходится здесь лишь на период HaD; более ранний этрусский импорт в западногалльштатской среде весьма немногочислен (Reichenberger 1994, S. 190). Очевидно, зона ре-



Рис. 9. Находки кувшинов с клювовидным сливом в западной Европе (по Kimmig 1983, fig. 32)

цепции продуктов этрусских производственных центров была бы значительно шире (von Hase 1992, S. 235—266), если учитывать изделия из металла (Łuka 1957—1959, карты 1—3; von Hase 1989, S. 1031—1061; Kneisel 2012, Abb. 293). Особенно выразительным маркером является присутствие бронзовых кувшинов с клювовидным сливом («*Schnabelkannen*»), распространение которых доходит до линии реки Мозели в среднем течении Рейна, и до верховьев реки Лабы в Чешской котловине (Bouloumié 1982, p. 183 — рис.; Bouzek 1982, Abb. 2—3; 1992, Abb. 1—10, 13; 2007, fig. 9; Chvojka, Hrubý, 2007, Abb. 12: 3; Krause 2011, Abb. 1) (рис. 9). Однако, похоже, как и распространение керамики типа «*buchero*», оно определяет только границы зоны, охваченной наиболее интенсивными контактами с этрусским культурным центром (Jerem 1996, Abb. 7a). Вне этой зоны, к северо-востоку, характер этих взаимодействий, ассортимент заимствованных изделий и пути их проникновения являются предметом постоянных дискуссий (Bugaj 2010, p. 112—113). Характер импортов здесь обусловлен разными причинами. Например, привлекательностью и ценностью предмета, но — прежде всего — общественно-экономическим контекстом, в том числе общественной ролью элит. В случае предметов массового употребления, например, фибул, на масштабности их распространения может сказываться явление подражания первичным образцам.

Еще более сложной выглядит ситуация в северо-западных регионах Балканского полуостро-

ва, где накладываются друг на друга греческие и этрусские (италийские) влияния. Особенно они сосредоточены, как в своеобразной линзе, в гальштатских группах на территории сегодняшней Словении. Куда, однако, как кажется, широко не проникал товарообмен, для которого характерно, прежде всего, использование емкостей типа амфор. Греческий импорт представлен здесь одиночными находками чернофигурной, краснофигурной и чернолаковой керамики, например, Коритница (Koritnica), Мост на Соче (Most na Soči) или Поштела (Poštela) в Словении. Эти сосуды происходят из ионийских мастерских (Mihovilić 1995, Abb. 15 — карта; Teržan 1995, S. 131—133, Abb. 1—14) (рис. 10). В коротком хронологическом промежутке конца VIII — начала VII в. до н. э., и первоначально — немногочисленная, появляется здесь и апулийская расписная керамика (Batović 1976, p. 58—61, fig. 19—22, карта 5; Mihovilić 1995, fig. 14 — карта; Teržan 1995, Abb. 15), которая, однако, чаще встречается (рис. 11), в основном в комплексах второй половины VII—VI вв. до н. э. (Gabrovec, Mihovilić 1987, p. 311). Она также известна и в древностях Нижнекаринтской («*dolenjske*») группы (Gabrovec 1987, fig. 2: 23 — карта 1) (рис. 12)¹. Апулийская распис-

1. Отдельные находки и их подражания происходят также из более поздних комплексов Нижнекаринтской группы, например, Ново Место — Капителлийская Нива (Novo Mesto — Kapitelijska njiva), Словения (Križ, 1997, p. 31—32).

Рис. 10. Распространение греческой чернофигурной и чернолаковой (колечка) и краснофигурной (треугольники) керамики в северо-западной части Балканского полуострова (№ 14 — Novi Pazar) (по Teržan 1995, fig. 14)

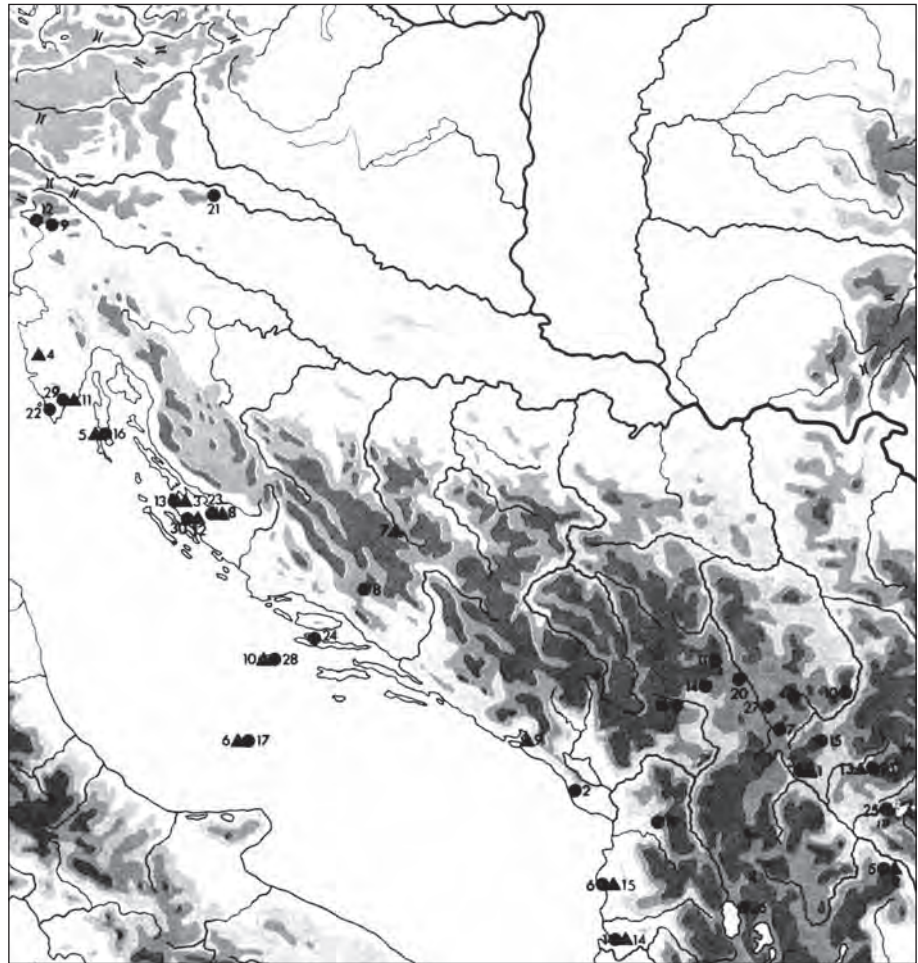
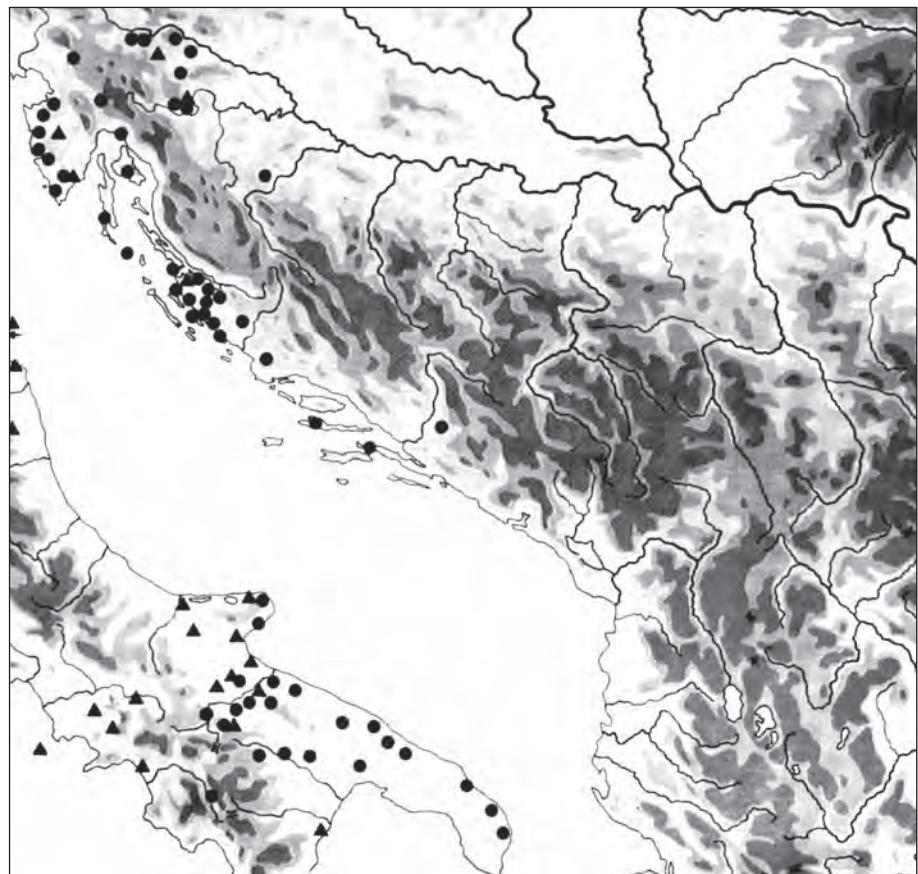


Рис. 11. Распространение апулийско-даунийской расписной керамики в конце VIII и начале VII вв. до н. э. (треугольники), а также в развитом VII и VI вв. до н. э. (колечки) в северо-западной части Балканского полуострова (по Teržan 1995, fig. 15)



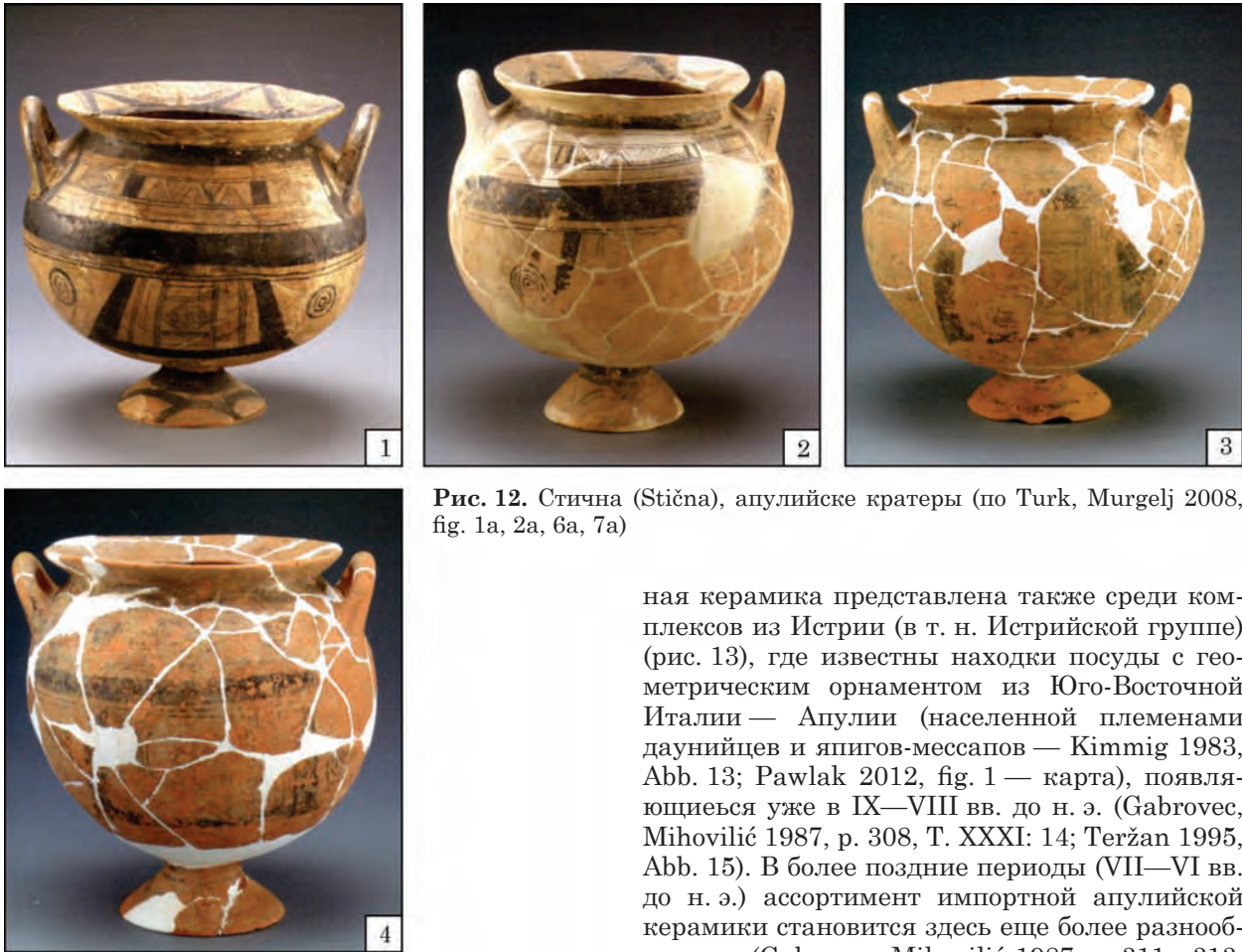


Рис. 12. Стична (Stična), апулійске кратеры (по Turk, Murgelj 2008, fig. 1a, 2a, 6a, 7a)

ная керамика представлена также среди комплексов из Истрии (в т. н. Истрийской группе) (рис. 13), где известны находки посуды с геометрическим орнаментом из Юго-Восточной Италии — Апулии (населенной племенами даунийцев и япигов-мессапов — Kimmig 1983, Abb. 13; Pawlak 2012, fig. 1 — карта), появляющиеся уже в IX—VIII вв. до н. э. (Gabrovec, Mihovilić 1987, p. 308, T. XXXI: 14; Teržan 1995, Abb. 15). В более поздние периоды (VII—VI вв. до н. э.) ассортимент импортной апулийской керамики становится здесь еще более разнообразным (Gabrovec, Mihovilić 1987, p. 311—313, fig. 17: 24; T. XXXII: 1). Похожей выглядит ситуация на соседних с Истрией островах и на побережье Северо-Восточной Адриатики, которую населяли исторические племена либурнов (т. н. либурнийская группа). Украшенная геометрическим орнаментом, и чернолаковая керамика из Апулии, появляется здесь в VIII—

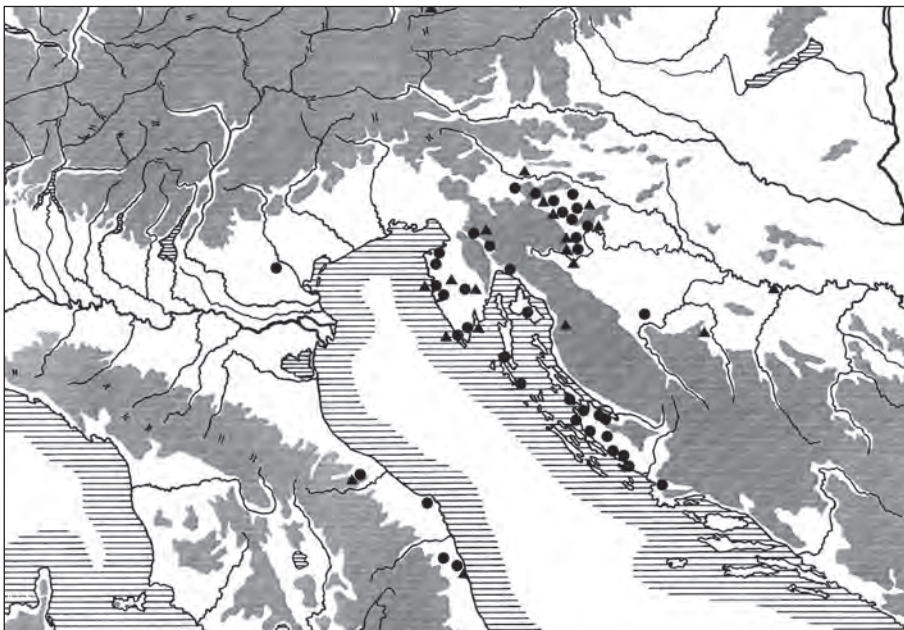


Рис. 13. Распространение апулийской расписной керамики (колечка) и кинжалов типа *mahaira* (треугольники) в североадриатической зоне (*Caput Adriae*) (по Mihovilić 1995, fig. 14)

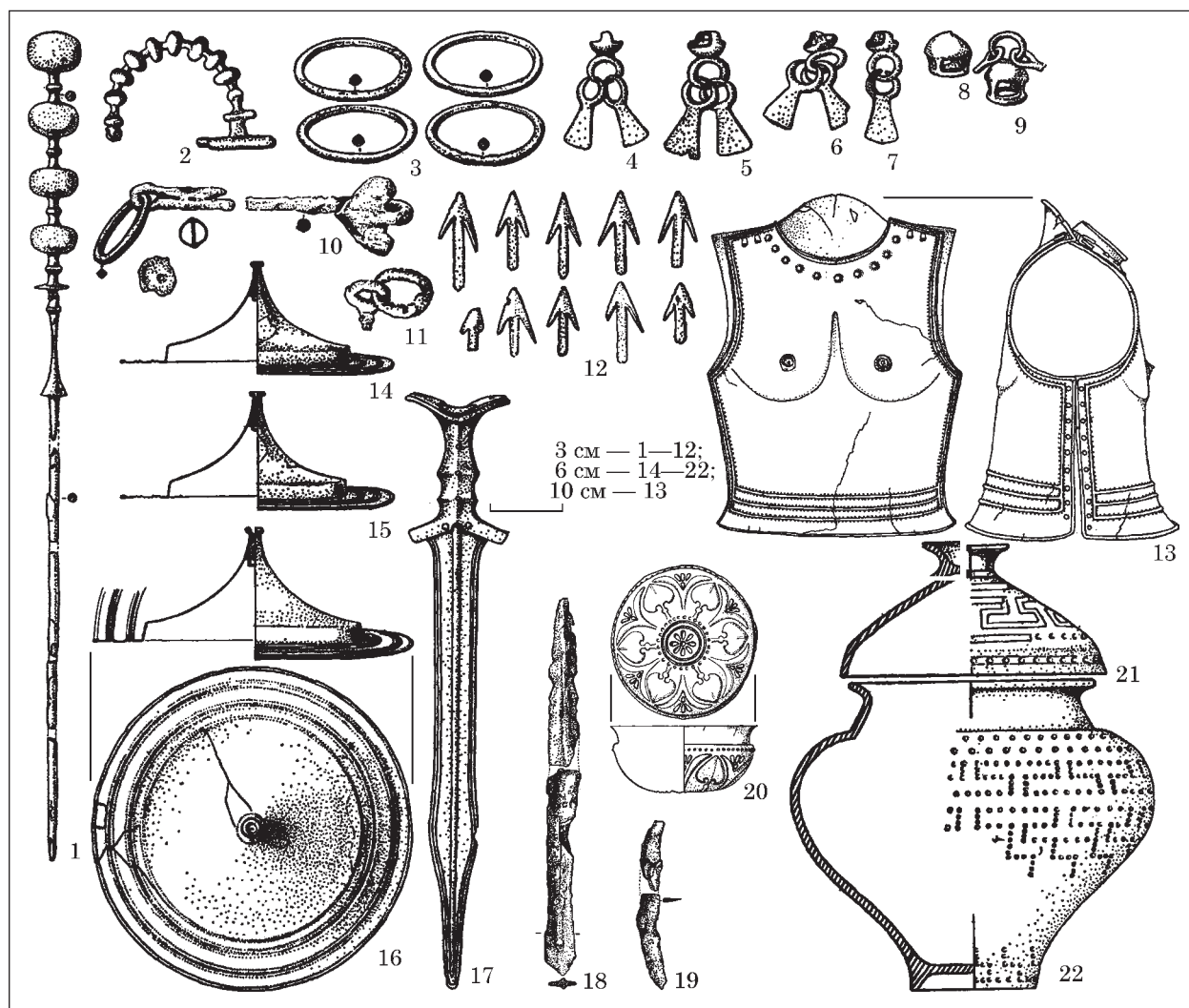


Рис. 14. Стична (Stična), избранные элементы оснащения т. н. захоронения с доспехом (*Panzergrab*) (по Gabrovec 1966, fig. 4—7)

VII вв. до н. э. (Batović 1987, p. 350, T. XXXVI: 1, 3—4; XXXVIII: 1), а ее ассортимент, как и в Истрии, постепенно увеличивается в рамках последующих контактов (Gabrovec, Mihovilić 1987, T. XXXII: 1; XXXIII: 1—2; XXXIV: 2; Batović 1987, p. 350—351, T. XXXVI: 2, 6—8, XXXIX: 8; Teržan 1995, Abb. 15). Не вызывает сомнения, что Истрия и территории либурнов были одним из ключевых пунктов в торговых контактах между южной и северной частью Адриатики (Mihovilić 1995, S. 283, fig. 1). В континентальной части, вне либурнской территории, в зоне, заселенной яподами (Drechsler-Bižić 1987, карта 3), итальянский импорт ограничивается в основном изделиями из металла (Drechsler-Bižić 1987, p. 400—407, fig. 22—24; Teržan 1995, Abb. 15).

На территории Словении, в комплексах Нижнекраинской группы, в памятниках типа: Стична (Stična), Магдаленска Гора (Magdalenska gora), Ново Место (Novo Mesto) появляется тоже керамика типа «*bucchero*» а также ее подражания и роскошная этруская металлическая

посуда (Gabrovec 1992, S. 203—218, Abb. 10; 13). Хорошим ее примером является бронзовая миска, украшенная рельефным орнаментом, найденная в так называемой гробнице с доспехом («*Panzergrab*») в Стичне (Gabrovec 1966, Abb. 5: 4) (рис. 14). Большое распространение получило, прежде всего, применение самой технологии «буккери-неро» («*bucchero nero*»), представляющей, включая образцы керамики с геометрическим расписным орнаментом (Mihovilić 1995, Abb. 13 — карта) (рис. 15), характерное явление адаптации средиземноморских образцов: греческих, апулийских и этрусских, в гальштатской среде восточно-альпийской зоны. Отдельная проблема — массовое распространение здесь фибул (и других металлических элементов костюма), а также украшений, имеющих итальянское происхождение (Gabrovec 1992, Abb. 2, 5, 8—9, 14).

В зоне Юго-Восточных Альп, особенно начиная со второй половины VII в. до н. э., этрусские (италийские) влияния хорошо прослеживаются и в вооружении, прежде всего — защитном

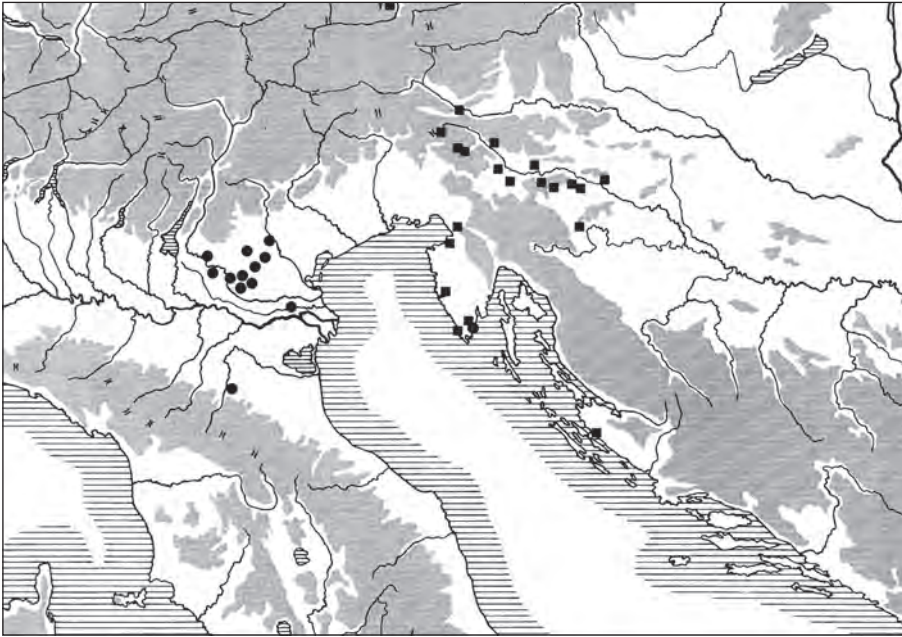


Рис. 15. Распространение расписной керамики, украшенной черно-красными поясами в североадриатической зоне (*Caput Adrie*) (по Mihović 1995, fig. 13)

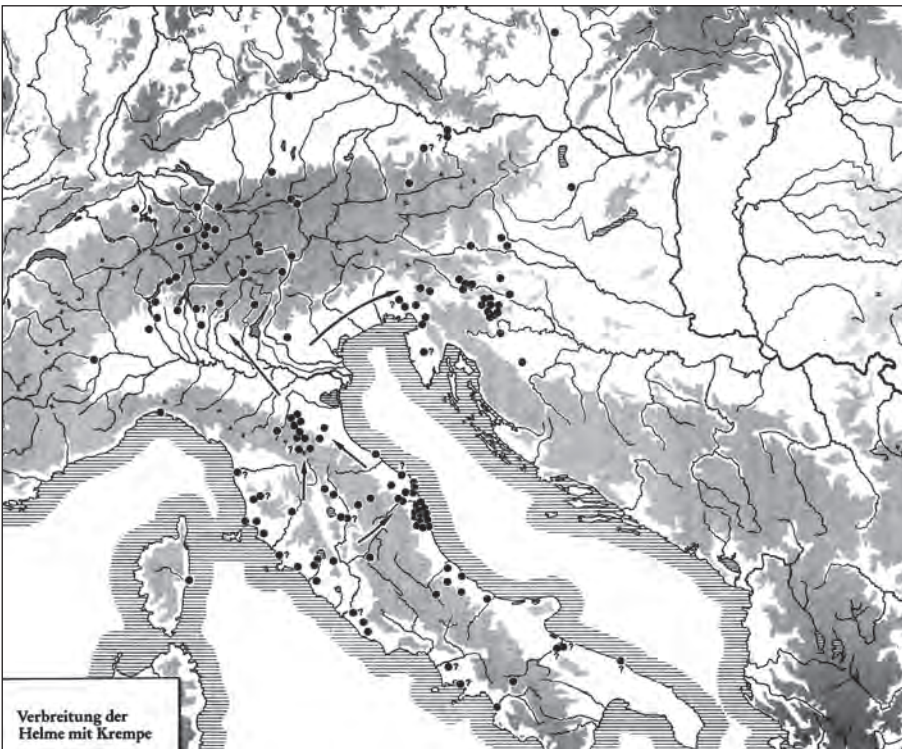


Рис. 16. Распространение италийских шлемов с полем (по Egg 1996, fig. 8)

(Egg 1980, Abb. 4 — карта; 1996, S. 67, Abb. 8) (рис. 16)¹. Особенно характерно распространение с VI в. до н. э. негауских (Negova) шлемов (рис. 17), подражающих этрусско-италийским образцам (Teržan 1995, S. 85—86, Abb. 5). В этом контексте стоит упомянуть о предполагаемой находке этрусского шлема с гребнем возле деревни Завадинцы (Завадинці) (рис. 18: 3), на север от

1. Объем данной статьи не позволяет детально рассмотреть массовое распространение бронзовых элементов костюма и украшений италийско-галльштатских групп.

Каменца-Подольского (Кам'янець-Подільський) (von Merhart 1969, Abb. 6: 3, карта 3; von Hase 1989, Abb. 7 — карта; 1992, Abb. 6)². Возможно об этом направлении распространения бронзовых

2. При условии достоверности этой находки, которая выявлена далеко от зоны ее главного распространения (von Merhart 1969, карта 3). В этом контексте можно однако вспомнить также и о находке фрагментов шлема с гребнем возле Шкоцян (Муша Яма) (Škocjan — Muša Jama), в западной Словении (Guštin 1979, T. A), элементы украшения которого (мотивы водной птицы) имеют аналогии среди этрусских шлемов с гребнем из Италии (von Merhart 1969, Abb. 6: 1—2).

Рис. 17. Распространение шлемов типа Negova (по Teržan 2008, fig. 60)

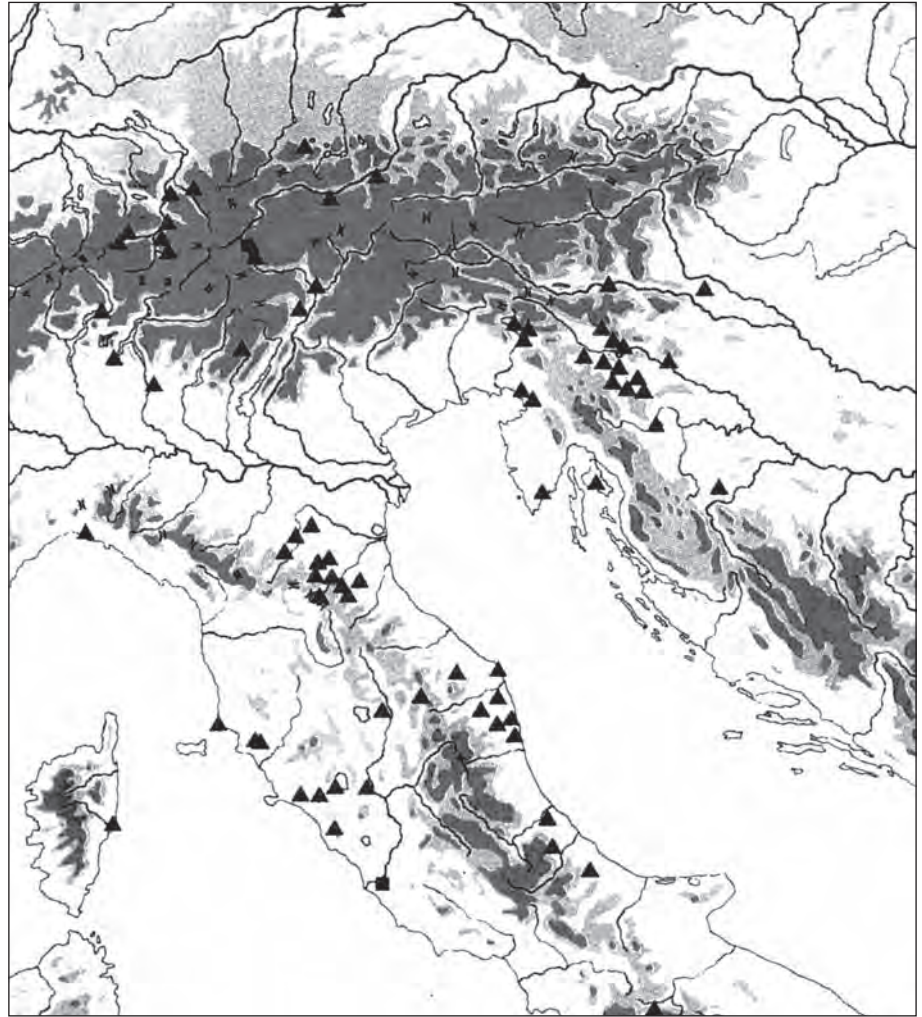
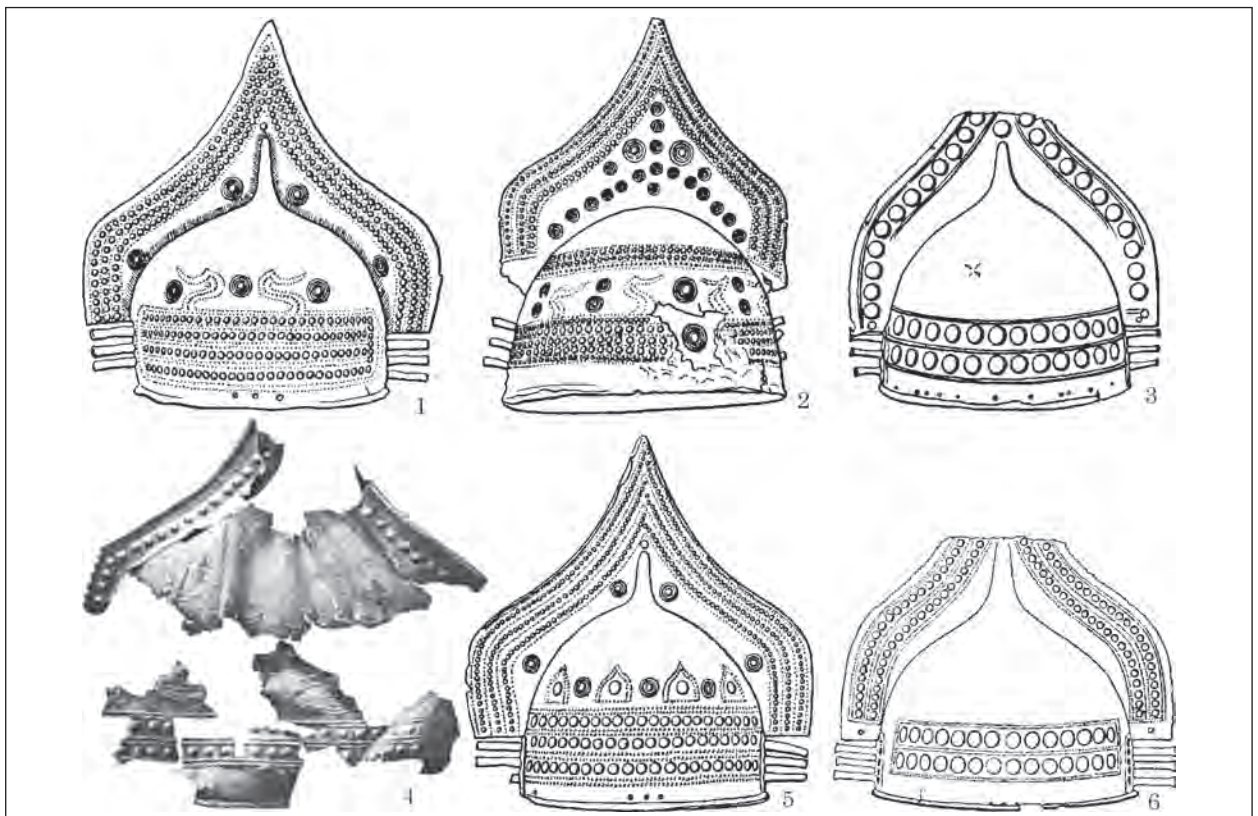


Рис. 18. Примеры этрусских шлемов с гребнем: 1 — Cornento-Tarquīnia; 2 — Италия; 3 — Завадинцы; 4 — Škocjan-Mušja jama; 5 — Capodimonte; 6 — Sala Consiliana (по: 1—3 и 5—6 — von Merhart 1969, fig. 6; 4 — Guštin 1979, tab. A)



изделий из этрусских мастерских, свидетельствует тоже очередная предполагаемая находка этрусского зеркала из Хайдубёсэрмены-Зелемер (Hajdúböszörmény-Zelemér) возле Дебрецина, в Северо-Восточной Венгрии (Szilágyi 1951—1952, S. 449)¹. В Центральной Европе концентрацию

1. Позднее Михали Пардуц ошибочно (?) интерпретировал его как скифское (Párducz 1960, p. 533, прим. 28, Pl. XXIX — карта).

металлического импорта италийского происхождения наблюдается тоже на территории Польши в Южной Великопольше (Łuka 1957—1959, карта 1—3). К наиболее характерным находкам относится клад из Малых Восковиц (Woskowice Małe) возле Намислова (Namysłów), на границе Силезии и Великопольши (Łuka 1959, p. 9—10, fig. 4). В его состав, кроме прочих предметов (рис. 19), входят три поперечно ребристые ведра (цисты) италийского происхождения (Gedl 2001,

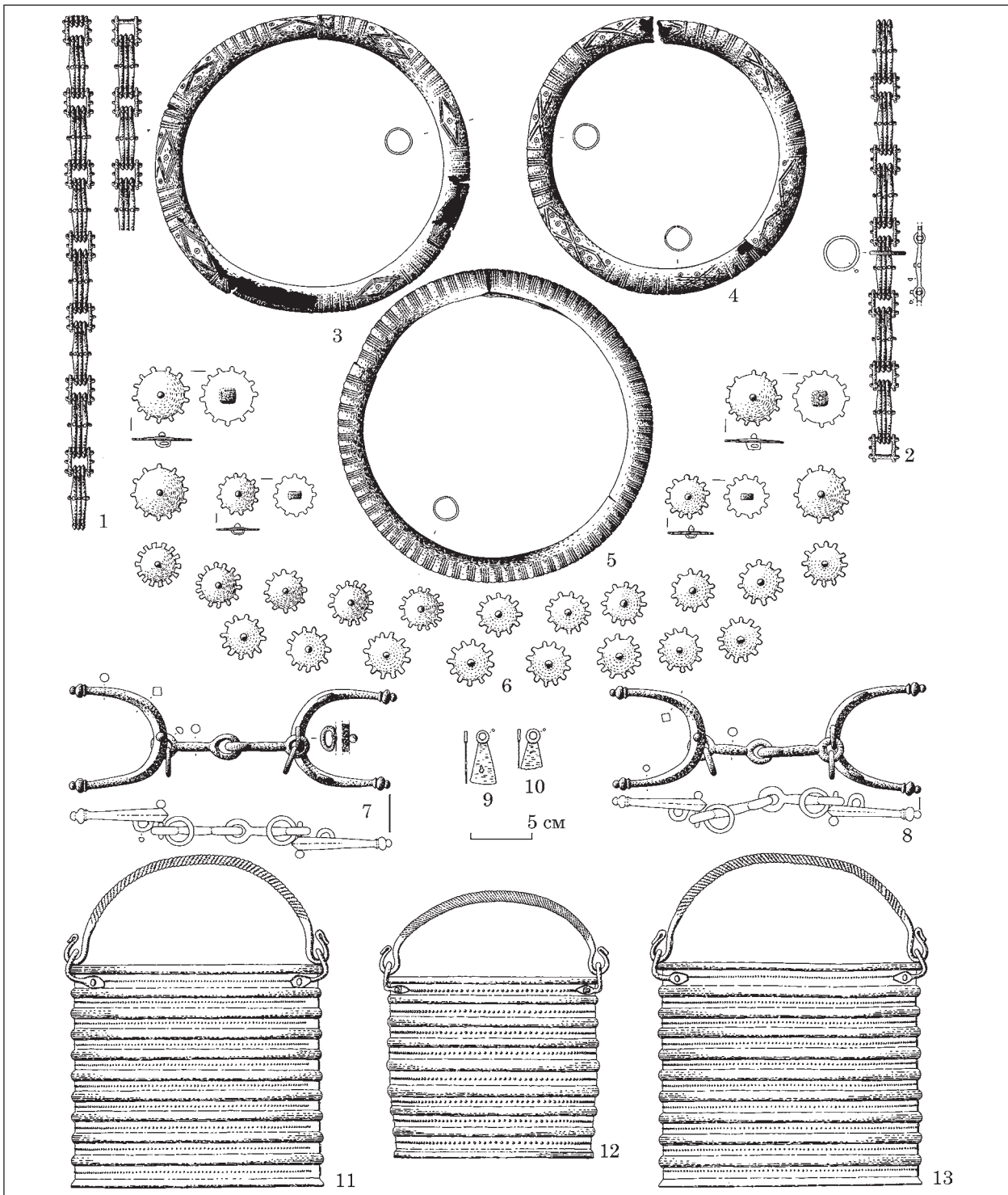
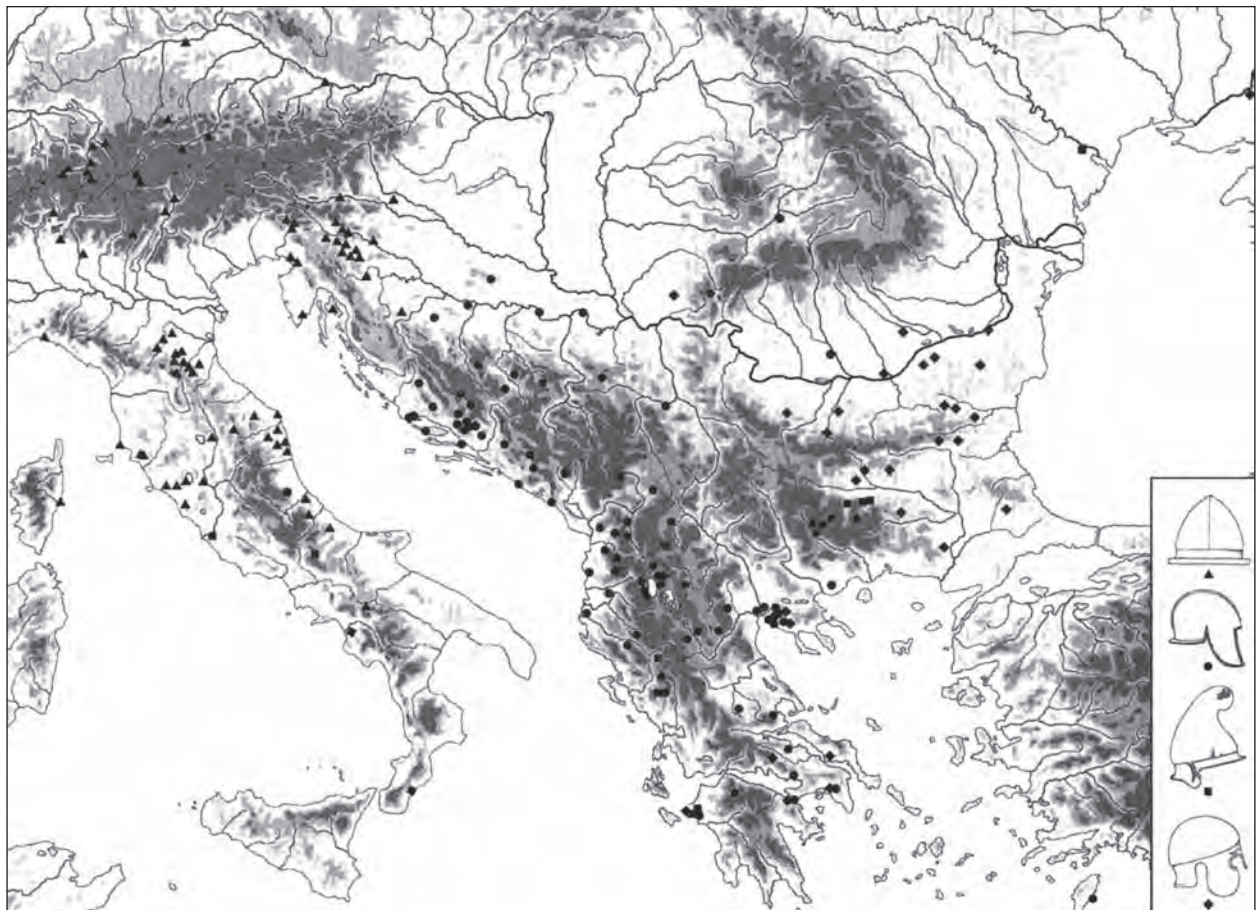


Рис. 19. Восковице Мале (Woskowice Małe), клад I — пример комплекса с италийскими импортами (по Gedl 2001, tab. 56—59)

Рис. 20. Распространение итальяйских поперечно ребристых цист, найденных в кладах (колечки) и погребениях (квадраты) на территории Европы (по Hansen 1995, fig. 6)



Рис. 21. Распространение шлемов типа Negrova, а также шлемов иллирийского, фригийского и халкидического типов (по Teržan 1995, fig. 5)



Taf. 59: 1—3; Hansen 1995, Abb. 6 — карта) и двое удил с псалями, близкие к т. н. типу «Болонья» (Bologna) (Gedl 2001, Taf. 58: 5—6), также, вероятно, подобного происхождения (von Hase 1969, S. 23—25, Taf. 11: 122—127; 12: 128—131). Появление этих находок итальяйского импорта так далеко на севере (рис. 20) связано, предположительно, с привлекательностью балтийского янтаря, дистрибуция которого способствовала, в разные периоды древней истории, развитию

тесных контактов в формате Север—Юг (Luka 1957—1959, p. 94).

В сложении системы вооружения в среде гальштатских и иллирийских элит на северо-западных окраинах Балкан, вне местной традиции и итальяйских влияний, существенную роль сыграли образцы военного ремесла греков. Относится это, и к шлемам т. н. греко-иллирийского типа, и к импортам коринфских или халкидических шлемов (Teržan 1995, S. 86—89, Abb. 5—10) (рис. 21).

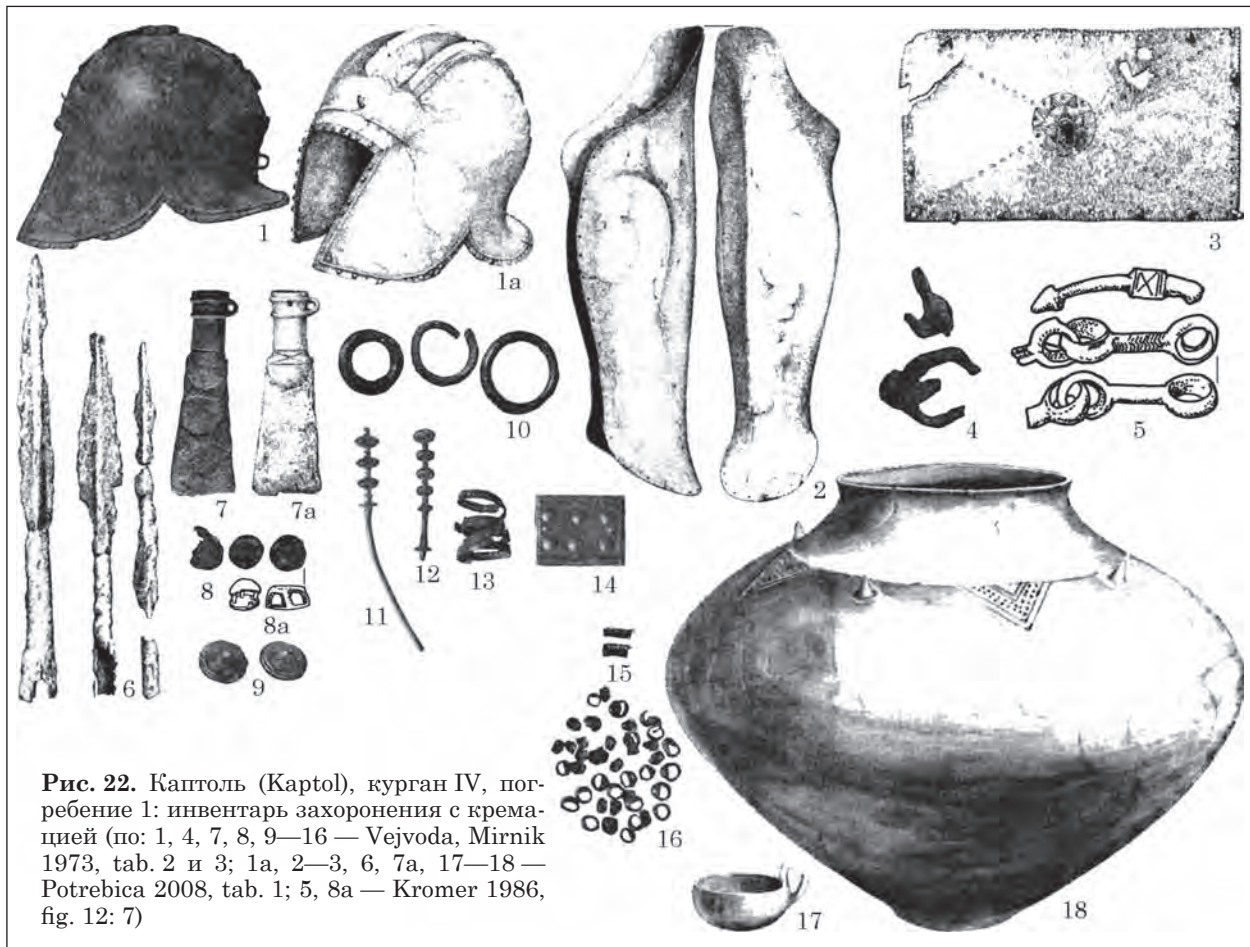


Рис. 22. Каптоль (Kartol), курган IV, погребение 1: инвентарь захоронения с кремацией (по: 1, 4, 7, 8, 9—16 — Vejvoda, Mirnik 1973, tab. 2 и 3; 1a, 2—3, 6, 7a, 17—18 — Potrebica 2008, tab. 1; 5, 8a — Kromer 1986, fig. 12: 7)

Примером могут служить находки из Каптоля (Kartol) на территории Славонии (Хорватия) в междуречье Савы и Дравы, где среди богатого погребального инвентаря, рядом со шлемами иллирийского типа, найдены поножи (курган IV — рис. 22), а в другом комплексе (курган X — рис. 23) — шлем коринфского типа (Vejvoda, Mirnik 1973, Т. 2: 1—2, 7: 5; Potrebica 2012, Pl. 1: 1—2, 5 и 2: 1—3). Похожие находки выявлены и в могильнике Донья Долина (Donja-Dolina) над Савой в северной Боснии (Marović 1976, fig. 1 — карта, Т. I: 2—3), и также из Гласинаца (Glasinac), Арарева громила (Arareva gromila — рис. 24) (Benac, Čović 1957, p. 20, Т. XXXX—XXXI). Халкидикский шлем обнаружен пр. в местности Вршац (Vršac) в Восточной Воеводине (Teržan 1995, S. 124, Abb. 10 — карта)¹. Скорее всего, распространение этих элементов вооружения было связано не только с функционированием адриатического судоходства и существованием колоний Епидамнус (Epidamnus) и Аполлония (Apollonia) (рис. 25), основанных около 600 г. до н. э. (Boardman 1981; Bakhuizen 1986, p. 174 — карта; Teržan 1995, S. 87—89, Abb. 5; Jerem 1996, Abb. 6), но и с сухопутными дорогами, которые проходили по оси Вардар-Морава (Potrebica 2008, fig. 3) (рис. 26). Об этом

1. Здесь отмечается только самые северные находки импортов определенного типа.

может свидетельствовать не только локализация части находок шлемов иллирийского типа на Балканском полуострове (Egg 1996, Abb. 9), но в особенности, концентрация т. н. «греко-иллирийских» богатых комплексов, представленных, в основном погребальным инвентарем элитарных гробниц поблизости оси Вардар — Морава в центральной части Балкан (Popović 1975, p. 14 — карта; Palavestra 1987—1988a, p. 84; Potrebica 2012, fig. 4 — карта) (рис. 27). К наиболее характерным из них относится «княжеская» гробница в Новом Пазаре (Novi Pazar) в южной Сербии (Mano-Zisi, Popović 1969), в погребальном инвентаре которой найдена чернофигурная керамика (ольпа и килик), датированная последними десятилетиями VI — началом V в. до н. э. (Popović 1975, p. 42—43, fig. 14—15; Vasić 1987a, p. 645, Т. LVII: 12) (рис. 28). Это, по сути дела, наиболее северная находка греческой керамики такого типа в центральной части Балкан (рис. 10). Похожих границ к северу достигают находки коринфской керамики², а ионийская керамика сосредоточена в основном на территории Гласина-

2. В литературе можно найти также информацию о двух коринфских арибаллах, которые хранятся в музее в Сомбатхей (Szombathely), однако доказательства, что они найдены на территории Венгрии, отсутствуют (Harmatta 1968, S. 157; Popović 1975, p. 43).

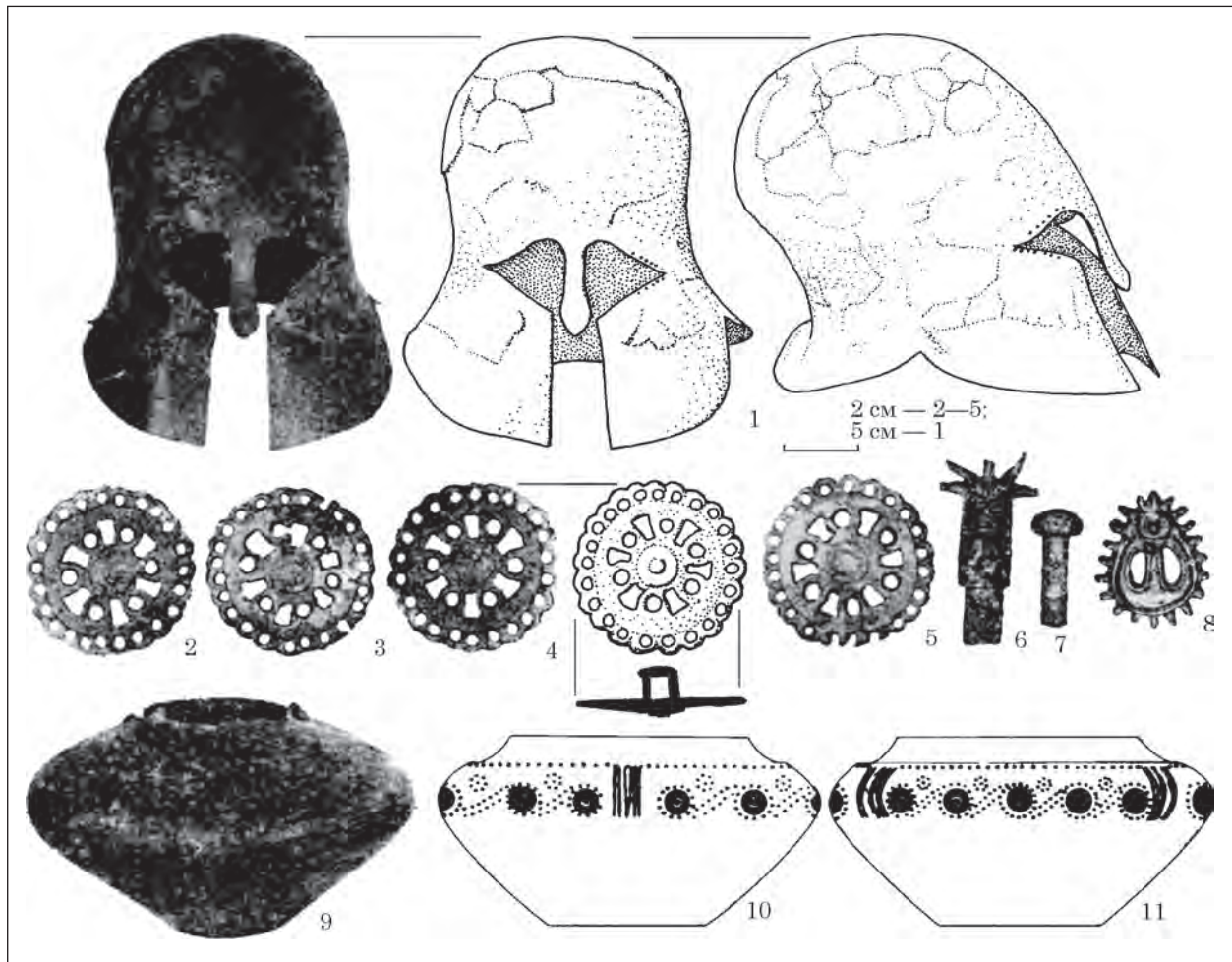


Рис. 23. Капitol (Kaptol), курган X, погребение 1: инвентарь захоронения с кремацией (по: 1—11 — Vejvoda, Mirnik 1973, tab. 7; 1a, 4a — Kromer 1986, fig. 12: 8—9)

ца (Kromer 1986, Abb. 11) (рис. 29). Еще дальше к северо-востоку расположен только «княжеский» некрополь в Атенице (Atenica) возле Чачака (Čačak) (рис. 30), где в инвентаре кургана II (погребение с повозкой) представлены ойнохойя, орнаментированная горизонтальными красно-коричневыми лентами (Djuknić, Jovanović 1966, p. 12, Pl. XXVII: 1), а кроме того — базисные наконечники стрел скифского типа¹ и удила типа Векерзуг (Vekerzug) (Djuknić, Jovanović 1966, Pl. XXIV: 1—5, XXV: 5) (рис. 31—32). Комплекс в целом изначально датировался последней четвертью VI в. до н. э. (Djuknić, Jovanović 1966, p. 24). Однако теперь для него предлагают более раннюю хронологию, вплоть до второй четверти VI в. до н. э. (Kemenczei 2004, S. 89)². Среди греческого импорта из гробницы в Новом Пазаре,

кроме представленной уже чернофигурной посуды, надо назвать бронзовый кратер (Popović 1975, fig. 16), для которого можно привести аналогии из знаменитого «княжеского» некрополя в Требниште (Trebenište) на северо-восток от Охриды. В том числе два чернофигурных лекифа, два килика, два бронзовых кратера, тренога, бронзовая гидрия и халкидический шлем (Popović 1975, fig. 4—12; Kromer 1986, Abb. 10; Potrebica 2008, T. 5), датирующиеся концом VI в. до н. э. (Поповић 1994, p. 101—103, 244—245). Они свидетельствуют, что Халкидика была одним из исходных районов греческого культурного влияния на территории Центральных Балкан (Popović 1975, p. 37—38; Potrebica 2008, fig. 3 — карта). Более многочисленное насыщение импортом, в «периферийной зоне греческих культурных влияний» (Jerem 1996, Abb. 2), в принципе, заканчиваются на территории Пелагонии (Микулчић 1964—1965, p. 209—226). Нет однако данных, подтверждающих использование на этой территории глиняных амфор³.

1. Близкие типологически и хронологически наконечники стрел скифского типа также найдены в гробнице Печка Баня (Peška Banja) (Ljuština, Ninić 2017, fig. 6: 6).
2. В литературе можно также встретить мнение о более поздней (первая четверть V в. до н. э.) датировке гробницы в Атенице (Vasić 2007, p. 559—561).

3. Исключением является находка бронзовой амфоры из местности Петилеп (Petilep) в Пелагонии (Микулчић 1966, fig. 11).



Рис. 24. Арарева Громила (Arageva gromila), курган, погребение 1: инвентарь захоронения с кремацией (избранные элементы) (по Венас, Соџић 1957, tab. XXXX—XXXVI)

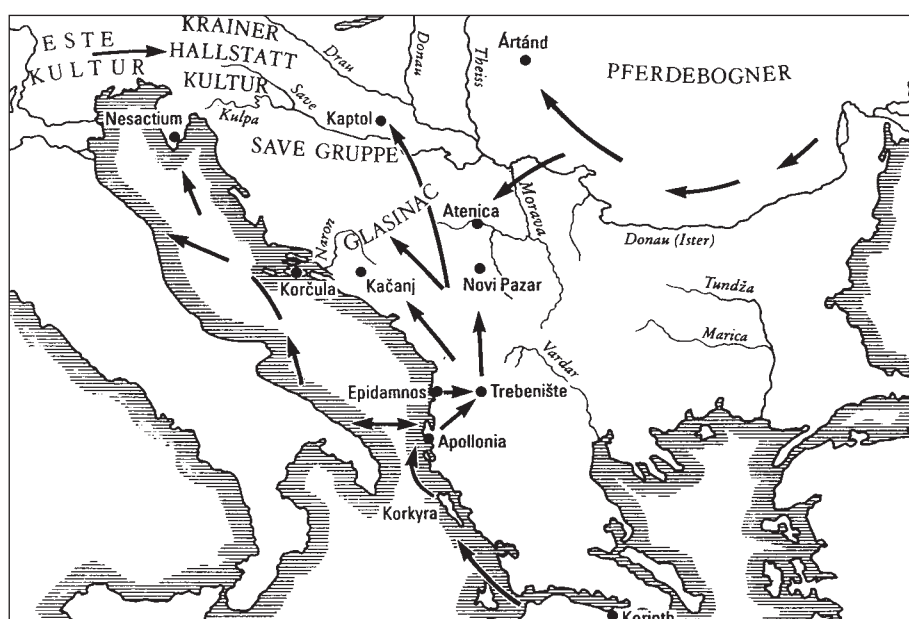


Рис. 25. Пути перемещения греческих импортов в западной части Балканского полуострова (по Kromer 1986, fig. 9)

Рис. 26. Коммуникационные пути на Балканах в VII—V вв. до н. э. (по Potrebica 2008, fig. 3)

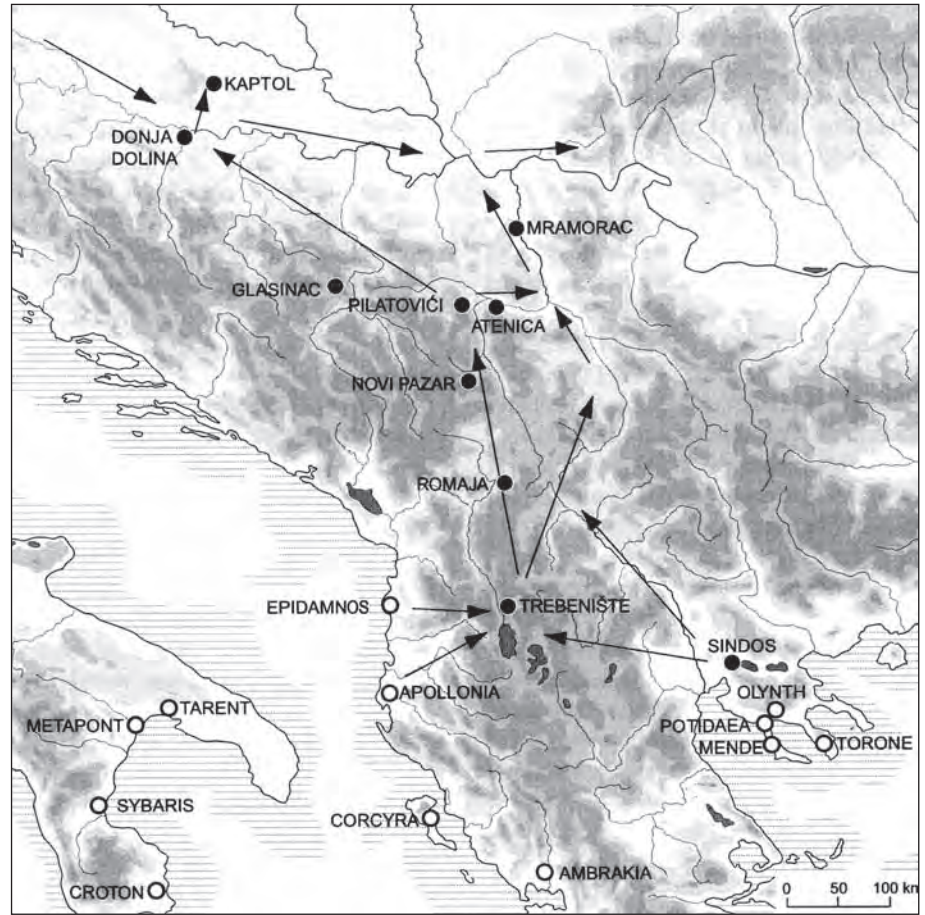


Рис. 27. Распространение позднеархаических греческих импортов в центральной части Балканского полуострова (по Potrebica 2008, fig. 4)

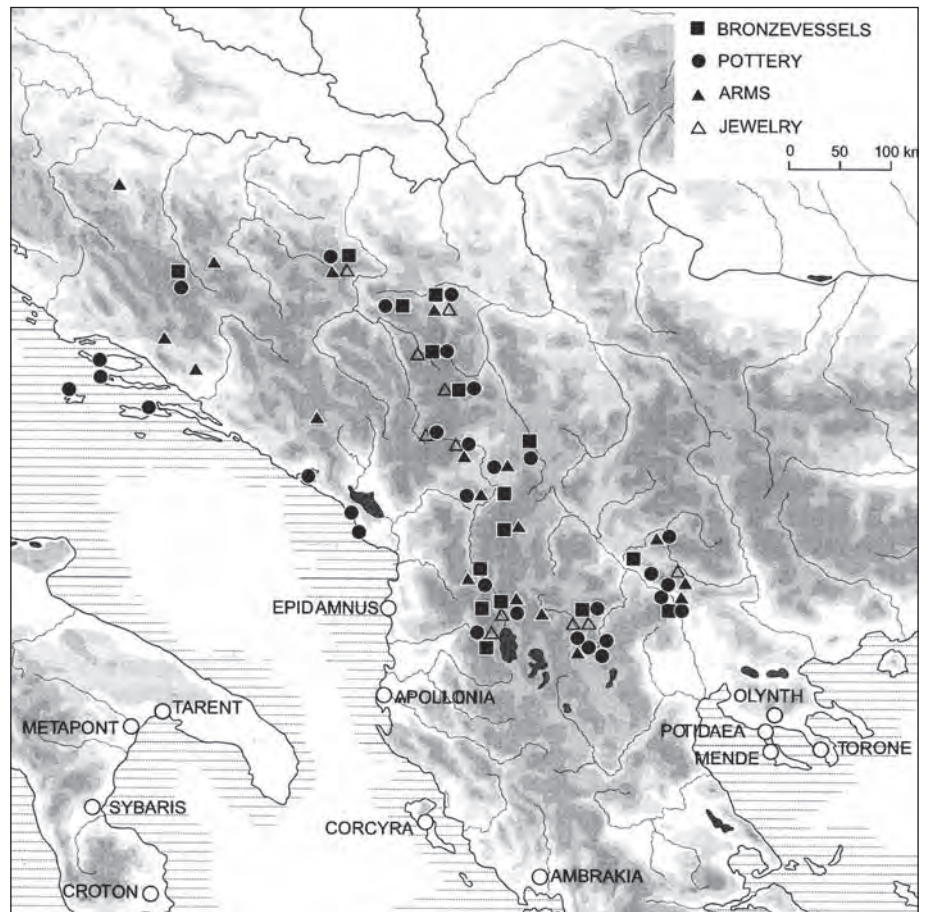


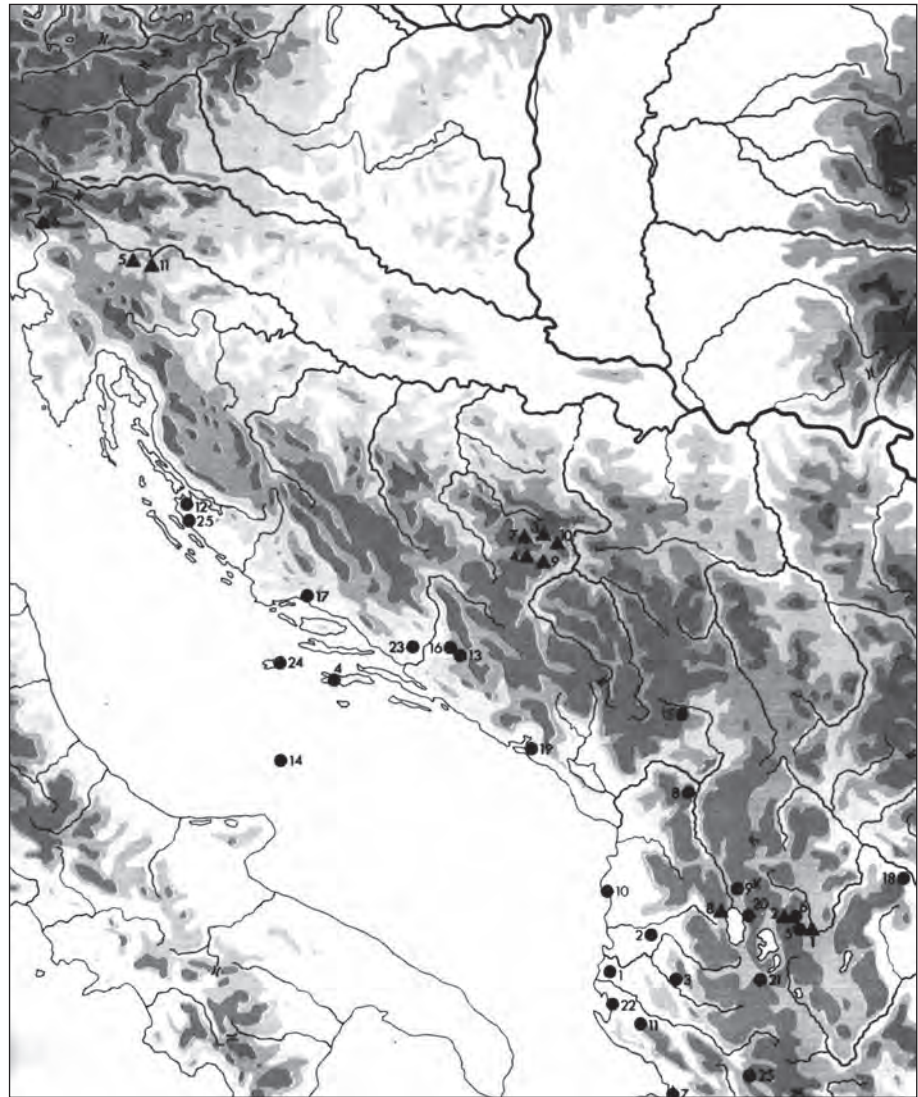


Рис. 28. Нови Пазар — Петрова Црква (Novi Pazar — Petrova Crkva): избранные элементы инвентаря «княжеской» гробницы (по: 1—3 — Popović 1994, N 217—218, 225; 4—8 — Popović 1975, N 14—16, 26, 28)

Концентрация балканских бронзовых импортов эпохи раннего железа, в основном украшений и металлических элементов костюма (рис. 33), а также находок керамики типа Басараби (рис. 34), на Большой Венгерской низменности (Kemenczei 1988, S. 93—113), особенно вдоль реки Тисы, вплоть до Кошицкой котловины (Miroššayová 2010, fig. 4; 2010a, fig. 4), подтверждает интенсивность контактов этой территории с Балканами. Кроме того, значение пути Вардар — Морава — Тиса подчеркивается характером таких находок как подкурганное «княжеское» захоронение из Артанд-Зомлин пуста (Ártánd-Zomlin puszta) на восточной окраине Большой Венгерской низменности к северо-западу от Орадея (Oradea). В этой могиле, вместе с оружием (чешуйчатым доспехом, ум-

боном щита, наконечником копья, чеканом) (рис. 35) и элементами парадной конской сбруи с фаларами и удилами типа Векерзуг (рис. 36: 3—12), а также комплектом золотых украшений (диадема, накладки-бляшки, браслеты и бусы — рис. 37), находился бронзовый казан. И, что в этом случае крайне показательно — бронзовая гидрия (рис. 36: 1—2) (Párducz 1971). Изначально гидрию из Артанда датировали 570/560 гг. до н. э., связывая ее происхождение с мастерскими в Спарте (Szilágyi 1965, p. 386—390). Однако позже появилось предположение о более ранней дате — последней четверти VII в. до н. э. (Stiebbe 2004, S. 38). Связь этой находки с функционированием центрально-балканского торгового пути не вызывает никаких сомнений (Kemenczei 2009,

Рис. 29. Распространение коринфской (колючка) и геческо-ионийской (треугольники) керамики в юго-западной части Балканского полуострова (по Teržan 1995, fig. 13)



S. 70)¹. Захоронение в кургане из Артанда, изначально датированном 550—530 гг. до н. э. (Párducz 1971, Pl. 20/1), теперь хронологически сближают со временем изготовления гидрии (Kemenczei 2009, S. 70). Комплекс из Артанда имеет аналогии в «княжеском» семейном некрополе из Пилатовичи (Pilatovići) около города Ужице (Užice) в западной Сербии. В боковой гробнице этого некрополя, среди прочих вещей, также найдены фрагменты бронзовой

1. Вероятно, с этим торговым путем также связана находка греческой гидрии в реке Боржава (Posta 1914, p. 19—20) возле Бене (Бене), около Берегова (Попович 2006, с. 57—58, fig. 35), первоначально датированная 470—440 гг. до н. э. (Szilágyi 1966, p. 103—104). Однако, учитывая аналогии, в т. ч. среди известных находок греческой бронзовой посуды из реки Супой (Супий) в местности Песчаное (Пищане), возле Золотоноши, которые датируются не ранее чем V в. до н. э. (Ганина 1970, с. 84—85, рис. 42, 44), гидрию с Бене следует, вероятно, связывать с младшим горизонтом иллирийских «княжеских» захоронений (Vasić 2003, p. 115) и датировать, скорее всего, первой половиной (началом?) V в. до н. э.

гидрии, изготовленной в Спарте в конце VII в. до н. э. А также — фрагменты бронзового котла, бронзовая фигурка коня, которая интерпретируется как украшение щита (?), наконечники стрел скифского типа (Vasić 2003, p. 120—121; Ljuština, Ninić 2017, fig. 6: 3). Комплекс трех гробниц этого некрополя датируется второй—третьей четвертью VI в. до н. э., и представляет старший горизонт иллирийских «княжеских» гробниц на центральных Балканах, связанный с временем около середины — третьей четверти VI в. до н. э. (Vasić 2003, p. 115)². Тип наконечников стрел скифского типа из гробницы в

2. К этому горизонту относятся также находки из погребения в Апарева Громила (Arareva gromila) в Гласинаце (Glasinac), в богатом инвентаре которого открыт коринфский шлем (Vasić 2003, p. 115). К младшему горизонту иллирийских «княжеских» гробниц, датированному в целом концом VI — первой третью V в. до н. э., относятся, упомянутые выше гробницы из Атеницы и похожий комплекс с Печка Баня из западной Метохий с тремя шлемами иллирийского типа (Vasić 2003, p. 115).

Рис. 30. Атеница (Atenica): план и реконструкция курганов I и II (по Djuknić, Jovanović 1966, tab. XXVIII, XXX и XXXV)

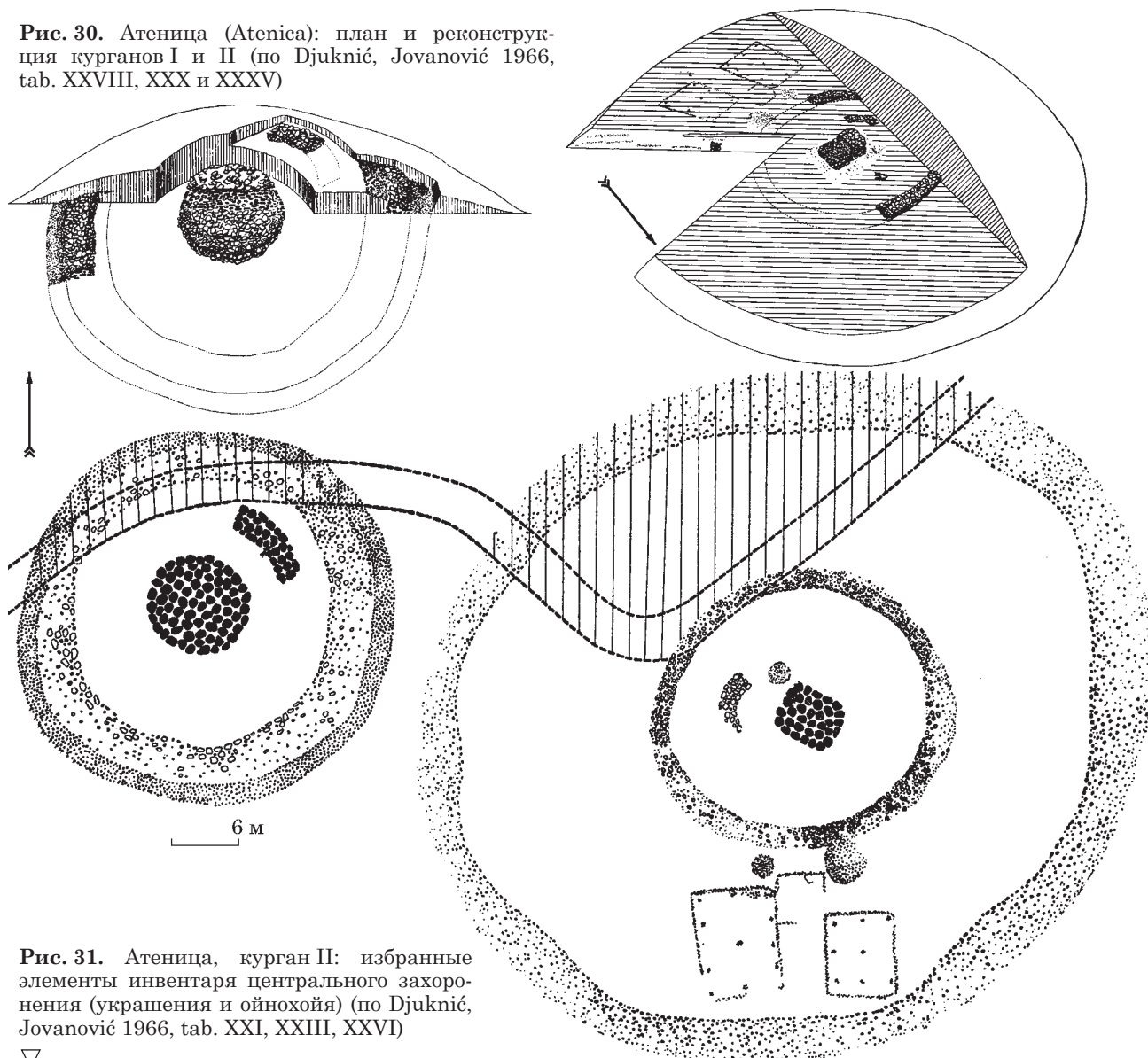
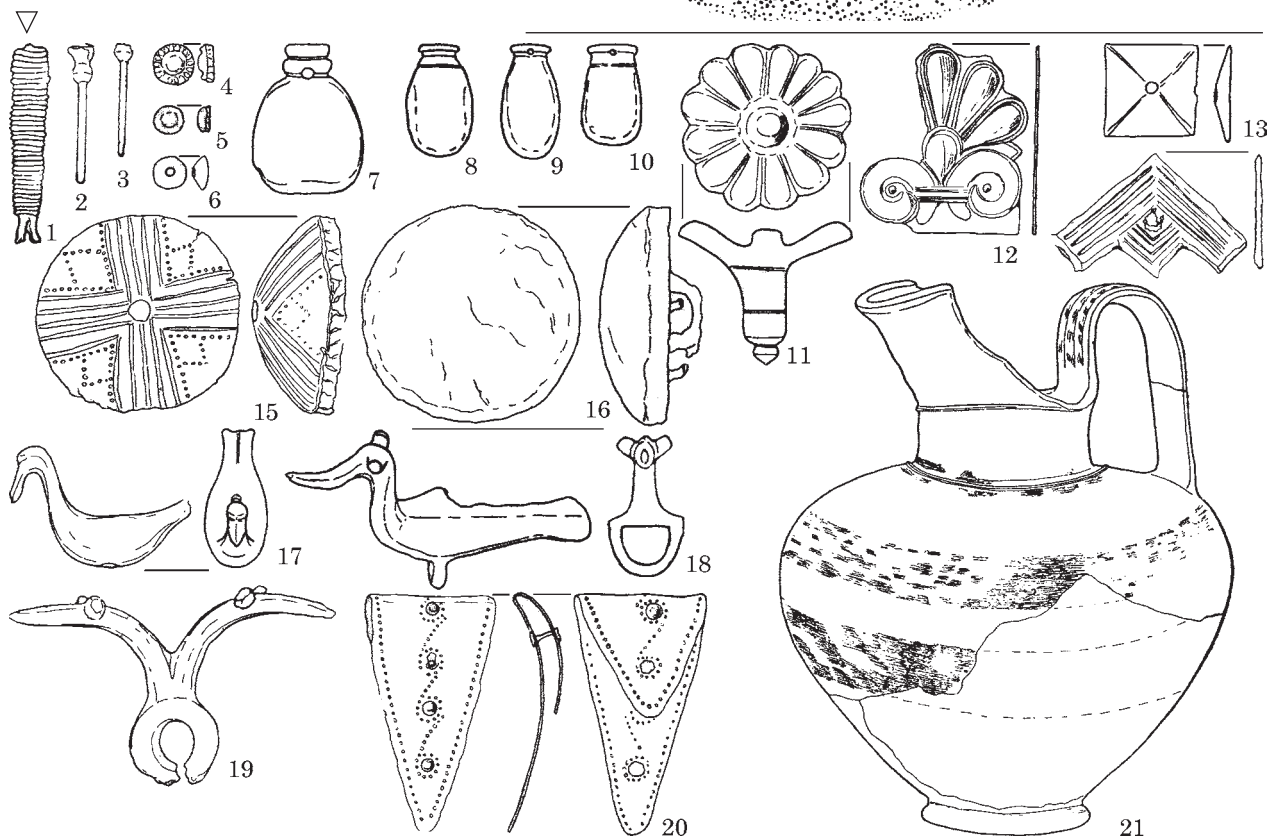


Рис. 31. Атеница, курган II: избранные элементы инвентаря центрального захоронения (украшения и ойнохойя) (по Djuknić, Jovanović 1966, tab. XXI, XXIII, XXVI)



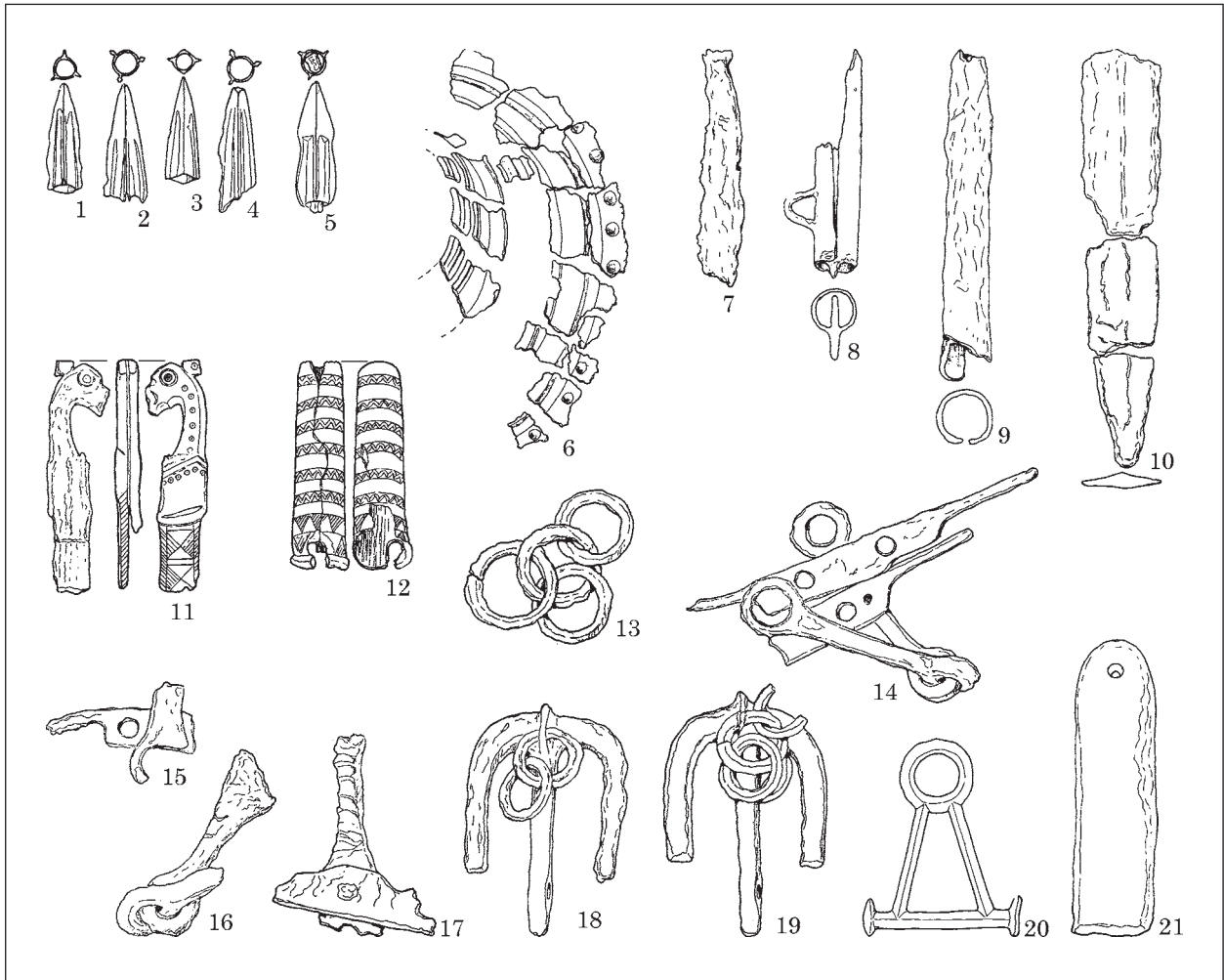


Рис. 32. Атеница, курган II: избранные элементы инвентаря центрального захоронения (оружие и конская сбруя) (по Djuknić, Jovanović 1966, tab. XXIII—XXV)

Пилатовичи (Ljuština, Ninić 2017, fig. 6: 3) близок однако к типичным формам, представленным в комплексах типа Репяховатой Могила (Репяхова Могила) у с. Матусов (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 6, 14). Следовательно, этот комплекс, можно датировать более ранним временем, не позже начала, или возможно — первой четверти VI в. до н. э. (Полін 1987, с. 26—28). Тем же временем, вероятно, следует датировать и гробницу из Артанд, что более соответствует новой хронологии гидрии из этого комплекса.

Еще более показательной, в этом контексте, оказывается специфика упомянутых выше комплексов из Атеницы (богатый погребальный инвентарь подкурганых захоронений с металлическими оковками повозок, удилами типа Векерзуг и наконечниками стрел скифского типа — Djuknić, Jovanović 1966, tab. I—XL), которые перекликаются погребениями с повозками в могильнике Сентеш-Векерзуг (Szentes-Vekerzug) в южной части Альфёльда (Alföld) (Párducz 1952, p. 144—146, Pl. XLII—L). Особый характер связей могильника Сентеш-Векерзуг с Балканами, подчеркивается и свое-

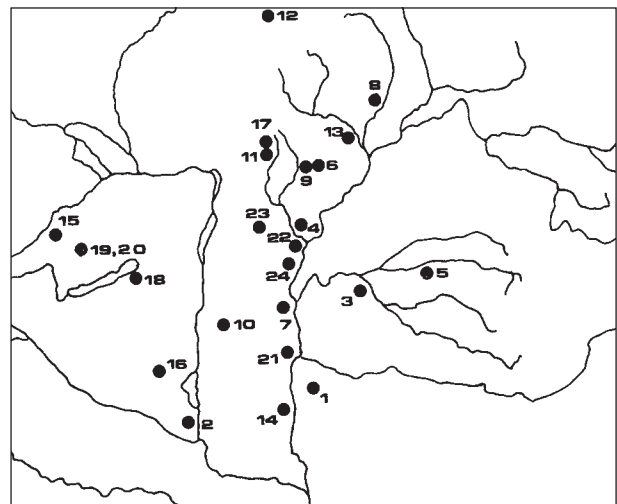


Рис. 33. Распространение бронзовых изделий северо-западнобалканского происхождения IX—VI вв. до н. э. в бассейне Тисы и Среднего Дуная (по Kemenczei 1988, fig. 1)

образными формами найденных здесь фибул (рис. 38: 13—18). Они типичны для территорий соседствующих с югом Венгерской низменнос-

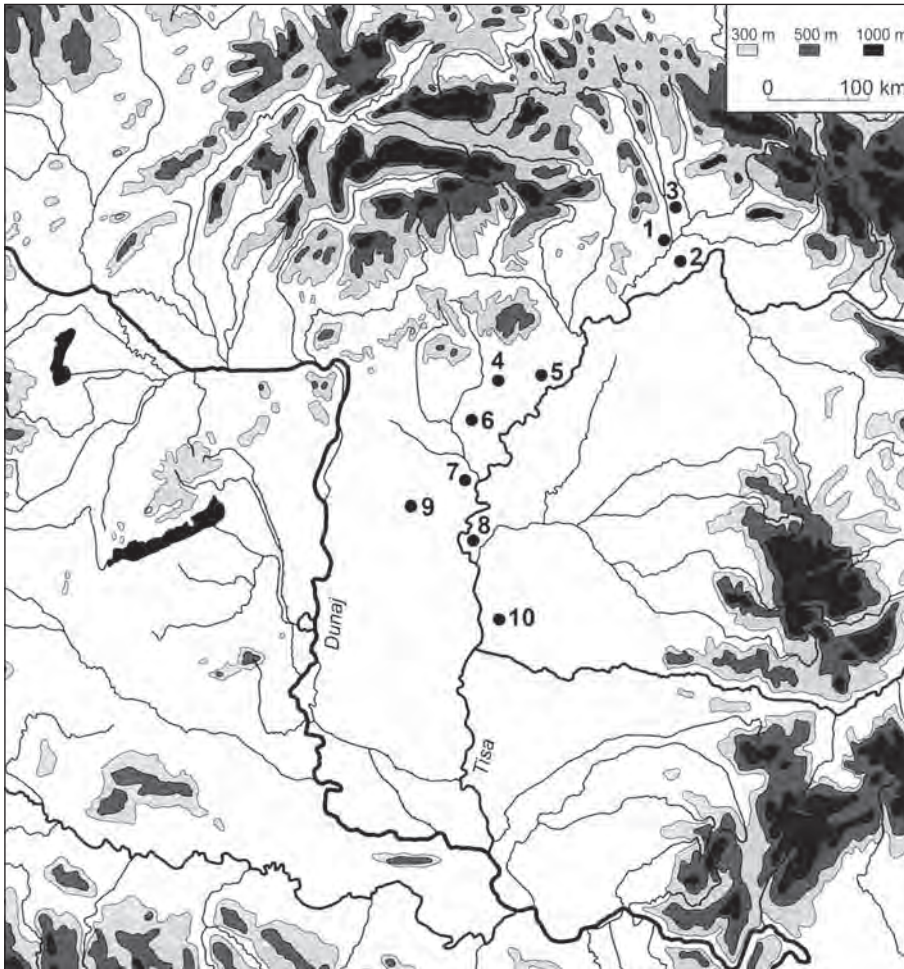


Рис. 34. Находки керамики типа Бассарабь на Большой Венгерской низменности (по Miroššayová 2010, fig. 4)

Рис. 35. Артанд-Зомлин (Ártánd-Zomlin): избранные элементы инвентаря «княжеской» гробницы (оружие) (по Párducz 1971, tab. 10—16) ▽



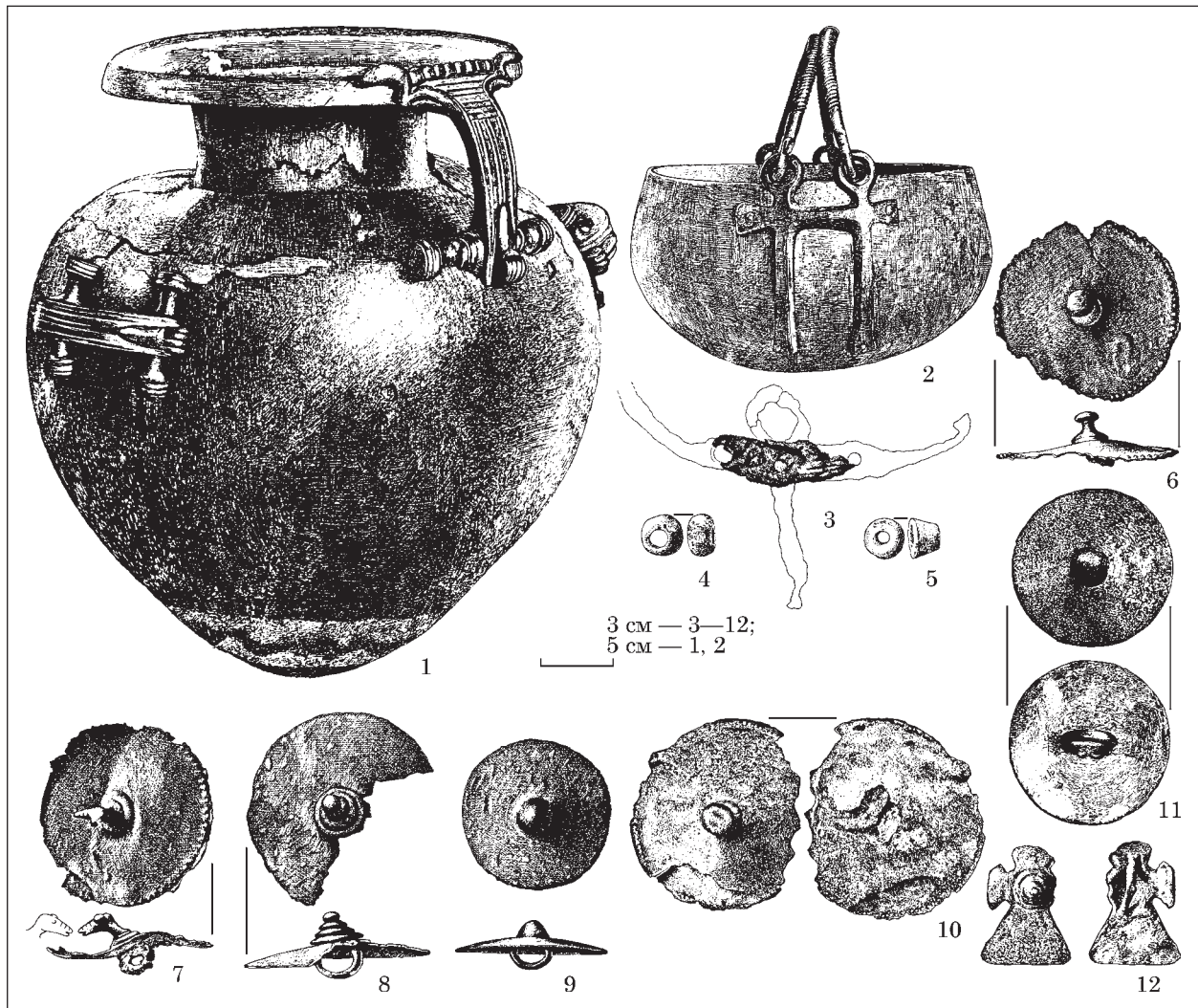


Рис. 36. Артагнд-Зомлин: избранные элементы инвентаря «княжеской» гробницы (гидрия, котел и конская сбруя) (по Párducz 1971, tab. 1, 4, 7—9)

ти. Относится это замечание, прежде всего, к весьма специфическим щитковидным фибулам (Párducz 1954, Pl. VIII: 1—1a; XVI: 23; XXII: 1—2; 1955, Pl. V: 12; Kemenczei 2004, S. 85—87, Abb. 5: 2, 7, 16), аналогии которым известны в могильнике Донья Долина над Савой в Северной Боснии (Čović 1987, T. XXVI: 4—5). В частности, в комплексах, которые датируются началом периода HaD (Gabrovec, Čović 1987, p. 903 — табл.), т. е. второй половиной VII в. до н. э. (Teržan 1998, S. 515; Trechsel 2004, S. 319 — табл.). Балканский характер имеет и большинство фибул других типов, которые использовались в то же время на территории Большой Венгерской низменности. Например, фибулы однопружинной формы; дугообразные, с прямоугольной ножкой; с ножкой в виде геотийского щитка, или дугообразной формы, но двухпружинные (Chochorowski 1985a, S. 72—73; Vasić 1995, Abb. 11 — карта; Kemenczei 2004, S. 79—89). Правда, в культурной среде эпохи раннего железа на Большой Венгерской низменности, восточнее Дуная, фибулы не

были широко распространенными категориями предметов (Patek 1993, Abb. 26—32; Kemenczei 2004, S. 79), что связано со спецификой использованного здесь костюма, особенно мужского (Chochorowski 1985a, S. 72; 1987, p. 185—188). Впрочем, в женском убранстве¹, здесь доминировали образцы, заимствованные из иллирийской среды северных Балкан².

Одним из важнейших факторов культурных изменений эпохи раннего железа на территории восточной части Карпатского бассейна, в том числе и Большой Венгерской низменности, является «скифизация», наглядно включающая эти земли в исторические процессы, проис-

1. В могильнике Сентеш-Векерзуг фибулы были найдены только в женских захоронениях (Kemenczei 2004, S. 85—87).
2. Возможно, это явление связано с межгрупповыми контактами т. н. процедуры брачного обмена или же — дополнительно — похищением «пленниц», которые впоследствии становились частью общины (путем принудительного или добровольного удочерения).

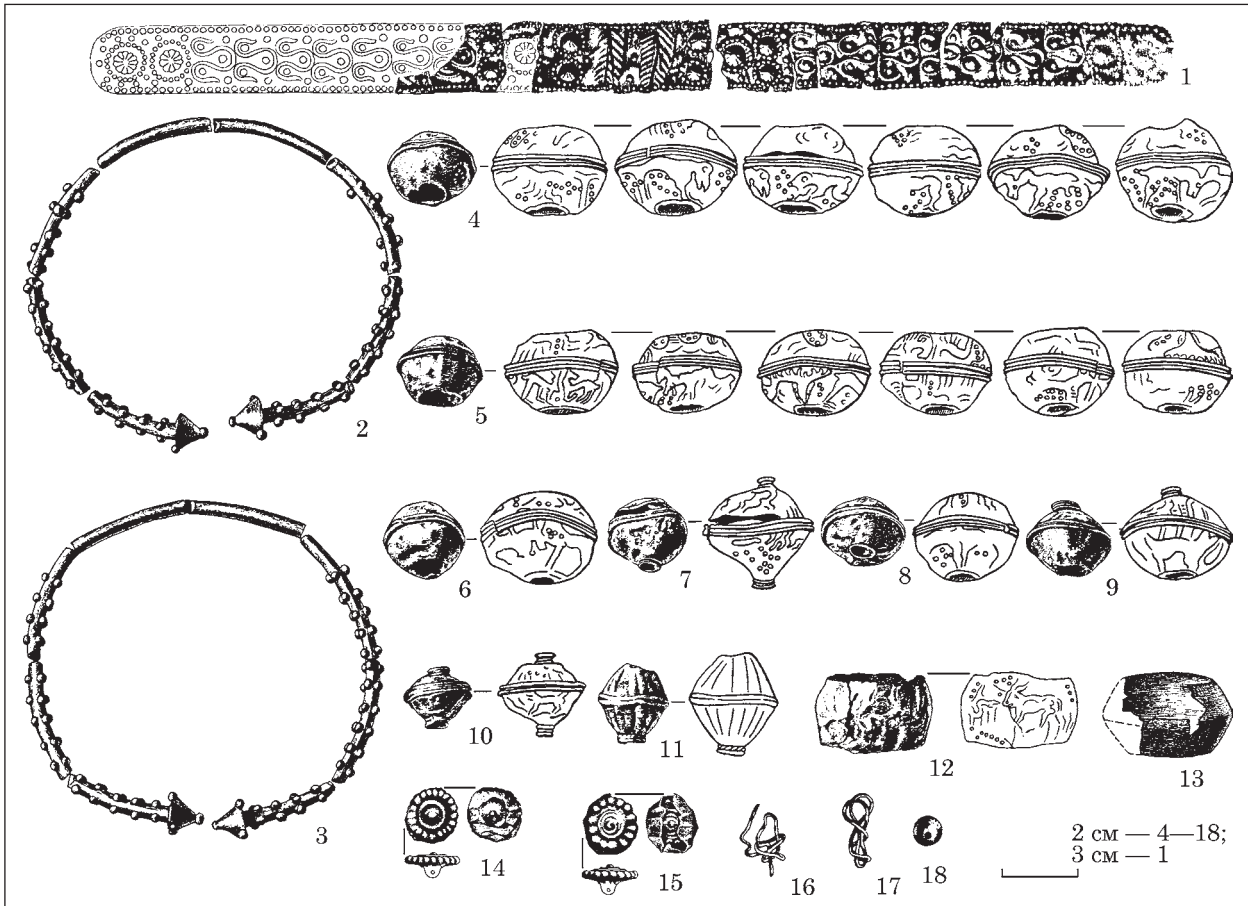


Рис. 37. Артанд-Зомлин: избранные элементы инвентаря «княжеской» гробницы (украшения) (по Párducz 1971, tab. 17—20)

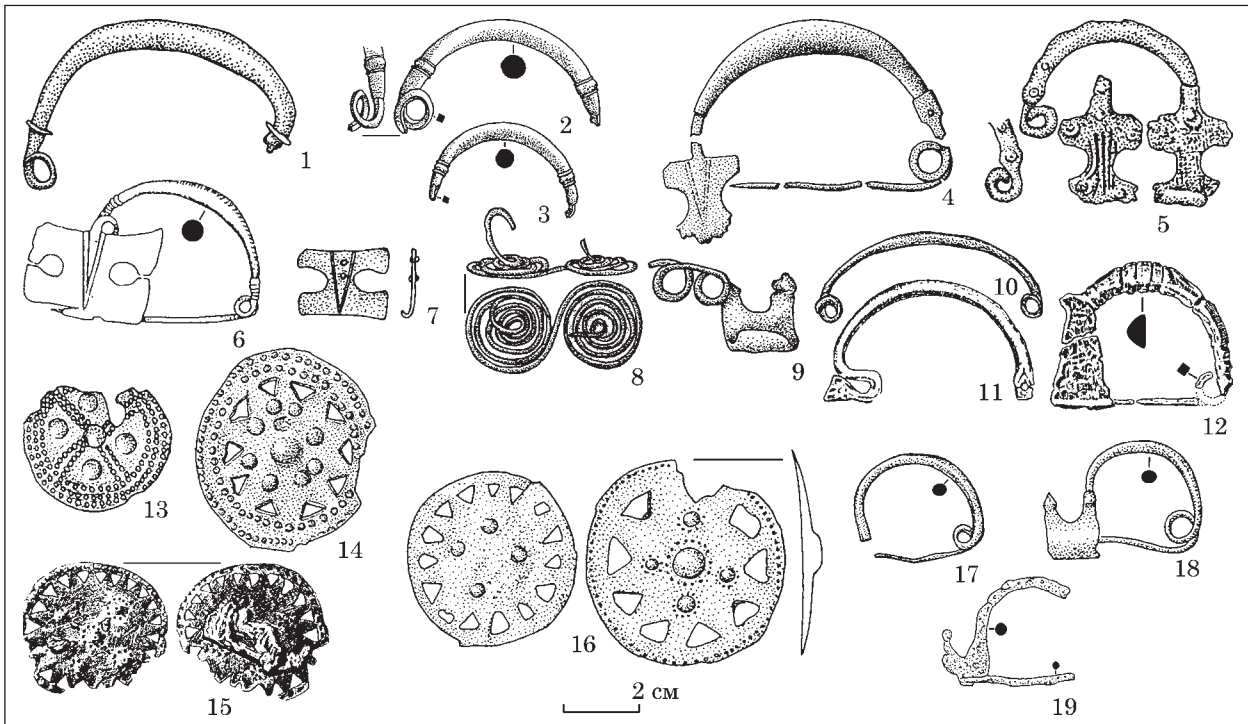


Рис. 38. Фибулы балканского происхождения из Карпатского бассейна: 1 — Nyíregyháza-Közvágohíd; 2—3 — Szeged-Óthalom; 4 — Doroslovo, погр. 141; 5 — Tîrgu Mureş; 6 — Marişelu, погр. 5; 7 — Cipău, погр. 4; 8 — Cristeşti, погр. 7; 9 — Simeria; 10 — Sfîntu Gheorghe; Gimbaş; 11 — погр. 14; 12 — погр. 20; Szentes-Vekerzug; 13 — погр. 57; 14 — погр. 30; 15 — погр. 125; 16 — погр. 71; 17 — безинвентарный; 18 — погр. 61; 19 — Tiszavasvári-Dózsa telep, погр. 23 (по Kemenczei 2004, fig. 1—7)

Рис. 39. Схема продвижения «кавказской» волны кочевых скифов (по Скорый 2003, рис. 22)

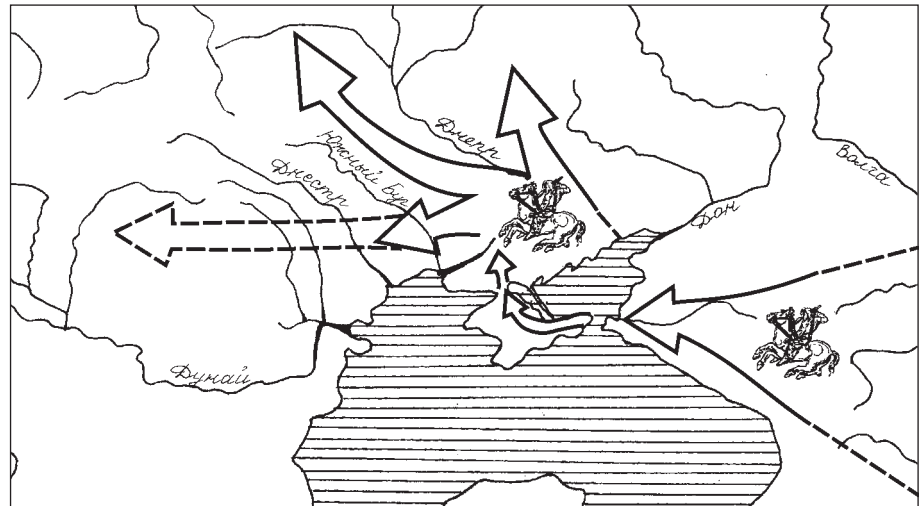


Рис. 40. Схема продвижения «азиатской» волны кочевников скифской культуры (по Скорый 2003, рис. 7)



ходившие на причерноморских пространствах. Не вникая в чрезвычайно сложный характер этого явления, необходимо, однако, подчеркнуть, что существенным его фактором были миграции групп населения из причерноморских и кавказских территорий (рис. 39). Эти группы были носителями основных признаков скифской культурной модели: типа вооружения и способа ведения войны, существенной хозяйственной и символической роли коня, а также символики магических представлений «звериного стиля», составляющих карпатский вариант «скифской триады». Ресурс их культурного универсума и общественно-экономических стратегий включал в себя первичные традиции, связанные с точкой исхода, а также, созданные в процессе переселений общественные практики и заимствованные (в некоторой степени «по пути») атрибуты материальной культуры, и наконец — культурные достижения, перенятые от местного этнического субстрата на «целевых» территориях миграции. В климатических условиях, более сухой и теплой — в Центральной Европе — фазы субатлантического периода, в VII—VI вв. до н. э. (Gyulai 1996, S. 127; Хохоровски 2011, рис. 22; Dziegielewski 2017, p. 314), степные территории

Альфёльда (венгерская *пушта*) стали экологической нишей для пастушьих (или изначально оседлых, но вынужденных мигрировать в условиях военного давления) сообществ, ищущих пространства — имеющие пастбища и источники воды для отгонного пастушества — соответствующие их собственной стратегии выживания. Это был самый западный эпизод широкого исторического процесса, основанного на активизации степных сообществ от Центральной Азии и Западной Сибири до кавказско-пантийских территорий (рис. 40), вызванный, в значительной степени, экологическим давлением в период климатических изменений позднего суббореала и раннего субатлантика (Молодин 2010, с. 22—24; Хохоровски 2011, с. 319—336). Мультикультурный и многоэтнический характер этого процесса, а также огромная территория распространения, подчеркиваются появлением в Центральной Европе в это время таких экзотических находок как элементы вооружения тагарской культуры, характерные для среднего течения Енисея (Chochorowski 2014, fig. 10).

«Скифизация» восточной части Карпатского бассейна и соседних территорий была постепенным процессом, который совершался на протяжении всего VII в. до н. э. В некоторой степени, она

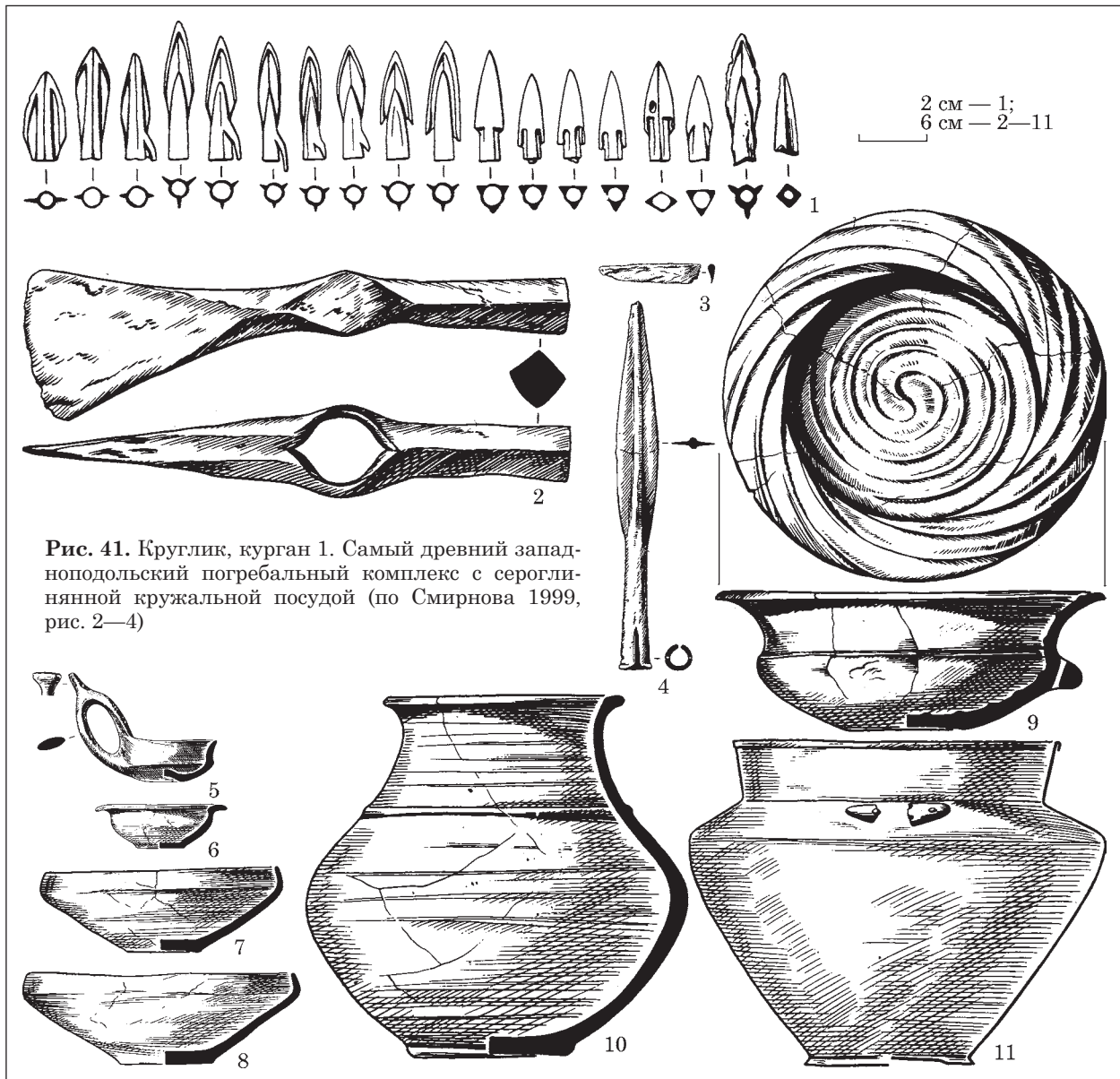


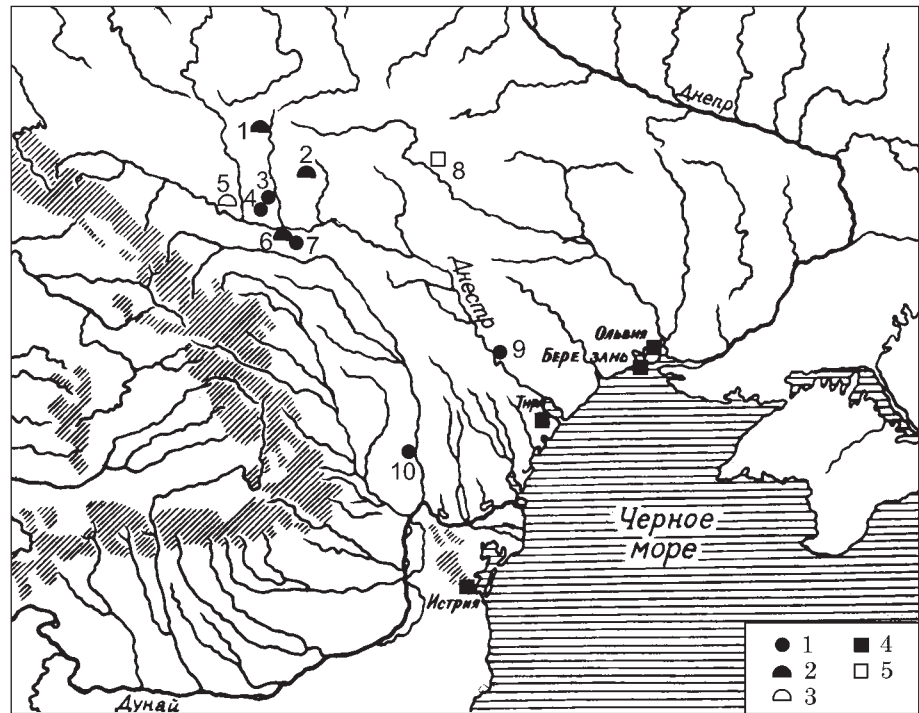
Рис. 41. Круглик, курган 1. Самый древний западноподольский погребальный комплекс с сероглиняной кружальной посудой (по Смирнова 1999, рис. 2—4)

была синхронизирована с процессами формирования регионов Причерноморской Скифии. Начался этот процес с появления на территории Трансильвании по крайней мере уже в начале VII в. до н. э. небольших могильников т. н. трансильванской группы с захоронениями воинов с комплектами вооружения скифского типа: колчанами стрел с характерными формами наконечников и короткими мечами-акинаками (Vasiliev 1980; Chochorowski 2014, p. 21). Эти явления сопровождались военными конфликтами, в результате которых были уничтожены, по крайней мере — некоторые из еще тогда существовавших¹, постгавских укрепленных поселений (Vasiliev 1995, p. 154—155).

1. Большинство оборонных поселений культуры Гава (Gáva) перестали функционировать еще раньше, в основном в период HaV₃, в связи с кризисом ее поселенческих структур, вызванных давлением «предскифских» («киммерийских») групп степняков, появившихся в Карпатском бассейне уже во второй половине X в. до н. э. (Chochorowski 2015, p. 256—257).

Ближе к середине VII в. до н. э. (Смирнова, 1993, с. 198—199) на Предкарпатье формируется т. н. Западноподольская группа, носившая синкретический характер и включавшая в себя местные позднеголиградский и позднечорнолеский этнический субстрат, в которой скифский элемент несомненно играл роль доминирующего общественного фактора (Sulimirski 1936, p. 29; Smirnova 1998, S. 460). В памятниках этой группы впервые в этой части Европы появляется сероглиняная гончарная керамика греческого происхождения (Смирнова, 1999, с. 53—54). Самым ранним комплексом, в котором выявлена кружальная посуда, является курган 1 в Круглике (Круглик), на юг от Хотина (рис. 41), датированный последней третьей или последней четвертью VII в. до н. э. (Смирнова, 1999, с. 47, рис. 4). Сероглиняная кружальная керамика в Западноподольской группе выявлена также в составе керамических комплексов поселений (рис. 42). Одним из

Рис. 42. Находки сероглиняной кружальной посуды в Среднем Поднестровье: 1 — Новоселка Гримайловская; 2 — Серватинцы; 3 — Залесье; 4 — Иванэ-Пустэ; 5 — Лисичники; 6 — Круглик; 7 — Долиняны; 8 — Немировское городище; 9 — Чобручи; 10 — Куртени (по Смирнова 1999, рис. 1)



наиболее изученных памятников этого типа является поселение в Долинянах недалеко от упомянутого Круглика (Смирнова, 1999, с. 53, рис. 5—6). Среди идентифицированных здесь форм кружальной посуды в основном представлены большие сосуды с s-образным профилем типа Круглик, характерные для этого региона, а также черпаки с высокой петлеобразной *ленточной* ручкой. На сегодняшний день не установлено точное количественное соотношение кружальной и лепной керамики на всех памятниках Западноподольской группы. Из предварительных исследований всего лишь следует, что, например, в Долинянах она составляет четвертую часть или даже 30 % керамического материала (Смирнова, 1986, с. 40). Только в том случае, когда поселение исследовано большой площадью (Смирнова, 1998, с. 53, рис. 1), мы можем утверждать, что такая керамика «*весьма многочисленна*» (Смирнова, 1999, с. 53). С точки зрения анализируемых здесь процессов особенно интересен тот факт, что на этом памятнике также найден (Смирнова, 1999, с. 50) «*фрагмент плечика клазоменской амфоры с широкими красными полосами по жёлто-коричневой глине*» (выделено автором — Я. Х.), который, по-видимому, соответствует технологическим и стилистическим признакам упомянутой, в начале этих рассуждений, амфоре из Хотынца. Эта находка в таком случае является одной из ее ближайших территориальных аналогий. Вместе с мелкими фрагментами роскошной столовой керамики, в т. ч. со следами коричневого лака, находка «*клазоменской амфоры*» из поселения Долиняны, датируется, вероятнее всего, первой половиной VI в. до н. э. (Смирнова, 1999, с. 50—51).

Находки греческой товарной (амфоры) и столовой расписной керамики, известны также и на поселениях Иванэ-Пустэ (Иване-Пусте) и Залесье (Залісся), расположенных рядом, на северо-восток от впадения реки Збруч в Днестр (Ганина 1965, с. 109, рис. 1: 10; 1984, с. 74, рис. 4: 1—6) (рис. 43). Культурным фоном этого явления считается присутствие греческого импорта, в том числе и амфорной тары, среди находок, происходящих с раннегетских, сильно укрепленных поселений типа Станчести-Ботошани (Stăncești-Botoșani), Котнари (Cotnari) в северной Молдавии или Бутучени (Butuceni), при впадении реки Реут в Днестр (рис. 44), которые процветали с VII в. и особенно — в VI в. до н. э. в северной и центральной Молдавии (Preda 1973, карта 1—5; Simon 1992, p. 25; Niculiță 1996, fig. 20).

На территории Среднего Поднепровья импорты греческой расписной керамики а также амфорной тары, уже в последней четверти VII в. до н. э. проникают в северные районы лесостепи (Онайко 1966, с. 51; Ковпаненко и др. 1989, с. 52; Крыжицкий и др. 1999, с. 78—79). На Подолье роскошная расписная столовая керамика восточно-греческого происхождения появляется уже в 70—60 гг. VII в. до н. э., о чем свидетельствуют находки фрагментов посуды (рис. 45), орнаментированной в позднегеометрической манере, на Немировском городище (Немирівське городище, Немирів) в верховьях реки Южный Буг (Вахтина 1996, с. 86—87). Однако, удивительным остается тот факт, что на Немировском городище нет находок сероглиняной кружальной столовой керамики, характерной для Западного Подолья (Смирнова, 1999, с. 55). Этот факт может свидетельствовать, что

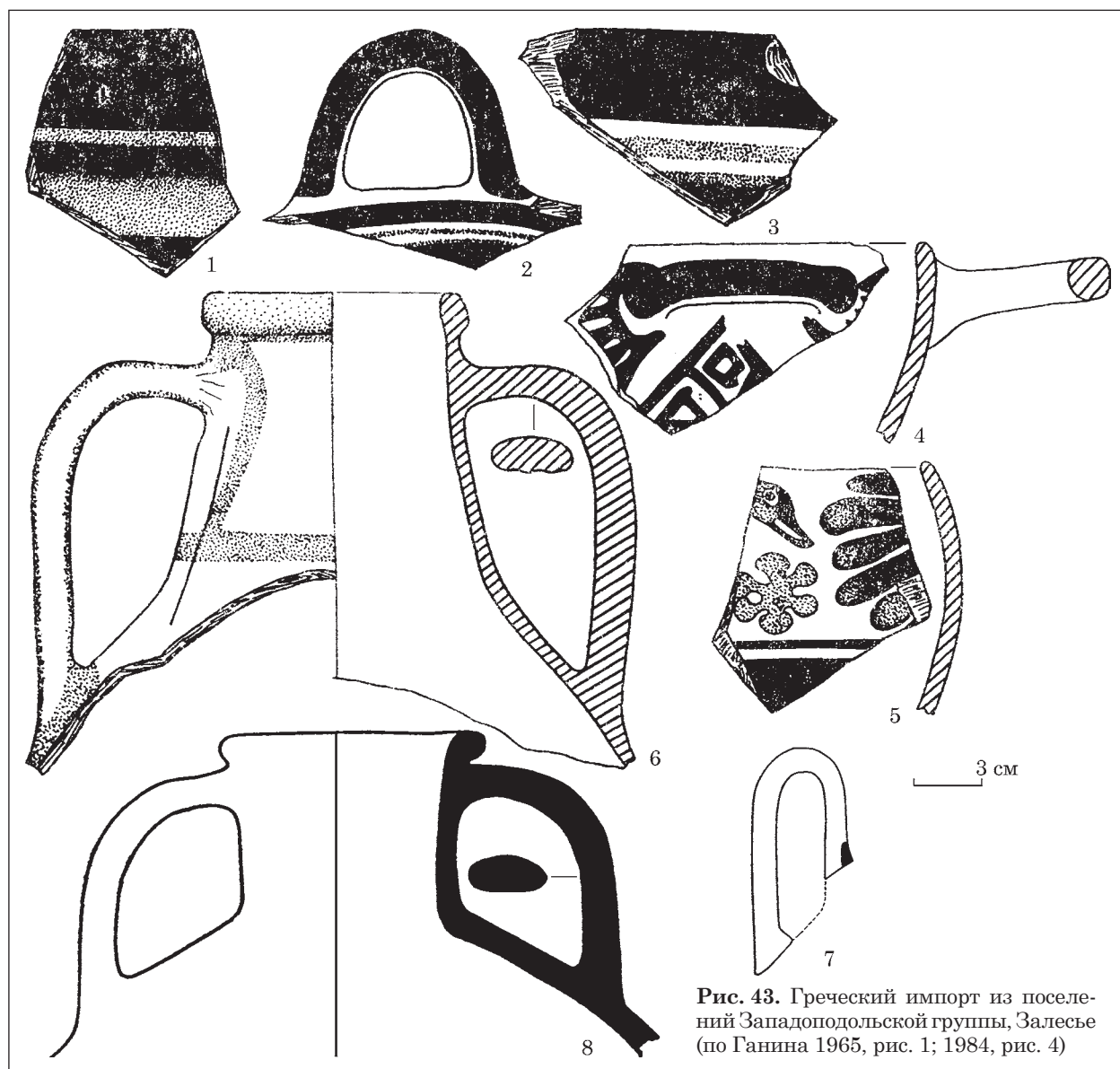


Рис. 43. Греческий импорт из поселений Западодольской группы, Залесье (по Ганина 1965, рис. 1; 1984, рис. 4)

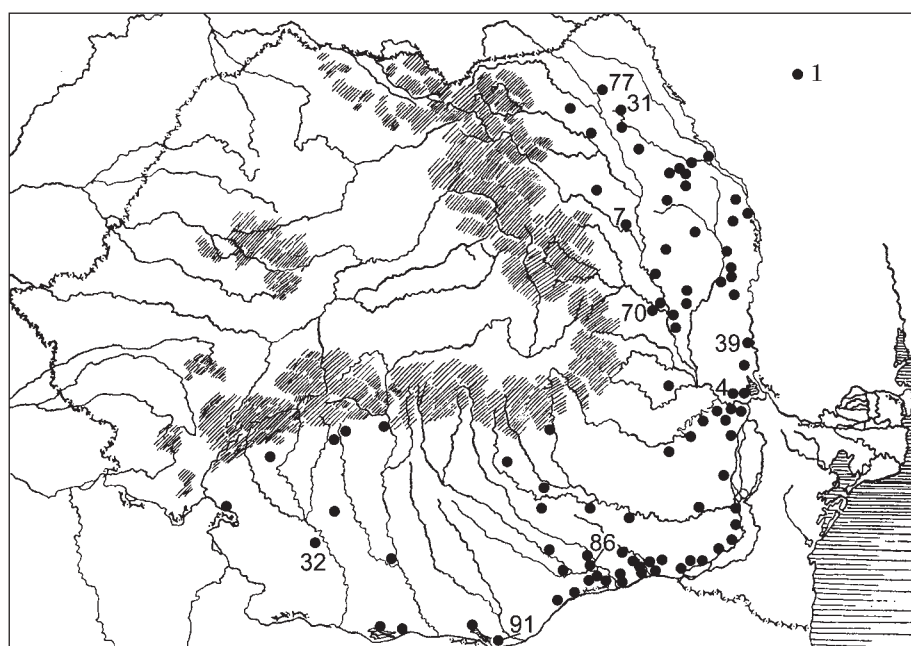


Рис. 44. Греческий импорт VI—III вв. до н. э. восточнее и южнее Карпат (находки из VI—V вв. — нумерация согласно оригиналу карты): 4 — Bărboși; 7 — Bărboasa-Oncești; 31 — Cotnari; 32 — Coțofenii di Dos; 39 — Frumușița; 70 — Ruginești; 77 — Stîncești; 86 — Tei-București; 91 — Zimnicea (по Preda 1973, fig. 5)

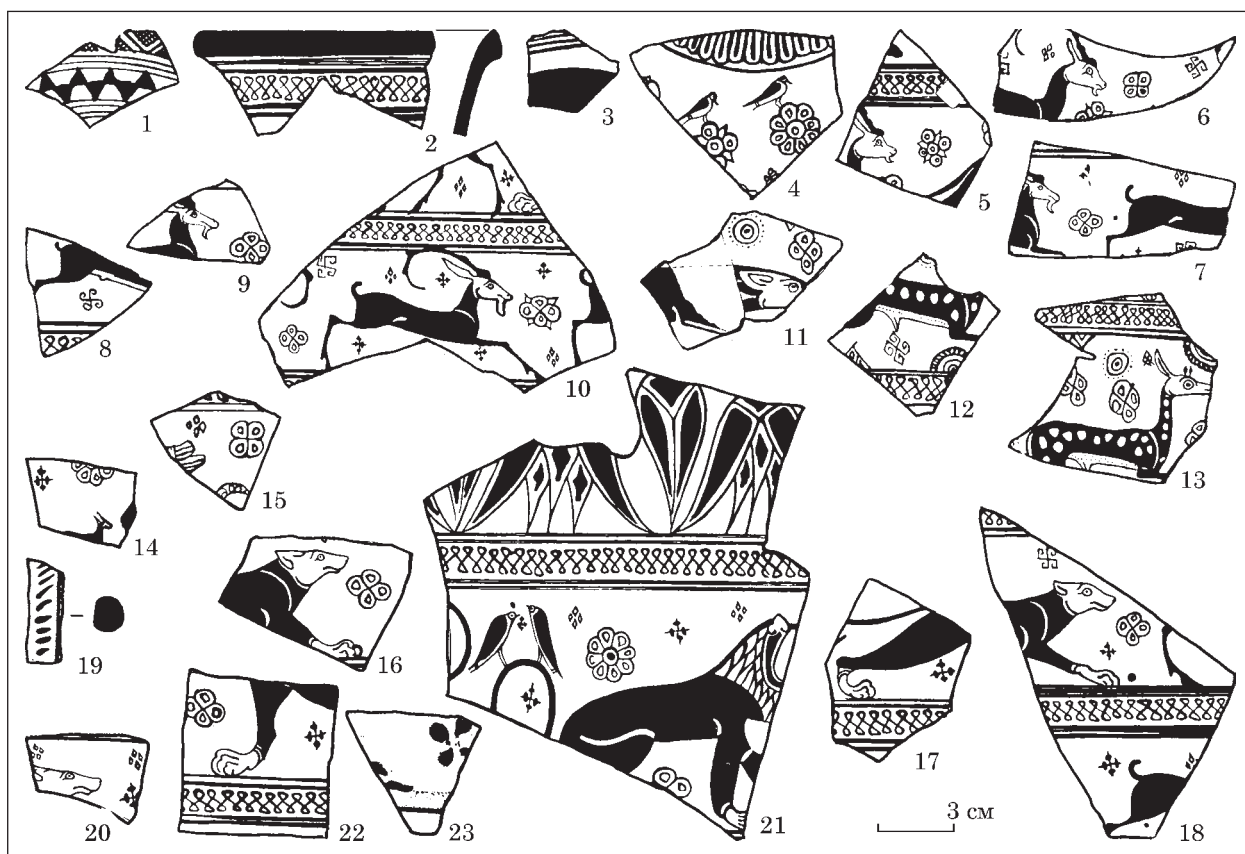


Рис. 45. Немировское городище, находки греческой керамики (по Вахтина 1996, рис. 1—2)

для распространения технологии производства этой керамики существенное значение имели контакты с греческими причерноморскими центрами, связанными с торговыми путями, которые проходили западнее, по внешней стороне Карпат, вдоль Днестра и Прута через Молдавию. Здесь идет речь только о контактах с мастерскими Ольвии-Борисфена (остров Березань) (Крыжицкий и др. 1999, с. 37—40) при впадении реки Южный Буг в Черное море или Истрии в Добрудже. В дискуссии на эту тему (Chochorowski 1996, p. 122—124; Смирнова 1999, с. 55—56) большинство аргументов указывают на Ольвию-Борисфен и окружающую ее территорию *хоры*. Свидетельствует об этом, прежде всего, присутствие в погребальных комплексах западноподольской группы бронзовых импортов в виде так называемых «ольвийских» зеркал, которые изначально производились в греческих мастерских (Sulimirski 1936, T. V: 1—2; X: 1; XI: 11)¹. Независимо от разногласий, касающихся их происхождения и хронологии (Крыжицкий и др. 1999, с. 67—68), не вызывает сомнения их многочисленное присутствие в инвентарях погребений некрополя архаической Ольвии (Скуднава 1988, кат. 87, 136, 170,

1. Существенным аргументом является также широкое развитие местной сероглиняной керамики в среде ольвийского *полиса* в раннем, архаичном периоде его существования (Скуднава 1988, с. 19).

174, 245, 258) (рис. 46—47), а также тот факт, что Ольвия-Борисфен является исходной точкой их дистрибуции (Кузнецова 2002, карта 15) (рис. 48). Интересно, что зеркала «ольвийского» типа известны также и на территории Трансильвании (Vasiliev 1980, Pl. 24: 3—5; 25: 1—2) (рис. 49), однако сероглиняной гончарной керамики в комплексах Трансильванской группы нет вообще. Это свидетельствует убедительно, что процесс генезиса Западноподольской и Трансильванской групп носил однозначно разный характер², а распространение кружалной керамики связано с активностью гончаров, технические умения которых в сфере использования (высокооборотного) гончарного круга получили свое применение в «ольвийских» мастерских. Тогда как широкомасштабная производственная деятельность развивались для местных потребностей на западноподольских поселениях (Смирнова, 1999, с. 54).

Увенчанием процесса «скифизации» восточной части Карпатского бассейна является формирование на территории Венгерской низменности культурной группы, известной в ли-

2. Трансильванская группа возникла еще до основания первых греческих колоний на северо-западном побережье Черного моря (Истрия — по-видимому в 657/656 гг. до н. э., Ольвия-Борисфен — 647/646 гг. до н. э.), Западноподольская группа — синхронно и несколько позже этих событий (Chochorowski 1996, p. 135).



Рис. 46. Архаїчний некрополь Ольвії, інвентарь могилы 170 (по Скуднова 1988, № 170)



Рис. 47. Архаїчний некрополь Ольвії, інвентарь могилы 245 (по Скуднова 1988, № 245)

тературе под називанням «культура Векерзуг» («Vekerzug-Kultur» — Chochorowski 1985a) или «скифообразной группы Альфельда» («*skythisch geprägter Alföld Gruppe*») (Kemenczei 2009). Независимо от разворачивающейся дискуссии, касающейся хронологии ее возникновения (Chochorowski 1998, S. 480—481; 2014, p. 27; Kemenczei 2009, S. 111—112), не вызывает сомнения, что ее ранние комплексы заметно младше, чем ранние находки в Трансильванской и Западноподольской группах. Подтверждением этого является факт, что повсеместно присутствующие в захоронениях воинов в Трансильвании и на Западном Подолье, наконечники стрел, представляющие горизонт Репяховатой Могилы, которая считается одним из ведущих комплексов треть-

го этапа развития раннескифской культуры, датируемого второй половиной VII — первой четвертью VI в. до н. э. (Полін 1987, с. 26—28; Смирнова 1993, с. 101—102), для Венгерской низменности является чрезвычайно редкостью. Одним из очень немногих памятников этого типа, является два захоронения из Шаиосентпетер (Sajószentpéter), на северо-запад от Мишкольца. По форме двух (!) архаических наконечников стрел, а также пряжек-пронизок и застежки (Kemenczei 2009, S. 133, Taf. 59: 5—8, 12—13) их можно действительно отнести к упомянутому выше горизонту (Chochorowski 2014, p. 27). Самые ранние находки скифского типа появляются здесь, очевидно, на протяжении второй половины (по-видимому, ближе к концу) VII в. до н. э., или на рубеже VII—VI в. до н. э.,

Рис. 48. Схема возможных направлений перемещения зеркал т. н. «ольвийского типа» (по Кузнецова 2002, карта 15)

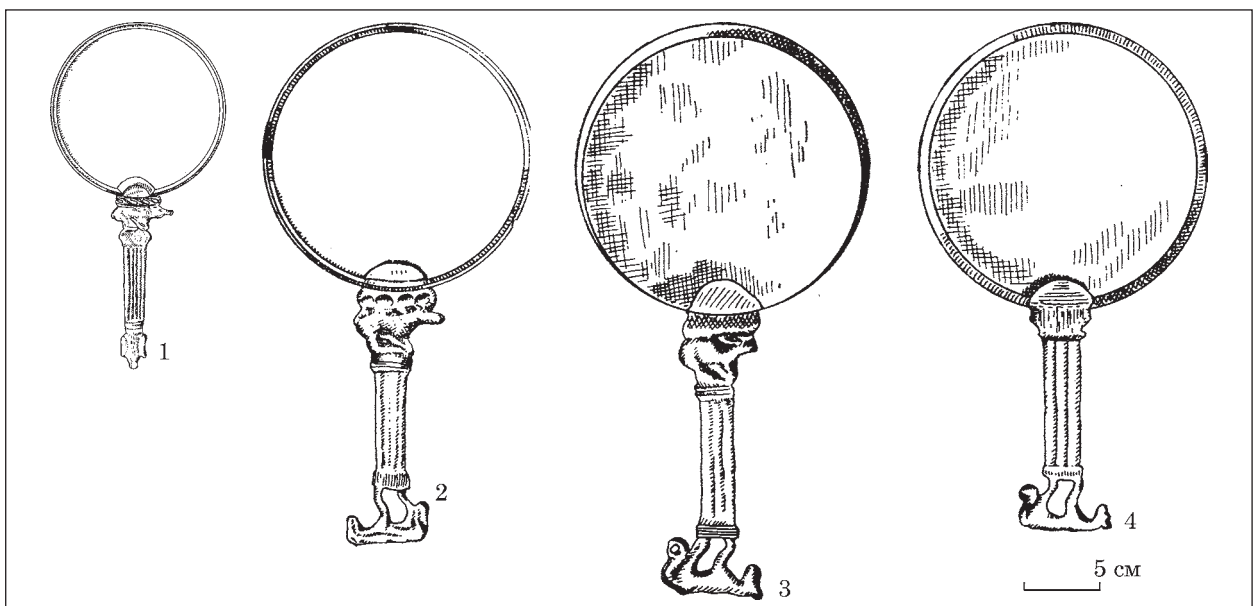
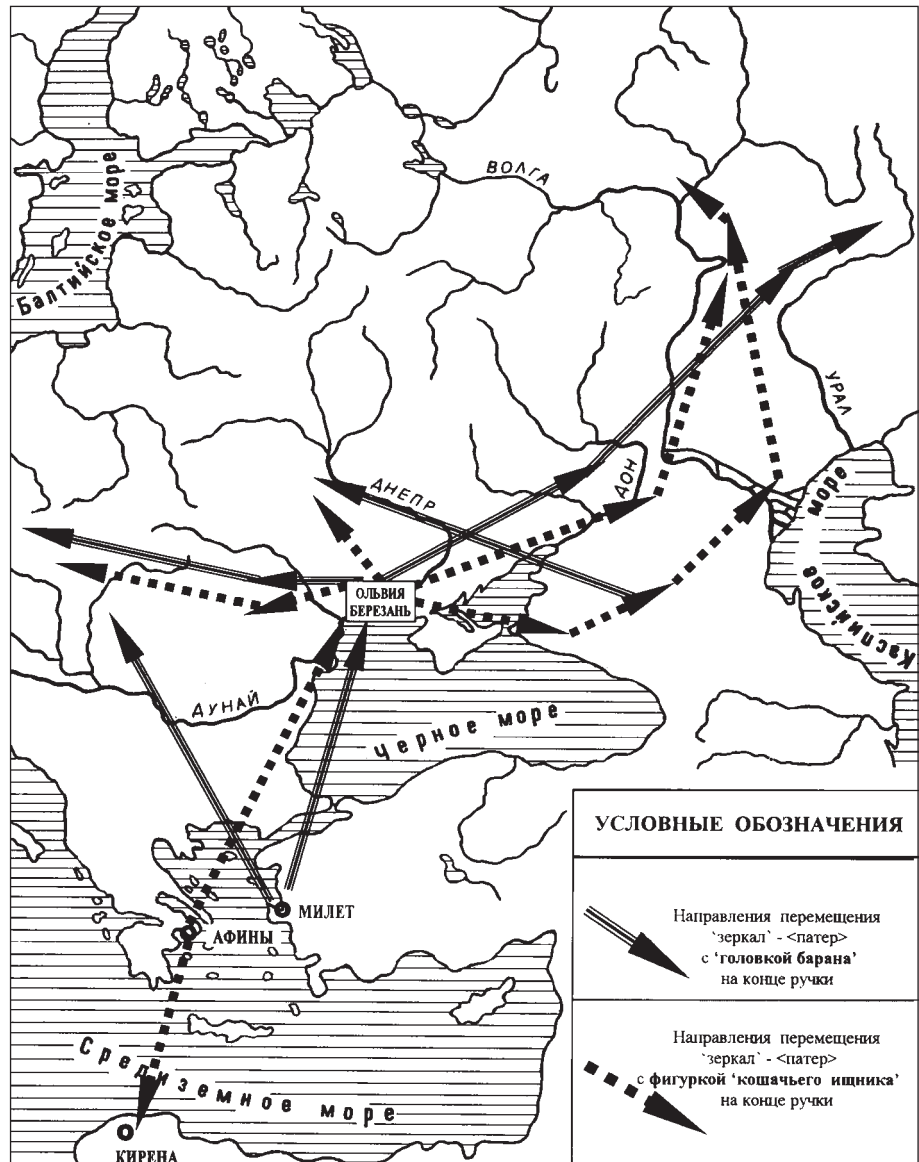


Рис. 49. Зеркала т. н. «ольвийского типа» из Трансильвании: 1 — Răseruci; 2 — Păuca; 3 — Jacu; 4 — Ghindari (по Vasiliev 1980, tab. 24, 25)

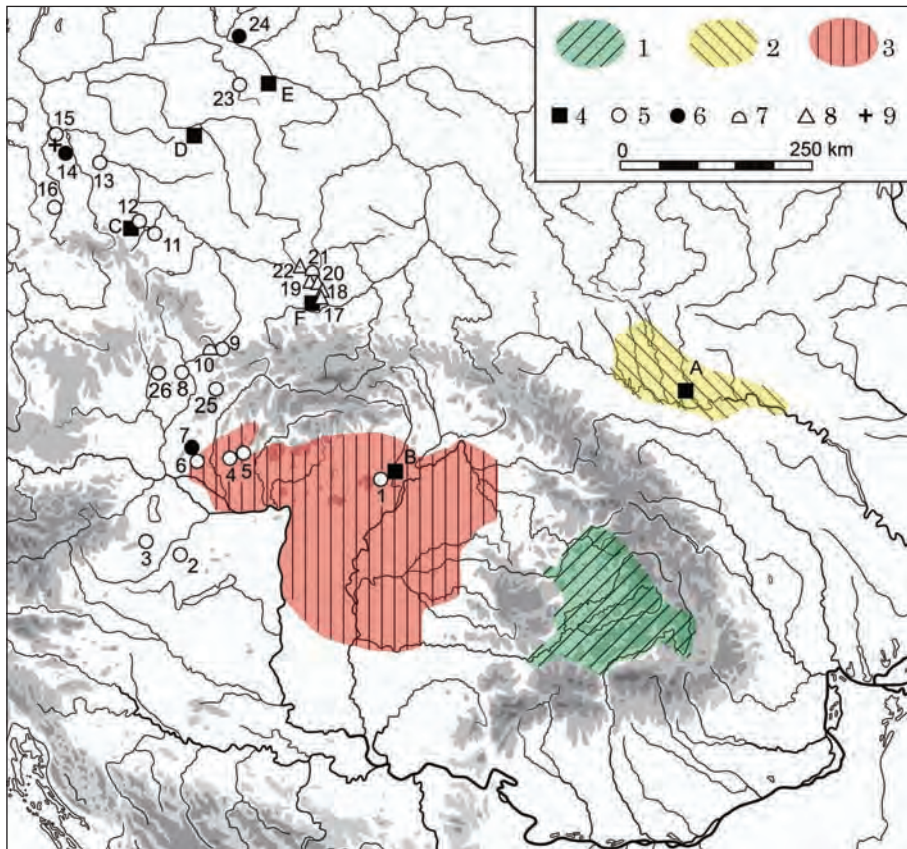


Рис. 50. Скифоидные культурные группы и находки скифского оружия в поселениях на территории Центральной Европы: 1 — Трансильванская группа; 2 — Западноподольская группа; 3 — культура Векерзуг; 4 — находки скифских наконечников на поселениях; 5 — уничтоженные захватчиками укрепленные поселения; 6 — находки скифских наконечников в пещерных убежищах; 7 — находки скифских наконечников в скальных убежищах; 8 — Witaszkowo. Каталог стоянок: 1 — Bükk-szentlászló-Nagysánc; 2 — Celldömölk-Sághegy; 3 — Velem-Szentvidhegy; 4 — Štitáre-Žibrica; 5 — Velký Lysek; 6 — Tlšť hora; 7 — Smolenice-Molpír; 8 — Křenovice; 9 — Štramberk-Kotouč; 10 — Štramberk-Kotouč-Čertova díra; 11 — Sobótka-Góra Ślęza; 12 — Strzegom-Breitenberg; 13 — Kargowa; 14 — Wicina; 15 — Polanowice; 16 — Görlitz-Landeskrone; 17 — Ojców-Góra Koronna; 18 — Ojców-Zamek; 19 — Podzamcze-Góra Birów; 20 — Strzegowa-Biśnik; 21 — Piaseczno-Okiennik; 22 — Rzędkowice-Okiennik; 23 — Kruszwica-Ostrów Rzępowski; 24 — Czarnów / Kamieniec; 25 — Provodov-Rýsov; 26 — Zelená hora (по Chochorowski 2014, fig. 19)

в основном, в северо-восточной части Большой Венгерской низменности (Chochorowski 1984, S. 119—121, Abb. 8)¹. Достаточно быстро процессы формирования нового культурного явления охватывают всю территорию Альфельда, а также северную часть Малой Венгерской низменности. Эта группировка имеет ярко выраженный синкретический характер и представлена в основном большими биритуальными могильниками, которые иногда насчитывали около 500 захоронений (Chochorowski 1985a, S. 136—149, Karte 6).

1. Следует помнить, что представленная в этой публикации хронология, созданная еще в 1980-е гг., должна быть исправлена, согласно критериям изменений датировки архаичного этапа скифской культуры, введенными в литературу немного позже и примененными также для хронологии находок скифского типа Карпатского региона (Смирнова 1993, с. 101—118; Chochorowski 1998, S. 477—481).

Существенным фактором формирования культуры Векерзуг являются также, так называемые «скифские набеги», то есть военное проникновение вооруженных «по скифски» групп захватчиков, которые затронули некоторые территории северо-западной части Центральной Европы от Трансдании, через Моравы и Моравские Ворота, вплоть до Нижней Лужицы (рис. 50). Результатом этого было уничтожение укрепленных поселений, являющихся хозяйственно-политическими центрами местного населения, лежащих на путях перемещений этих мобильных ватаг, и даже запустение некоторых территорий (Chochorowski 2014, p. 32—43, fig. 19 — карта). Хронологические рамки этого процесса определяются датами уничтожения городища в Смоленицах (Smolenice) (юго-западная Словакия) и в Вицине (Wicina) (западная Польша), которые представляли крайние точки «скифских набегов» и в то же время оказываются лучше всего исследованными. В случае с городищем в Смоленицах — это конец VII в.

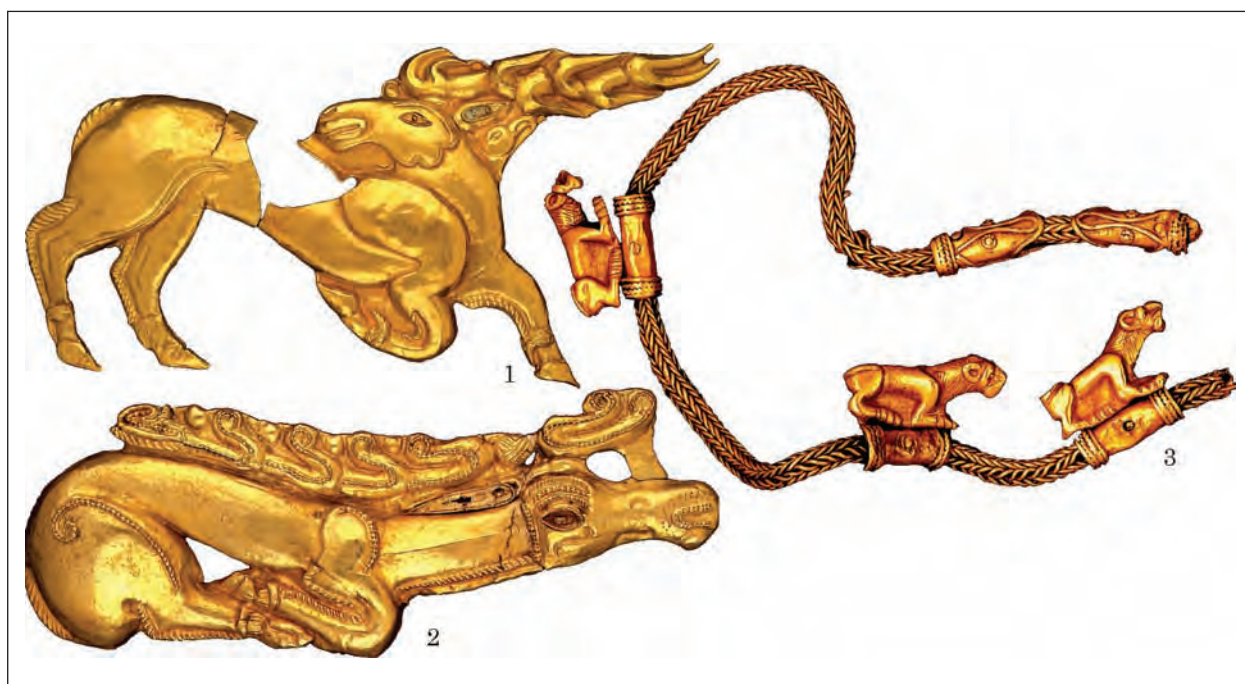


Рис. 51. Атрибуты престижа из элитных захоронений культуры Векерзуг: 1 — Мезекерештес-Зельдхальмпуста (Mezőkeresztes-Zöldhalompusztá); 2—3 — Тапиосентмартон (Tápiószentmárton) (по Kemenczei 1998, fig. 21—22)

или рубеж VII/VI вв. до н. э. (Chochorowski 2014, p. 36—37), в случае Вицины — 570/560 гг. до н. э.¹ Это был период военных грабительских набегов, охватывающий около 40—50 лет

1. Дендрохронологические исследования (более 1600 проанализированных образцов) позволили установить, что деревянные укрепления этого городища были сооружены в 737/736 гг. до н. э. В 90/80-х гг. VI в. до н. э., при перестройке (завершенной в 587/586 гг. до н. э.), укреплялась и инфраструктура городища (в т. ч. дороги). Последние следы ремонтов относятся к 571 г. до н. э. (Krapiec, Szychowska-Krapiec 2013, p. 371—374). Следовательно, они были сделаны через 15 лет после последнего генерального ремонта. После этого город был уничтожен. Можно предположить, что его уничтожение произошло уже после 571 г. до н. э., или — самое позднее — около 15 лет после последних следов ремонта, но до того времени, когда деревянные элементы инфраструктуры не требовали еще следующего ремонта. Отсюда делаем вывод, что это случилось не позже, чем около 560 г. н. э. Здесь надо добавить, что нападающие, которые уничтожили Вицину, использовали колчаные наборы, состав которых отвечал в принципе наборам из погребений 1 и 2 Репяховатой Могилы (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 6, 14). Возможно, при несколько большем количестве трехлопастных форм. Самые полные аналогии комплексам скифских наконечников стрел из Смолениц и Вицины, а также из других памятников этого типа, происходят все-таки из погребений воинов в Западноподольской и Трансильванской группах. Однако, нужно помнить, что комплексы наконечников стрел найденных на поле боя и на пепелищах городищ, являются случайной суммой экземпляров, которые происходят из разных колчанов. Это усложняет сравнительный анализ.

(два поколения воинов), в котором участвовали хорошо обученные военному искусству группы захватчиков. Их движущей силой была активность элит с ментальностью, типичной для скифской (кочевнической) модели культурного поведения. О присутствии военных элит в среде культуры Векерзуг, свидетельствуют находки золотых и электронных украшений в виде стилизованных изображений оленей (рис. 51), некогда помещенных на горитах (или щитах?) из курганов в Тапиосентмартон (Tápiószentmárton) и Мезекерештес-Зельдхальмпуста (Mezőkeresztes-Zöldhalompusztá). Они представляют символику, тесно связанную с основными канонами скифского культурного самосознания, хотя уже изложенную в местной («карпатско-дунайской») манере с художественной точки зрения. Похожий смысл имеет также находка из Виташковца (Witaszkowo), расположенного вблизи уничтоженного поселения Вицины, которая является сокрытым в земле кладом (вероятно военной добычей), состоящим из элементов парадного личного снаряжения воина-вождя, участника военных действий (Bukowski 1977, p. 134—160)².

Показательной чертой процесса формирования новой культурной группировки на территории Венгерской низменности было резкое, увеличение демографического потенциала по отношению к более раннему субстрату, который

2. Требуется, однако, верификация, принятой в свое время, хронологии этой находки (конец VI — начало V в. до н. э.; Bukowski 1977, p. 160) с учетом датировки захвата и уничтожения городища в Вицине (около 570/560 гг. до н. э.).

в этом регионе представляли в основном сообщество т. н. группы Мезечат (Mezőcsát) (Patek 1993, S. 22—46; Romsauer 1999, S. 167—176), а также постгавские и посткыятицкие поселенческие образования (Chochorowski 1984, S. 154—155). Не вызывает сомнения, что в рамках этих процессов произошло перемещение населения Западноподольской, а также трансильванской групп на территорию Венгерской низменности, что объясняет тоже постепенное исчезновение этих групп на основных территориях, на протяжении VI в. до н. э. (Chochorowski 2014, p. 27—28). Однако, возникает вопрос, были ли эти процессы (включая волну разрушительных набегов) результатом военной активизации населения Западноподольской и Трансильванской групп, или они обуславливались аким-то внешним импульсом. В этом контексте можно указать на явление «повторного» заселения Лесостепного Поднепровья «кавказской» волной скифов, вернувшихся из Передней Азии, вытесненных оттуда в конце VII — начале VI в. до н. э. (Скорый 2003, с. 88—89). Это объясняет явные стилистические и семантические сходства магических атрибутов боевого снаряжения в виде стилизованных изображений оленей из Тапиосентмартон и Мезекерестеш-Зельдхаль-омпуста с образцами, представленными в субкультуре военной элиты скифского образования на Северном Кавказе (Fettich 1928, p. 33—34, tabl. VI—VII; Алексеев 2012, с. 64, 69). Нельзя считать, что скифская военная инфильтрация в районы, расположенные между Трансданаubiей и Нижней Лужицей, была простым продолжением этих процессов. Скорее всего, они сыграли роль еще одного, добавочного импульса активизирующего кочевые военные элиты, и влияющего, по принципу цепной реакции, на динамику переселений, миграций и эпизодов военного характера в степной зоне. И достигающих ее западного анклава на Венгерской низменности ¹. Историческая повторяемость этого процесса проявилась также в скифское время, как финальный эффект формирования новой «этнической карты» кавказско-пантийского региона ².

1. Этого рода активизация могла быть результатом различных общественно-политических процессов, вызванных как мобилизацией общества, то есть объединением вокруг конкретных целей (напр., присоединением к военным экспедициям). Так и дезинтеграцией, например, конфликтами, которые вынуждали часть общества искать новые территории для проживания, или новые занятия (например, изменения в типе ведения хозяйства и образе жизни) (Chochorowski 2014, p. 43).
2. В этом контексте также стоит отметить не очень многочисленные, но известные связи между военной элитой западноподольской группы и этнической средой культуры Векерзуг, которые прослеживаются среди прочих в таких комплексах, как Перебыковцы (Перебиківці), курган 2 (Смирнова 1979, с. 41—51, рис. 5—10) или Коцобинчики, курган 2 (Бандривский 2009, с. 30—38, рис. 1—4).

Практически с самого начала развития региональных групп культуры Векерзуг на территории Венгерской низменности в ее комплексах присутствует сероглиняная кружальная керамика (Chochorowski 1996, p. 129—131, fig. 5). Она представляет к тому массовое явление (рис. 52), составляя около 30 % от общего количества керамического материала (Chochorowski 1985a, S. 48—49; 1996, p. 116). Минералогические анализы со всей очевидностью (принимая во внимание тоже массовую частотность кружальной керамики) подтверждают факт ее местного производства (Dušek 1979, S. 125—138). Процентное соотношение кружальной керамики на памятниках разное, что может указывать на то, что ее производили в специализированных мастерских, а примерно в могильнике Сентеш-Векерзуг достигает даже около 50 % (Chochorowski 1996, p. 131, fig. 1 — карта). Набор кружальных форм включает категории близкие образцам греческого гончарства, иногда весьма типологически схожие с его продукцией (например, сосуды, похожие на лекифы или кратеры — Romsauer 1991, p. 364, fig. 2—3; Chochorowski 1996, p. 120), но в основном демонстрирует локальную специфику, основанную на типологических связях с местной керамикой (Chochorowski 1985a, S. 48—51). Четко также фиксируются связи с формами, выполненными в гончарных мастерских, производящих сероглиняную керамику на территории Западного Подолья; например, наличие специфических для этого региона сосудов типа «Круглик» (Chochorowski 1996, S. 121, Abb. 2) (рис. 53). Все указывает на то, что сероглиняная кружальная керамика культуры Векерзуг является в целом продолжением и развитием производственного процесса, начатого в гончарных мастерских Западного Подолья. Кажется, маловероятным, что бы на характер ее формирования (и особенно распространение самой технологии гончарного круга), повлияли импульсы с юга, через центральные Балканы. Если на территории среднего Вардара (в т. н. девделийской группе) и распространяется кружальная керамика под влиянием ионийских центров уже в начале VII в. до н. э. (Vasić 1978a, p. 703, T. LXXII: 1—2, 8—9; LXXIII: 10—11), то она отличается как покроем форм, так и техникой обработки (например, розкраской горизонтальными полосами). Дальше к северу кружальная керамика известна только, как уже упоминалось, в комплексе «княжеской» гробницы в Атенице (Djuknić, Jovanović 1966, Pl. XXVI: 1).

Однако, то что отличает культуру Векерзуг от Западноподольской группы в области рецепции изделий греческой культуры — это отсутствие импортов товарной (амфор) и столовой (расписной, лакированной) керамики. Это внушает иной характер контактов и торговли с миром греческих колоний северо-западного по-

Рис. 52. Распространение сероглиняной кружалной керамики в VI—V вв. до н. э. в Центральной Европе, количество экземпляров: 1 — 1; 2 — 2—5; 3 — 6—20; 4 — 21—50; 5 — свыше 50 (по Chochorowski 1996, fig. 1)

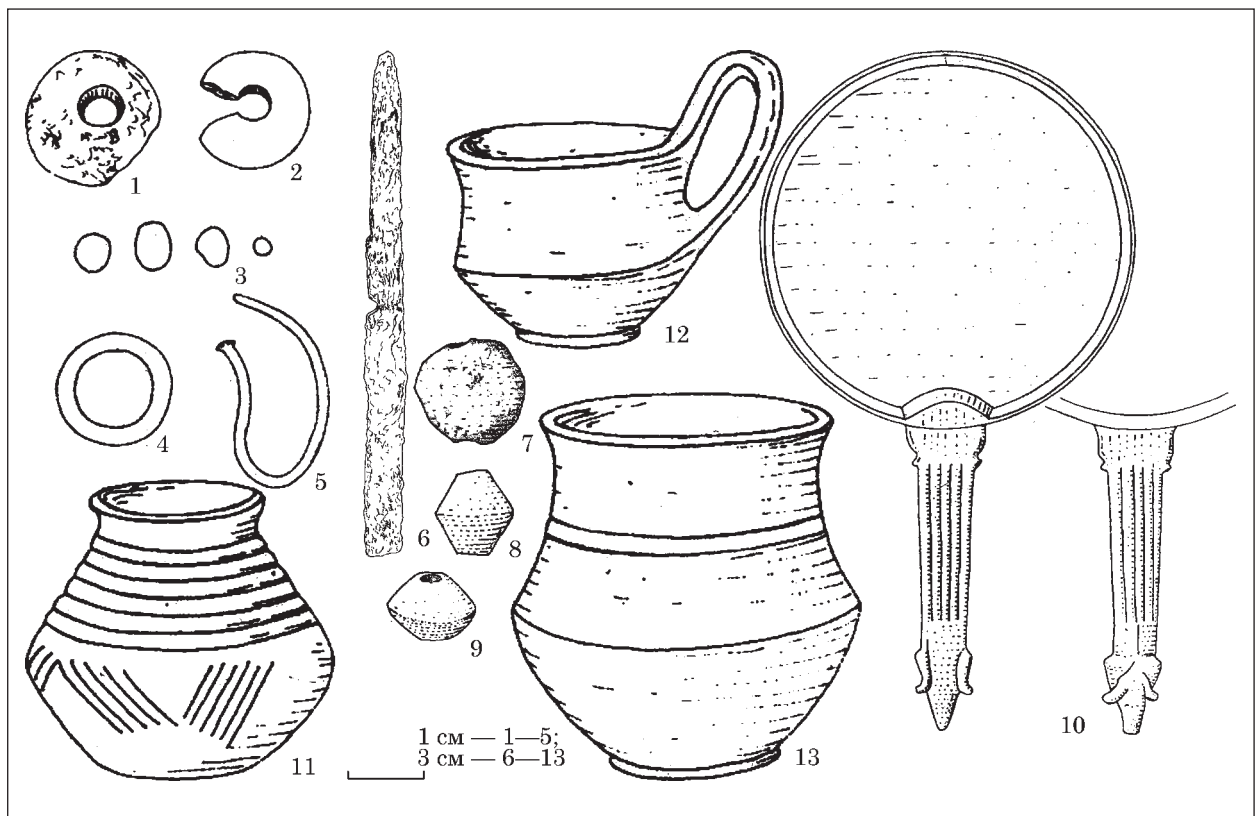
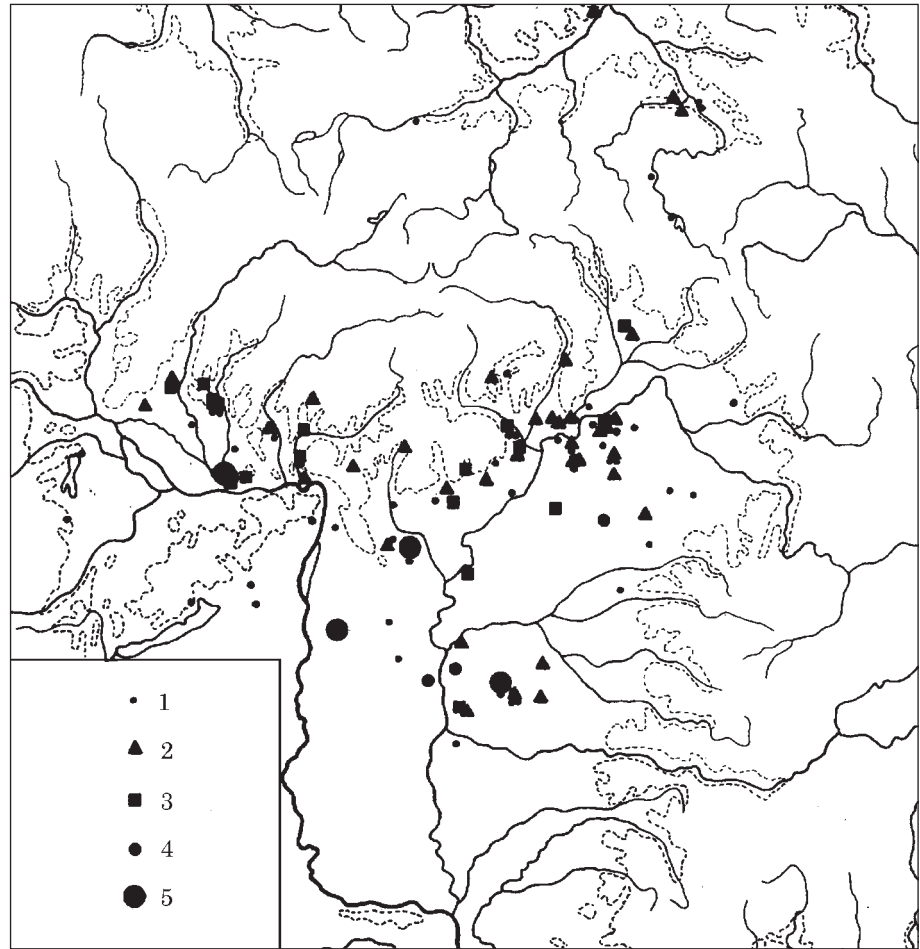


Рис. 53. Тапиоселе (Tápíószele), инвентарь захоронения 462 с сероглиняной кружалной керамикой (по Chochorowski 1996, fig. 5)

бережья Черного моря. Дополняет это наблюдение, присутствие на территории Венгерской низменности специфических изделий торевтики (например, эмблематов в виде стилизованных изображений оленей), происходящих, вероятней всего, из мастерских, которые работали в зоне формирования признаков греко-фракийского художественного стиля. Нельзя исключить, что здесь мы имеем дело с симптомами проявления торговых и культурных связей, направленных вдоль Дуная к зоне культурного скифо-греческо-фракийского пограничия¹. Особого внимания заслуживает тоже высокий уровень местного ювелирного искусства, а также признаки местного стекловарения (Chochorowski 1985a, S. 134—135). Здесь, как и в Западноподольской группе, известны тоже импорты бронзовых зеркал «ольвийского» типа (Chochorowski 1985a, S. 75—76, Abb. 19: 1). Греческие импорты предметов роскоши (например, гидрия из Артанда)² sporadически проникают сюда с юга, через центральные Балканы, а единичные импорты из северной Италии поступают через юго-восточные альпийские районы. Не совсем ясно, откуда появляются на территории Венгерской низменности раковины каури, которые массово встречаются в комплексах культуры Векерзуг и часть стеклянной продукции (бусы). Таким образом, районы Альфельда, несомненно, являются местом, где пересекаются контактные пути всех направлений и, как следствие, здесь складывается эффект наложения культурных импульсов.

Возникает вопрос, отразился ли этот особый статус Великой Венгерской низменности в контактах «варварской» Европы с миром средиземноморской цивилизацией (главным образом, через ее черноморский вариант) в сознании тогдашних «знатков» по этнической и культурной географии континента? Это относится и более широких размышлений, заключенных например в вопросе; знали ли создатели или дистрибьюторы более или менее эксклюзивных товаров, проникавших вглубь «варварского интерьера», куда и к кому они попадают? Как известно, Геродот (IV: 49) описывая реку Дунай (Истр) и его южные притоки, достигает реки Карпис (Сава?, Драва?) и Альпис (Драва?, Инн?)³ после чего замечает неопределенно: «Ведь Истр течет через всю Европу, начинаясь в земле кельтов — самой западной народности в Европе после кинетов. Так-то Истр пересекает всю

Европу и впадает в море на окраине Скифии». Все указывает на то, что знания «Отца истории» об областях, расположенных к северу от Дуная, заканчиваются рекой Марис (Муреш / Марош?) и агафирсами (Геродот, IV: 49), которых, на мой взгляд, следует однако локализовать на внешней стороне Карпатской дуги в Молдове⁴. В этом контексте интригует точное и полное конкретное описание Геродота (V: 9), касающееся народа *сигиннов*⁵. Тем более удивительно, что автор «Истории» однозначно заявляет, описывая Фракию: «О том, какие племена обитают дальше к северу от Фракии, никто достоверно сказать не может. Области за Истром, по видимому, необитаемы и беспредельны. Впрочем, об одной только народности за Истром я могу получить сведения» (выделено автором — Я. Х.): *эта народность — сигинны*» (Herodot V: 9). Сопоставление этого сообщения с информацией, содержащейся в *Аргонавтике* Аполлона Родосского (ок. 295—215 гг. до н. э.) (IV: 316—327), позволяет локализовать «народность *сигиннов*» на «Лаврийской равнине», где «местные пастыри» — как сообщал поэт — при виде судна Аргонавтов от страха «токинули безмерные стада» (Хохоровски 2017, с. 234). Географические координаты, содержащиеся в *Аргонавтике*, однозначно указывают на то, что под названием «Лаврийской равнины» надо понимать Большую Венгерскую низменность, точнее — ее южную часть. Здесь и должна быть размещена реально существовавшая

1. Здесь можно обратить внимание на стилистический характер изображений на известной матрице из Гарчинова в северо-восточной Бугарии (Fettich 1934, Pl. I—IV).

2. Бронзово-железный чешуйчатый доспех из кургана в Артанде, также не может являться местным производством.

3. Некоторые интерпретаторы Геродота (Harmatta 1968, S. 154) отождествляют Карпис и Альпис с Савой и Дравой.

4. Не вдаваясь в дискуссию, способную породить различные мнения (Chochorowski 1987b, S. 139—173; Vulpe 2004, S. 473—482), следует лишь отметить, что отождествление реки *Марис* с рекой *Марош / Муреш* сомнительно, так как Геродот (IV: 49) упоминает о *Марис* в контексте (и по соседству) скифских рек. Надо напомнить также о роли агафирсов в войне с Дарием (конец VI в. до н. э.) (Геродот, IV: 102, 119, 125) и в династических конфликтах скифских «царей» в первой половине V в. до н. э., в которых определенную роль сыграли агафирсы (Геродот, IV: 78). Это подтверждает факт, что в конце VI — первой половине V в. до н. э. они были настоящей политической и военной силой в отношениях со скифами. Следовательно, они должны были представлять в равной степени реальный демографический и поселенческий потенциал, расположенный по соседству с территорией Скифии (Chochorowski 1993, p. 254). Между тем, территория Трансильвании, которая находится за Карпатами (откуда — в случае подобной идентификации — должна течь река *Марис*) и с конца VI в. и, безусловно, в V в. до н. э. была практически полностью обезлюжена (Chochorowski 2009, p. 111).

5. Характеристика *сигиннов* Геродота (V: 9), несомненно, воспринята им от греков Северного Причерноморья и имеет характер информации, услышанной историком лично: «об одной только народности за Истром я могу получить» (выделено автором — Я. Х.) сведения.

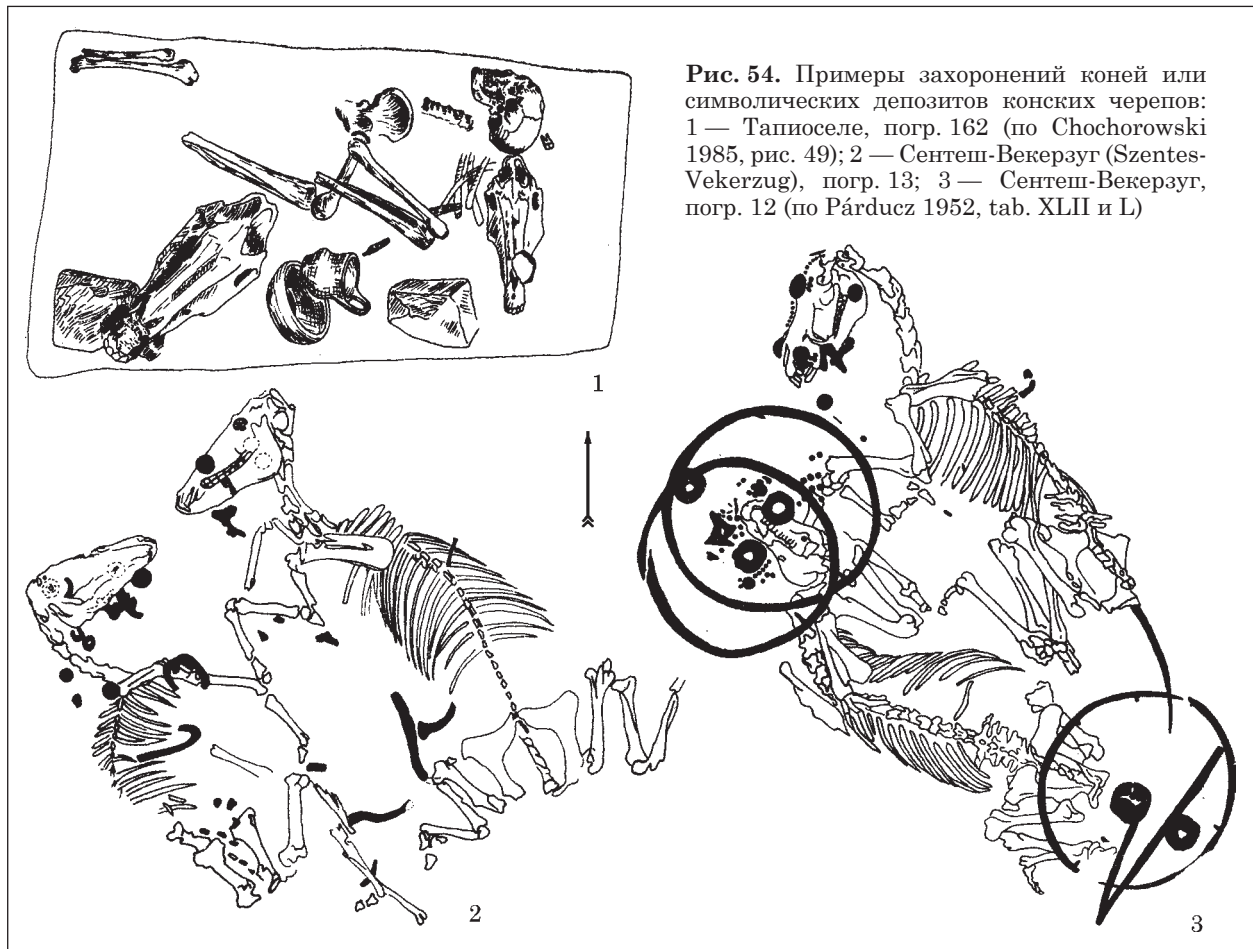


Рис. 54. Примеры захоронений коней или символических депозитов конских черепов: 1 — Тапиоселе, погр. 162 (по Chochorowski 1985, рис. 49); 2 — Сентеш-Векерзуг (Szentés-Vekerzug), погр. 13; 3 — Сентеш-Векерзуг, погр. 12 (по Párducz 1952, tab. XLII и L)

во времена Геродота ¹ этническая группа «сигинны».

Этнографическая характеристика сигиннов, описанных Геродотом (V: 9), удивительно детализирована, особенно как в отношении к народности, которая проживала на окраинах, известного автору «Истории» (тогдашним грекам) мира: «Впрочем, об одной только народности за Истром я могу получить сведения: эта народность, — сигинны. Одеваются они в мидийскую одежду. Коня у сигиннов, как говорят, покрыты по всему телу косятой шерстью в 5 пальцев длины. [Коня эти] маленькие, низкорослые и слишком слабосильные, чтобы возить на себе человека. Запряженные же в повозку, они бегут очень резво. Поэтому люди в этой стране ездят на колесницах. Пределы земли сигиннов простираются почти до [области] энетов на Адриатическом море. Они считают себя [потомками] мидийских переселенцев. А как они попали туда из Мидии, я не могу объяснить. Впрочем, пожалуй, все может случиться за столь огромный промежуток времени. Сигиннами, впрочем, лигии, живущие к северу от Массалии, зовут мелких торговцев, а жители Кипра — копя». Совокупность куль-

турных особенностей, приписываемых сигиннам, должна была четко отличать их от окружающих сообществ и увековечить в сознании современников. Весьма удивительно в этой характеристике то, что она близко соответствует археологическому образу культуры Векерзуг, и особенно ее группы в южной части Альфельда, чьим эталонным памятником является могильник Сентеш-Векерзуг (Chochorowski 1985b, S. 214, Taf. 5 — карта). Археология подтверждает использование здесь, особенно мужчинами ² «мидийской одежды» (брюки, перетянутый поясом кафтан, островерхий головной убор), повозок как транспортного средства (рис. 54), запряженных низкорослыми конями, ведущими свое происхождение от тарпана, и высокого уровня железоделательного производства, продуктами которого были характерные наконечники копий, называемые на Кипре «сигиннами» (Chochorowski 1987a, p. 185—197) ³. Преоблада-

1. Точнее говоря, во времена, когда в сознании информаторов, а возможно и в источниках (например, «Periegesis» Некатайоса?), на которых основывался автор «Истории», накапливались знания на эту тему.

2. Женщины использовали наряд, состоящий из платья и накидки, застегнутых застежками, чаще всего в балканском или гальштатском стиле, или булавками.

3. Термины «sigyne», «sigynos» и «sybina» для определения копья также существовали в македонском и иллирийском языках (Harmatta 1968, S. 156). Функционирование контактного пути через центральные Балканы подтверждается присутствием «скифского» оружия в этой зоне, но происходящего из среды культуры Векерзуг (Ljuština, Ninčić 2017, p. 245—254).

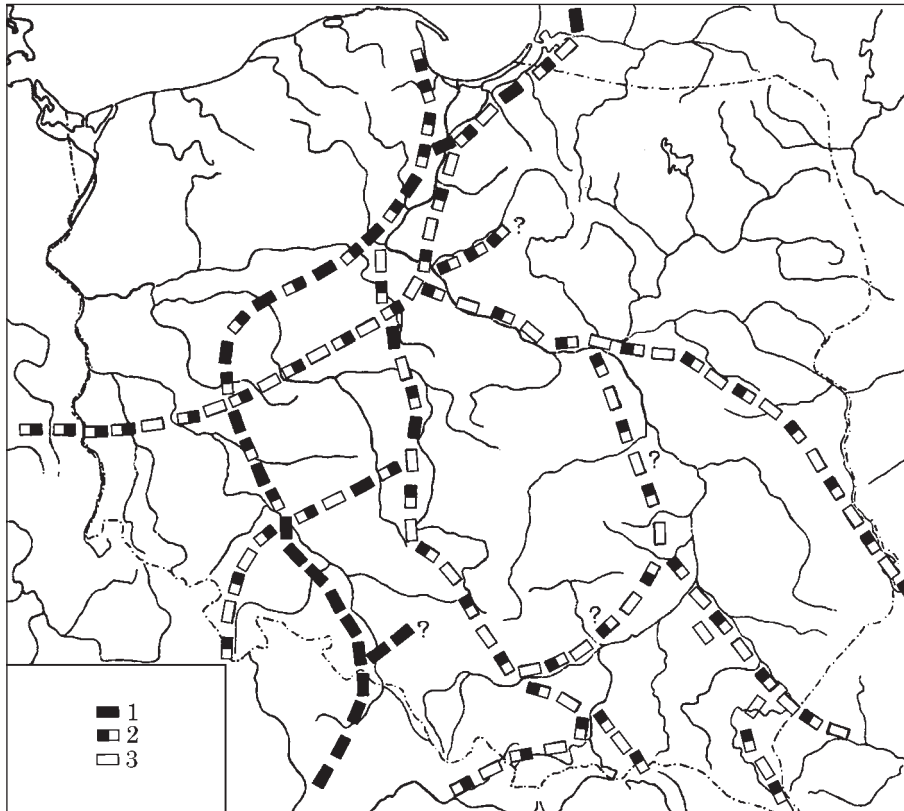


Рис. 55. Торговые пути эпохи раннего железа в бассейне Вислы и Одера: 1 — пути VIII—VII вв. до н. э.; 2 — пути VII—VI вв. до н. э.; 3 — пути VI—V вв. до н. э., (по Chochorowski 1978, fig. 4)

ние животноводства в структуре экономической деятельности населения культуры Векерзуг (Chochorowski 1985a, S. 133—134) находит подтверждение в конкретном упоминании Аполлона Родосского о «местных пастырях», которые при виде судна Аргонавтов «покинули безмерные стада». Хорошо задокументированы и тесные контакты групп населения Венгерской низменности с районами, лежащими на окраинах юго-восточных Альп вплоть до территории, занятой в древние времена энеатами¹ к северу от Адриатики (Chochorowski 1985b, S. 247—254, Taf. 5 — карта; Teržan 1998, S. 521—536). В результате этих контактов в северных районах Италии появились породы низко — и среднерослых лошадей, происходящих от тарпана (Teržan 1995, S. 93; Dular 2007, S. 737—752; Kmetová 2014, p. 214—218, 255—257), которые через территорию энетов² попадали тоже в Грецию, где с VII в. до н. э. пользовались репутацией быстрых и победоносных рысаков (Harmatta 1968, S. 153—157). Иконографические изображения из круга художников «искусства ситул» доказывают (Lucke, Frey 1962, Taf. 13, 15, 63, 75), что в этой зоне возник

чие колесниц (*heniotos*) принимающие участие в скачках рысаков (Kromer 1980, S. 235—236), отличались от других островерхих головным убором (Хохоровски 2017, с. 238—239). Этот типичный элемент мидийской / скифской (кочевнической) одежды раскрывает личность возникших, указывая на сигиннов.

Репутация сигиннов как «мелких торговцев», достигшая территории лигийцев, живущих к северу от Массалии, подтверждается обширной сетью сверхдальних торговых контактов, соединяющих Большую Венгерскую низменность с отдаленными иногда территориями. В дополнение к уже упомянутым маршрутам, ведущим в направлении Италии и далее, через Адриатическое море, в Грецию через греческие колонии Адрия и Спина или через центральные Балканы вдоль оси Моравы и Вардара в направлении Эгейского моря³, отчетливо прослеживается маршрут на север в сторону янтарных земель Балтийского моря над Гданьским заливом (рис. 55). Он вел от северного бассейна реки Тисы через Карпатские перевалы, вдоль Сана или Вислоки и Дунайца (рис. 56), через центральную Польшу и далее к Балтий-

1. По Геродоту (V: 9): «Пределы земли сигиннов простираются почти до [области] энетов на Адриатическом море».

2. Эхо этого явления достигает времени Страбона, который упоминает, что у венетов была: «слабость к разведению коней» (V: 1, 4), которые «больше отличаются быстротой, нежели красотой» (V: 1, 9).

3. Нельзя исключить, что это был важный сухопутный маршрут, которым доставляли в Грецию быстрых и выносливых коней, существовавший параллельно с предлагаемой Яношем Хорматтой — «венетийской дорогой» (Harmatta 1968, S. 156—157), связанной с адриатическими морскими путями, которыми и доставляли сигинских рысаков вплоть до Спарты.

Рис. 56. Распространение т. н. «станоминских бронз» (Станомин; Stanomin) эпохи раннего железа, произведенных в металлургических центрах на территории Куяв и Великопольши, в бассейне Вислы и Одера (по Chochorowski 1978, fig. 3)

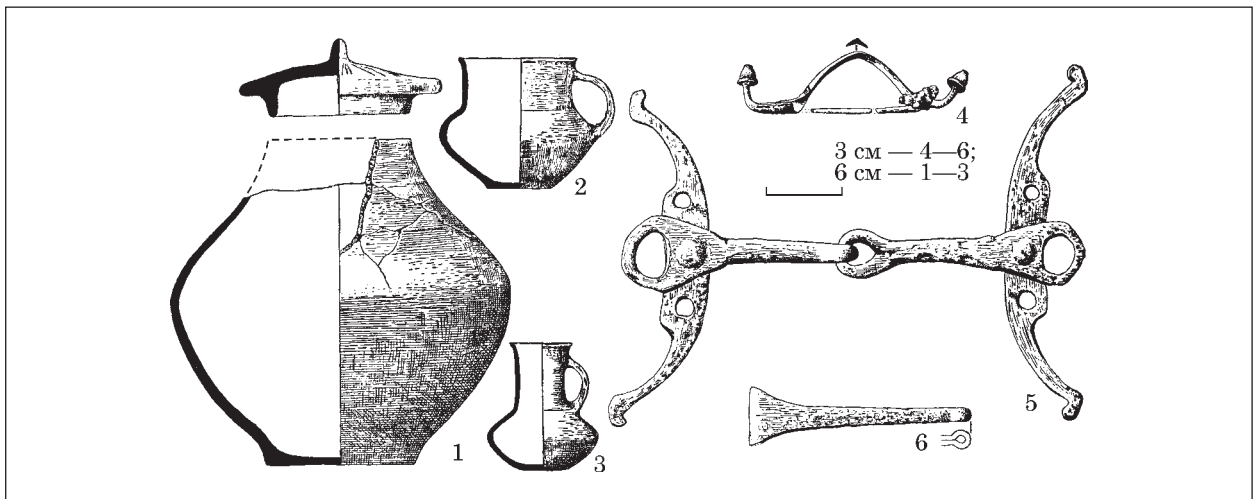
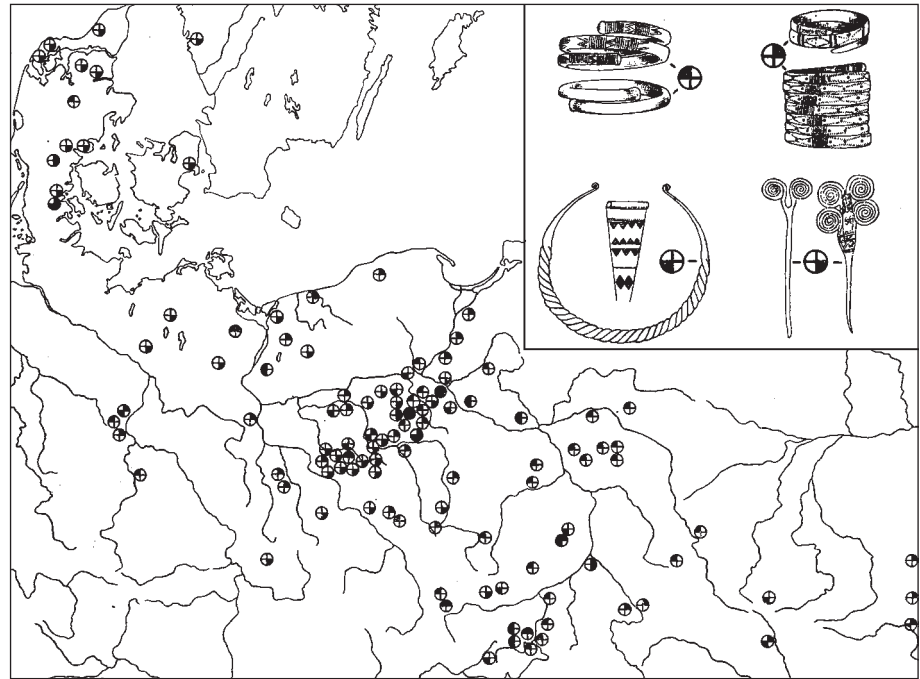


Рис. 57. Вымysłowo (Wymysłowo), инвентарь урнового захоронения поморской культуры с удилами типа Векерзуг (по Jasnosz et al. 1959, tab. 24)

скому морю (Chochorowski 1978, p. 367—369, fig. 4 — карта)¹. Именно этой дорогой в изучаемую эпоху попадал на территории Венгерской низменности, а также на Балканы (Palavestra 1987—1988b, p. 205—210)², балтийский янтарь, массово встречаемый в погребальных

инвентарях культуры Векерзуг³, а в Привисленское Поморье в свою очередь — экзотическое раковины Каури (Kneisel 2012, Abb. 153)⁴. Показательным является также присутствие в центральной Польше, а также в зоне побережий Гданьского залива, элементов конской упряжи характерных типов (рис. 57), использовавшихся в то время на территории Венгерской низменности (Chochorowski 1985b, Abb. 7: 30, Taf. 5 — карта). Очевидно, что в этом слу-

1. Контактную дорогу вдоль Сана утверждает расположение находок сероглиняной кружальной керамики в юго-восточной Польше (рис. 52), тат как «дунаецкий» путь доказывает концентрация в этой зоне находок бронзовых изделий так называемого «станоминского типа» характерных для Центральной Польши (рис. 56).
2. Янтарные бусы в ожерельях массово появляются в «княжеских» захоронениях, например, в Атенице (Djuknić, Jovanović 1966, Pl. XVI; XX: 1—15; XXI: 15—23).

3. Балтийское происхождение янтаря подтверждено спектральным анализом, сделанным, например, для находок из могильника в Хотине (Chotín) в юго-западной Словакии (Beck, Dušek 1969, S. 247—217).
4. Существуют и другие примеры взаимных контактов между Балтийской зоной и центральной Польшей а территорией Венгерской низменности (Krzyśiak, Dziągiewski, Garbacz-Klempka 2017, p. 263).

чае речь может идти только о распространении коней, выращиваемых в Альфельде и взнуздываемых при употреблении характерных удила¹. Несомненно, после периода военных волнений, вызванных «скифскими набегами», ставшими причиной поселенческого и культурного кризиса в узловых, восточно-галыштатской зоне «янтарного пути» (Трансданубия—Моравы—Моравские ворота—Силезия) (Chochorowski 1978, p. 356—363; Teržan 1998, S. 518—526), не позднее чем с половины VI в. до н. э., ключевая роль в обменных отношениях между Балтийским Севером и центральными Балканами принадлежала группировкам из Венгерской низменности. Все указывает на тот факт, что сигинны быстро вродились в центральноевропейское окружение и стались активными, играя здесь существенную роль на торговых путях. Особенным образом получили известность достижениями в отрасли специализированного разведения коней (Sherratt 1993, fig. 12), представляющего существенную инновацию в европейском запаса хозяйственных стратегии. Касается это тоже области железообработки или роли посредников в торговле железными изделиями², ценившимися на отдаленных территориях и ассоциированными с этнонимом их дистрибьюторов (Chochorowski 1987a, p. 195—197).

Несомненно, существенное значение получили контакты населения из территорий Альфельда с жителями греческих колоний северо-западного побережья Черного моря, особенно с Ольвией и ее окрестностями³. Это

1. Характерно, что удила с псалиями типа Векерзуг, найденные в погребении поморской культуры в Вымыслово (Wymysłowo), недалеко от Гостыни (Gostyni) в Великопольше (Jasnosz et al. 1959, Pl. 24), сравнительно небольшого размера. Длина грызла ограниченная псалиями достигает около 12 см. Подобное расстояние характерно для удила этого типа с Венгерской низменности (Chochorowski 1985a, Abb. 40: 7). Отсюда следует, что эти удила использовались для обуздания относительно небольших лошадей, разводимых в Альфельде. Здесь стоит отметить, что аналогичных размеров также, например, удила с псалиями греческого типа, использованные на Балканах (Benac, Čović 1957, Taf. XXVI: 1; Dehn 1980, Abb. 1: 3; Werner 1988, Taf. 27: 198) или типа Векерзуг, найденные в кургане в Атенице (Djuknić, Jovanović 1966, p. 12, Pl. XXV: 5), а также в оснащении погребальных объектов группы Фериджиле (Ferigile) (Vulpe 1967, Pl. XVI: 3, 4; XXII: 8—10).
2. Производившими примерно в альпийских металлургических центрах, которые в начале эпохи железа открыли «карьеру» известного в античном мире *ferrum Noricum*.
3. Янош Хорматта (Harmatta 1968, S. 157) предлагал также существование в 30-х гг. VI в. до н. э. контактного пути, ведущего с территории сигиннов вдоль нижнего Дуная до Истрии в Добруджу, что не кажется маловероятным, хотя столь реальным является также сухопутная дорога через Трансильванию вдоль Олты.

могло быть даже в определенной степени продолжением взаимоотношений, установленных с сообществами греков северочерноморского региона через кочевнические элиты из Западного Подолья еще во второй половине VII в. до н. э. Именно благодаря этим контактам «ольвиополиты» получили знание о специфических культурных поведенческих сигиннов, «экзотических» с точки зрения традиции карпатской среды, в том числе и о их «мидийском» — фактически кавказском — происхождении (Хохоровски 2017, с. 239—242). Они же, скорее всего, поделились этими знаниями с Геродотом. Ответ на вопрос: что послужило существенной предпосылкой для установления и поддержания этих контактов, находится вероятно в сфере культурного менталитета кочевнических элит, чье присутствие ярко фиксируется в социальной структуре культуры Векерзуг, особенно в ранний период (конец VII — первая половина VI в. до н. э.). Это относится тоже к сильно выраженному в символических поведенческих, архетипу воина-всадника, главным образом лучника (погребения с колчанами или стрелковыми наборами), а также проявлений полезной и символической роли коней (отдельные погребения лошадей, присутствие удила в погребальных инвентарях). Суть этих отношений лежит в основе стратегии социокультурного поведения кочевнических элит. Основываясь свое значение на формациях конных воинов, они стремились предпринимать военные действия, в том числе — грабительские набеги, приносящие экономическую прибыль. В реалиях Центральной Европы единственное, что имело основную ценность в торговле «варваров» с греками были пленные-рабы⁴. Похоже, что торговля быстрыми и выносливыми конями, разводимыми на степных пастбищах Альфельда, которыми прославились сигинны, в случае торговли с северочерноморскими греческими колониями не могла играть большой роли⁵. Не случайно экономические контакты с греками Северного Причерноморья удерживали свое

4. Захват «пленных» на территориях, бывших целями скифских набегов, могло стать причиной локального обезлюживания этих регионов (Chochorowski 2014, fig. 21 — карта, 22).
5. Основным признакам переделов торговли «лошадьми сигиннов» является распространение специфических удила типа Векерзуг, представляющих собой локальное структурное решение формы уздечки и способа взнуздывания, типичных для этого времени среди групп, проживавших в Венгерской низменности (Chochorowski 1987a, p. 190—195), но неизвестных в северочерноморских районах. Конечно, нельзя исключить, что в районах с хорошими местными традициями взнуздывания коней и развития собственных форм узды, лошадей иностранного происхождения, в том числе «сигинских лошадей», могли взнуздывать в соответствии с местными стандартами.

значение в период грабительских и разрушительных набегов в районы к северо-западу от Венгерской низменности (Chochorowski 2014, fig. 19 — карта). Это было тоже время формирования и консолидации нового синкретического культурного сообщества на территории Альфельда, несомненно, полиэтнического по своей сути. Именно тогда в среде кочевников Альфельда установился социальный статус элит и атрибуты их субкультуры, в основе которой, помимо прочих, лежали в главном символы скифской культурной тождественности, например, эмблемы в виде стилизованных изображений оленей из Тапиосентмартон и Мезекерестеш-Зельдхальмпуста или рыбы из Бекешчаба (Békéscsaba), изготовленные в греческих мастерских (?) близких территориально и стилистически фракийским художественным традициям. Позже эти контакты с греческими центрами северо-западного побережья Черного моря ослабли¹. В среде культуры Векерзуг, с одной стороны, проявляется феномен локальной эволюции и трансформация скифских культурных традиций, с другой — четкая изоляция к отношению к северочерноморскому пакету культурных явлений и поворот в сторону гальштатского, в особенности — юго-восточно-альпийского культурного круга. В этот период в структуре археологических источников намного слабее фиксируется тоже роль элит. В этой синкретической культурной реальности пришлый этнический элемент, включая кавказских сигиннов, сохранил свою этническую идентичность вплоть до появления кельтов в этом регионе в первой половине IV в. до н. э. (Zbožil 1959, p. 392; Chochorowski 1987a, p. 207).

Краткий обзор самых северных по расположению в европейском интерьере, импортов — изделий из греческих и этрусских (италийских) производственных центров, не дает возможности для исчерпывающего, познавательного логического диагноза, но дает возможность сделать несколько существенных наблюдений. Появление в VI в. до н. э. древнегреческой товарной и роскошной керамики в Хойнебурге на верхнем Дунае составляет археологический фон для довольно смутного — но все-таки существующего — представления об этой территории, поскольку у Геродота есть упоминания о реке

Истр, вытекающей из «земли кельтов» и «города Пирены». Конечно, существенная суть этих связей заключается не в наличии самих амфор, а в характере их содержимого: вина и масла. Их потребление может указывать на какие-то культурные отношения, которые означали для «варваров» определенный уровень «средиземноморской роскоши». Об этом стремлении интегрировать средиземноморский «образ жизни» в субкультуру гальштатских элит хорошо свидетельствуют наличие роскошной столовой керамики и бронзовых сосудов, например, кратера из Викс, для ритуала жертвоприношений (священной тризны) в захоронениях гальштатских «князей».

Что касается территорий Подолья, то торговые контакты, развивающиеся со второй половины VII в. до н. э., о которых свидетельствует появление амфор и греческой столовой керамики, не отражены в составе информации об этих территориях и их обитателях, представленных в «Истории». Хотя Геродот (IV: 48) хорошо знает реки впадающие в Черное море и Дунай, которые протекают по внешней стороне Карпатской дуги через Молдавскую возвышенность, а также пересекают Валашскую низменность, его знания, по-видимому, не распространяются так далеко как греческий (ольвийский?) «импорт» на Подолье. Это тем более интригующе, что автор «Истории» мог лично много засвидетельствовать в Северном Причерноморье, например, благодаря пребыванию в Ольвии и четырехдневному «путешествию» вверх по Южному Бугу (*Huropolis*) вглубь Скифии. О степени взаимных культурных контактов между греками Северного Причерноморья и населением Западного Подолья во второй половине VII в. и первой половине VI в. до н. э., свидетельствует довольно распространенная техника кружалного производства т. н. сероглиняной посуды. Возможно, существенным является факт, что эта сфера экономической деятельности носит утилитарный характер и связана с практикой повседневного существования, которая не меняла глубже качества жизни в более широком социальном измерении, например, достигающим престижных поведений, а в главном — статуса элит. Поэтому можно предположить, что с точки зрения культурного сознания греков эта придпосылка (культурна черта) не составляла особого интереса и не вызвала никаких интригирующих наблюдений. Следовательно, теоретически нельзя исключить, что привоз здесь вина и масла в амфорах (так как роскошной столовой посуды), был связан не столько со стремлением местных элит получить греческий — средиземноморский «вкус» жизни, но с присутствием на территории Подолья мастеров-гончаров, по происхождению связанных с причноморскими производственными центрами. Действуя в чужом с точки зрения культурной таждественности мире, подде-

1. Контакты группировок из восточной части Карпатского Бассейна с греческими центрами северо-западного побережья Черного моря являлись явно инцидентальными (временными), зависимыми от исторического контекста, а не постоянными, основанными на устойчивой структуре экономических взаимозависимости. Вопреки высказываемым иногда предложениям некоторых исследователей (Sherrat 1993, fig. 12; Отрешко 1994, с. 118), не существуют никакие предпосылки, которые допускают мнение, что основой этих связей являлся импорт в Причерноморье трансильванской меди, железа или соли.

реживали они связь с материнской средой тоже для привоза продуктов существенных с точки зрения их кулинарных традиций.

Совершенно иная ситуация присуща сообществ Венгерской низменности с миром средиземноморской цивилизаций в VII—VI вв. до н. э. Греческий и этрусский эксклюзивный «импорт» является здесь уникальным явлением¹. В то время, как знания, накопленные в среде северочерноморских греков до времен Геродота, сосредоточены исключительно на одной этнической группировке — сигиннах. Эти знания полны этнографических деталей и представляют синтетический образ этого народа, в том числе и его пришлый характер в местной среде. Геродот даже осознает хронологическое расстояние, которое разделяет его времена с моментом «прибытия» сигиннов на эти территории *«из Мидии»*, хотя он не может объяснить это явление: *«Они считают себя [потомками] мидийских переселенцев. А как они попали туда из Мидии, я не могу объяснить. Впрочем, пожалуй, все может случиться за столь огромный промежуток времени»* (Herodot V: 9). Аполлон Родосский (IV: 316—327), упоминает тоже в *Аргонавтике* синдов — как соседей сигиннов на *«Лаврийской равнине»*, которые в древности были известны как народ, входящий в структуру этнической меотской группировки на Таманском полуострове (Herodot IV: 28). Это усиливает тезис «о мидийском», точнее кавказском (Хохоровски 2017, с. 241), происхождении сигиннов. И в то же время вновь подчеркивает их статус «чужака» на территорию Венгерской низменности. Кажется, что именно «экзотика» культурных обычаев, значимость цивилизационных достижений сигиннов и их отличительные особенности в местной среде придали им особый статус и известность. Анализ механизмов передачи этой информации в среду северочерноморских греков зависит, в частности, от того, допускаем ли мы возможность того, что

греки могли плавать вдоль Дуная, по крайней мере, до *«Лаврийской равнины»*. Ответ находится в одном из вариантов решения вопроса: является ли поход *«Аргонавтов»* вверх по Дунаю литературным вымыслом или реальной возможностью, которая, например, указывает на опыт судоходства у греков Истрии².

«Инициатива» налаживания контактов с греческими колониями северо-западного побережья Черного моря, несомненно, была, однако, делом кочевнических элит, особенно активных в периоды грабительских набегов в 625/600—570/560 гг. до н. э. Существенным импульсом, конечно же, были экономические соображения — поставка пленных-рабов на греческие рынки³. Это было одновременно и момент формирования социально-экономического потенциала первых северочерноморских колоний, в основе которого в эту эпоху, как в случае с Ольвией (Крыжицкий и др. 1999, с. 72—81), лежала аграрная экономика. Этот процесс требовал, несомненно, важного импульса, которым стало увеличение демографического потенциала, приток рабочей силы (Блаватский 1954, с. 38—49; Кругликова 1984, с. 160—161)⁴. Для кочевнических элит, существовавших в этнической среде Альфельда, участие в торговле с греками, было важным фактором создания своей экономической и социальной позиции, о чем свидетельствуют престижные атрибуты богатства, например — золотые эмблемы. Материальные реквизиты аристократической субкультуры служили также возможностью проявить свою культурную идентичность, основывающуюся как на скифских религиозных традициях, так и на эксклюзивных продуктах скифского, греческого или гальштатского происхождения (Тапиосентмартон, Мезекерештес-Зельдхаль-омпуста, Бекешчаба, Артанд). Торговые контакты с причерномоскими центрами были установлены еще во второй половине VII в. до н. э. на территории Западного Подолья, в рамках обычного товарообмена. Близкий персональ-

1. Наряду с упомянутыми выше греческими и этрусскими импортами, можно еще указать на находки умбрийских бронзовых культовых статуэток, например, в Шомльохедь (Somlóhegy) и Кестхели-Добого (Keszthely-Dobogó) (Szilágyi 1992, S. 223, Abb. 1—2), или фрагментов плема в Вашкерестеш (Vaskeresztes) (Fekete 1982, S. 136—137, Abb. 7—8). К этой группе предметов следует отнести также поперечнорребристые цисты италийского происхождения, например, находку из Вашкерестеш (Szilágyi 1992, S. 229, Abb. 5—7). Хотя наиболее известные находки этого типа представлены комплексом из 14 цист в кладе из Курд (Kurd) (Egg 1996, Abb. 14), по мнению J. Gy. Szilágyi (1992, S. 228), они могли быть изготовлены как подражания за пределами Италии. Еще более сложной является проблема идентификации изделий италийских мастеров среди массово представленных на этих территориях мелких украшений, например, фибул (Fekete 1982, S. 129—137, Abb. 7—8; Gabrovec 1992, Abb. 5).

2. По мнению Яноша Хорматты (Harmatta 1968, S. 157) задокументированная в античной традиции письменная информация о сигиннах, попала в среду северочерноморских греков в 30-е гг. VI в. до н. э. через Истрию. Стоит отметить, что в системе каботажного судоходства вдоль западных берегов Эвксинского Понта, Дунай (Истр) а точнее — его устья, представляли собой важный ориентировочный пункт (Гайдукевич 1969, с. 12—14).

3. Здесь надо вспомнить о давнем высказывании В. Д. Блаватского (1954, с. 32): *«Важнейшим источником рабства у местных племен Северного Причерноморья были военные столкновения между ними»*.

4. Согласно В. Д. Блаватскому (1954, с. 38—39), например, в IV в. до н. э.: *«в районе Феодосии существовали... типично античные рабовладельческие хозяйства средних размеров, в которых было примерно два десятка рабов-землепашцев»* (выделено автором — Я. Х.).

ный характер этих контактов подчеркивает заимствование от греков технологии гончарного производства¹, распространенной затем переселенцами из Подолья на территории Венгерской низменности, отчасти независимо уже от ее первоначального центра. Это был массовый процесс, связанный с практикой экономической деятельности, а не элемент «экзотики» или только атрибут аристократической субкультуры. Он создавал правда признаки отличия населения культуры Векерзуг от средневропейской окружающей культурной среды, но не стал затравкой для изменения производительных процессов (хотя бы в области гончарного промысла) в более широком измерении². Так как «историю» не создают ни торговцы, ни гончары, создают ее элиты.

Сопоставление этих различных механизмов распространения материальных изделий, раскрывающих средиземноморское цивилизационное влияние в Центральной Европе подразумевает, как кажется, что это был не совсем случайный процесс, напоминающий пресловутое «разбрасывание засохших листьев ветром Истории». Ключом к пониманию этой ситуации может быть первенствующая роль «варварских» элит, которые были инициаторами и «агентами» контактов с греческими и этрусскими производственными центрами, строя на этом свой престиж и заимствуя оттуда средства и атрибуты для создания аристократической субкультуры. Чаще всего как в Альфельде, так и на Балканах, это атрибуты, связанные с расширением ассортимента оборонительного вооружения, подчеркивающего статус и придающего эффективность военной деятельности. В западно-гальштатской культурной среде проявляется выразительная тенденция к накоп-

лению и экспонированию ритуальных и полезных атрибутов, как элемента эксклюзивности «придворной жизни», широко проиллюстрированной, например, в «искусстве ситул» (Luske, Frey 1962, Taf. 1—3, 5, 64, 67—68, 73, 75—76; Kromer 1980, S. 225—240). Греческие колонисты и этрусские мастера, реализуя собственные экономические стратегии, дали возможность «варварским» элитам создать и укрепить свои общественно-политические позиции.

Проявляется здесь еще и другая сторона обсуждаемого вопроса. Речь идет о культурном и даже пространственном самосознании потребителей средиземноморских продуктов, живших в глубине европейского «варварского» интерьера. Рассматривали ли они материальные импорты, только как более или менее полезные в различных сферах хозяйственной и культурной жизни предметы-вещи, случайно «путешествовавшие» в рамках межгруппового обмена, или они понимали их первоначальный культурный контекст и смысл? Знали ли они географию их происхождения? Идя дальше, проявляли ли хотя бы некоторые из них, принадлежавшие к более прогрессивной части населения, предшественники тогдашних инноваций присутствующие во всех сообществах, в том числе и традиционных (Moszyński 1958, p. 473—475) — преднамеренные попытки сокращения культурного разрыва, например, за счет дальних путешествий?³ И, наконец, были ли общественные (не только индивидуальные) основания для таких действий? В целом же — существовала ли какая-либо культурная связь между потребителями и производителями «импортов»?

К сожалению, исследовательский потенциал археологических источников и состояние их изучения не позволяют ответить на указанные выше вопросы. Античная литературная традиция собранная, например, в труде Геродота, (несомненно, достоверная — учитывая географический и хронологический контекст накопления содержащихся в них и обсуждаемых здесь сведений) также немного нам помогает. Однако, перефразируя формулировку самого Геродота (IV: 11) «*существует еще и третье сказание, ему я сам больше всего доверяю*», не стоит оставлять эти вопросы без попытки ответа. Речь идет об описанных в «Истории» (Herodot IV: 36) легендарных, «крайне северных» гиперборейцах, анонимных этнически сообществах, занимавших самые северные окраины известного грекам мира (Chochorowski 2013, p. 143—144). Автор «Истории» упоминает о них в контексте своего рассказа о скифах, собственно, о географии этнической Скифии, трактуя их как своеобразное «обрамление» созданной картины (Herodot IV: 32): «*О гиперборейцах ничего не известно ни скифам, ни другим*

1. Столь широкое распространение кружальной технологии в гончарном производстве было связано либо с пребыванием представителей (мастеров) «варварских» общин с территории Западного Подолья в гончарных мастерских, функционировавших в колониях или в их близости, либо с присутствием греческих гончаров на поселениях Западноподольской группы. В противном случае, процесс «обучения» этой технической инновации был бы гораздо более продолжительным. На территории Молдовы, отделяющей Западное Подолье от северо-западного побережья Черного моря, не зафиксировано столь раннего присутствия сероглиняной кружальной керамики и признаков постепенного проникновения технологии гончарного производства, так рано, как на Западном Подолье, т. е. уже со второй половины VII в. до н. э. (Chochorowski 1996, p. 123—124). Таким образом, это не процесс постепенного распространения инноваций из первоначального центра, а явление образования вторичного центра на территории Западного Подолья.
2. За пределами культуры Векерзуг и ее влияний (Czopek 1993, p. 487—502; Chochorowski 1996, fig. 1 — карта), на территории северной части центральной Европы гончарная керамика, появляется только вместе с кельтами после 400 г. до н. э.

3. О далеких путешествиях скифов, связанных с торговлей, вспоминает, например, Геродот (IV: 24).

народам этой части света, кроме исседонов. Впрочем, как я думаю, исседоны также ничего о них не знают; ведь иначе, пожалуй, и скифы рассказывали бы о них, как они рассказывают об одноглазых людях (аримаспах — заметка Я. Х.). Но все же у Гесиода есть известие о гиперборейях; упоминает о них Гомер в «Эпиграмах...». Из информации о местоположении упомянутых здесь исседонов следует (Herodot IV: 25—27), что они занимали какие-то территории за «высокими, недоступными горами» (Уралом?) на границе известного и неизвестного миров. «Итак — пишет Геродот (IV: 27) — о исседонах у нас есть еще сведения. Выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые люди (аримаспы — заметка Я. Х.) и стерегущие золото грифы». Если «стерегущих золото грифов» принять за мифологический эквивалент «скифо-сибирской» культурной модели сообществ территорий Алтая и Западного Саяна, в верховьях Оби и Енисея (Полосьмак 1994; с. 6—10, рис. 1; 2001, с. 33—35; Parzinger 2006, S. 586—619; Парцингер 2017, с. 310—316), с ярко выраженным в зооморфной символике мотивом грифона (Parzinger 2008, S. 40), то находящихся по соседству исседонов, как и гипербореев, тоже стоит включить в этническую мозаику пограничья Западной Сибири и Центральной Азии.

Еще больше о географическом и этническом контексте сибирских гипербореев мы узнаем из цитируемого в «Истории» сообщения Аристея (Herodot IV: 13): «По его рассказам, за исседонами обитают аримаспы — одноглазые люди; за аримаспами — стерегущие золото грифы, а еще выше (значит: севернее — заметка Я. Х.) за ними — гиперборейи на границе с морем. Все эти народы, кроме гипербореев (выделено автором — Я. Х.), постоянно воюют с соседями (причем первыми начали войну аримаспы). Аримаспы изгнали исседонов из их страны, затем исседоны вытеснили скифов, а киммерийцы, обитавшие у Южного моря, под напором скифов покинули свою родину». Отсюда следует, что сибирские гиперборейи не были участниками процесса этнических миграций в степной зоне (и лесостепи?), носивших характер цепной реакции, что привело к переселению «азиатских» скифов на Кавказско-Причерноморские территории, и вытеснению отсюда киммерийцев (Herodot IV: 11). Следовательно, если принять литературное изображение этого процесса за исторический факт, то сибирских гипербореев, вероятно, можно рассматривать как оседлый этнос, занимавший районы за пределами «коридора» Великой Степи (в лесной или лесостепной зоне?). Так или иначе, сибирские гиперборейи никаким образом не могли быть соседями северо-причерноморских скифов во времена Геродота. Это вытекает из уже упомянутых свидетельств, но прежде всего из описанной Геродотом (Herodot IV: 17—22) географии

этнической Скифии. Вне зависимости от спора относительно интерпретации этого сообщения (например: Рыбаков 1979; Мозолевский 1996, с. 51—66; 2005, с. 43—57), нет никаких сомнений в том, что ни в определенной Геродотом этнической структуре Скифии, ни среди ее ближних и дальних европейских соседей, нет места для каких-либо «гипербореев».

В этом контексте весьма интригующей оказывается другая информация Геродота, касающаяся гипербореев, тем более что, согласно однозначному заявлению автора «Истории», получена она не от северочерноморских греков, а от делосцев, т. е. жителей острова Делос в Эгейском море, который во времена Геродота играл чрезвычайно важную политическую и культурную роль¹, т. е. из самого сердца Греции (Herodot IV: 33): «Гораздо больше о гиперборейях рассказывают делосцы. По их словам, гиперборейи посылают скифам жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому. От скифов дары принимают ближайшии соседи, и каждый народ всегда передает их все дальше и дальше вплоть до Адриатического моря на крайнем западе. Оттуда дары отправляют на юг: сначала они попадают к додонским эллинам, а дальше их везут к Маллийскому заливу и переправляют на Евбею. Здесь их перевозят из одного города в другой, вплоть до Кариста. Однако минуют Андрос, так как каристийцы перевозят святыню прямо на Тенос, а теносцы — на Делос. Так-то, по рассказам делосцев, эти священные дары наконец прибывают на Делос».

Приведенный фрагмент сразу вызывает основной вопрос: о каких гиперборейях и каких скифах рассказывают делосцы? Ведь в другом месте Геродот (IV: 32), имея в виду причерноморских скифов (!), подчеркивает: «О гиперборейях ничего не известно ни скифам, ни другим народам этой части света». Если посредниками в передаче жертвенных подношений гипербореев в храм на Делосе должны быть причерноморские скифы, то почему они не воспользовались традиционным греческим морским путем, ведущим от Босфора Фракийского в гавани Истрии и устья Истра, через устье Днестра (*Тирас*) и далее в направлении других северочерноморских колоний. Или каким-либо другим сухопутным путем, ведущим из Черного Моря в Эгейское (Гайдукевич 1969, с. 11—19). Направление сухопутного (?) маршрута, ведущего от причерноморских скифов в Адриатику, и дальше — по традиционному морскому пути (Jerem 1996, Abb. 6; Mihovilić 1995, Abb. 1), от устья По, до Доданы в Эпире, а затем, через материковую Грецию, на остров Евбею, и только оттуда на Делос, кажется, в

1. Остров Делос был одним из главных центров культа Аполлона, где существовал знаменитый, известный во всем тогдашнем мире оракул. В 478—454 гг. н. э. он был столицей так называемого Морского союза во главе с Афинами, так называемой Делосской Симмахии (Bravo, Wipszycka 1988, p. 287—288).

этом случае иррациональным с географической точки зрения. Решение этой дилеммы может быть только одно: «скифы» из сказания делосцев — это сообщества со скифообразной культурой (в том числе употребляющие мидийскую / скифскую одежду), на территории Венгерской низменности. Гиперборейцы, впоследствии, это вероятно, местное оседлое население, занимавшееся земледелием («жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому»), проживавшее по соседству со «скифами» с Венгерской низменности, и связанное с ними «торговым» обменом. А также сакральной передачей вотивных даров. Торговый путь к Эгейскому морю, ведущий через центральные Балканы по линии Тиса—Морава—Вардар, предоставляя возможность обмена товарами, способствовал также передаче информации, которые попадали к грекам, между тем — делосцам. Не удивляет тогда, что в Греции (включая Делос) население Венгерской низменности, выделяющееся из окружающей среды «мидийской одеждой», считали скифами. Это культурное отличие центрально-европейского анклава кочевников засвидетельствовали и художники из т. н. круга «искусства ситул», оставив такие иконографические свидетельства, как образ лучника в «мидийской» одежде на бронзовой оковке пояса из Мольника (Molnika) (Teržan 1998, Abb. 10). Или островерхие головные уборы сигинских возничих колесниц (*heniotos*) в сценах соревнований рысаков, изображенных на ситулах с Куферна (Kufern) и Болоньи-Ар-

ноальди (Bologna-Arnoaldi) (Lucke, Frey 1962, Taf. 13, 15, 75)¹. Очевидно, хорошо задокументированный археологическими и историческими источниками контактный путь, ведущий через территории гальштатского населения с юго-восточной окраины Альп и адриатических территорий, в некотором смысле также контролируемый сигиннами, использовался для передачи вотивных даров от средневропейских гиперборейцев на Делос.

Возникает следующий вопрос: какое население скрывалось под общим термином «гиперборейцев», используемым жителями Делоса во времена Геродота? Уже сам характер этого своеобразного «этнонима» локализирует их где-то на самом дальнем, неизвестном «Севере». Об их местоположение свидетельствует очевидно и тот факт, что посредниками в передаче священных даров были «скифы», т. е. сообщества, занимавшие регион Венгерской низменности (в том числе сигинны), со скифской моделью культурного поведения, наиболее яркой визуальной особенностью которой было «ношение мидийской одежды» («одеваются они в мидийскую одежду» — Геродот V: 9). Счита-

1. Нельзя исключать, что подобная сцена изображена и на цилиндрическом сосуде-цисте из Морицинга (Moritzing) (Lucke, Frey 1962, Taf. 13). Представленные на ней колесницы с двойной упряжкой, иконографически являются, по существу, дублированием подобной сцены, изображенной на ситуте из Куферна (Kufern). К сожалению, на цисте из Морицинга не сохранились изображения возничих.

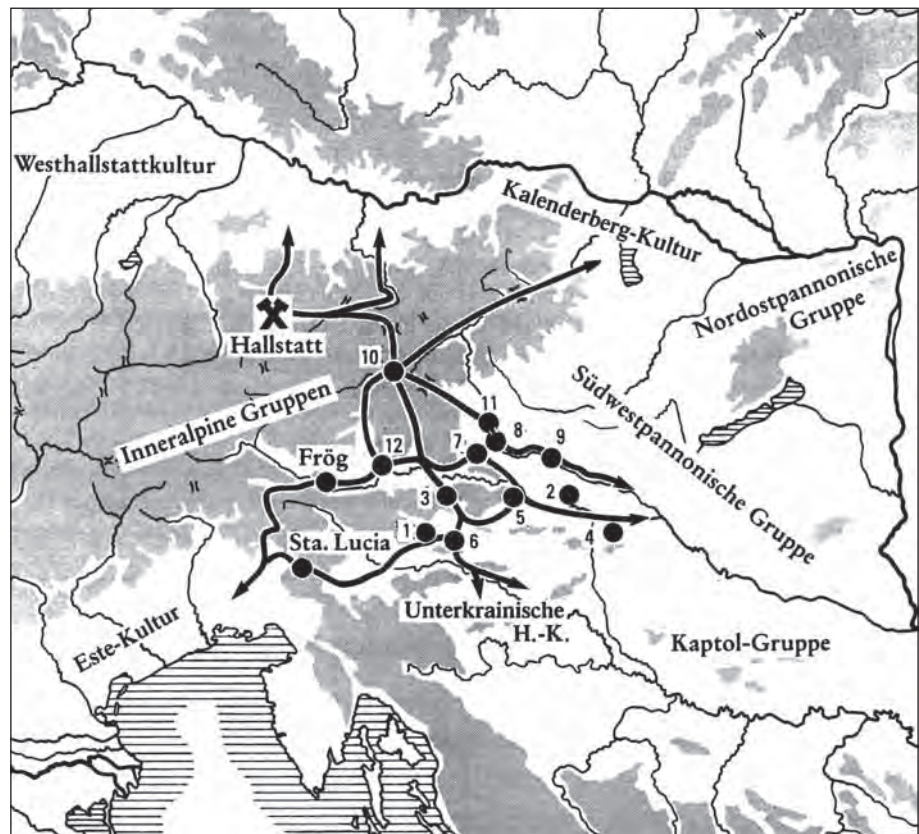


Рис. 58. Политические центры и торговые пути на юго-восточно альпийских территориях в гальштатский период (по Egg 1999, fig. 4)

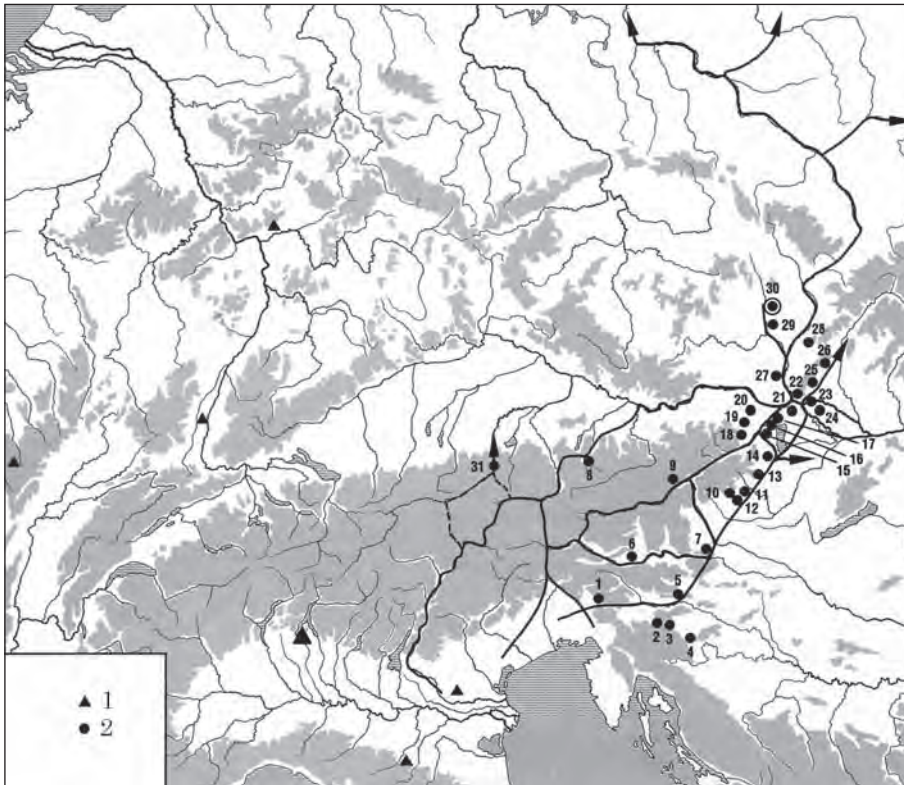


Рис. 59. Направления главных контактных путей юг—север в старший гальштатский период (HaC — начало HaD₁): 1 — бронзовые миски (*phiale*) с ребристым орнаментом (*Rippenschale*); 2 — главные археологические стоянки (по Parzinger 1995, рис. 11)

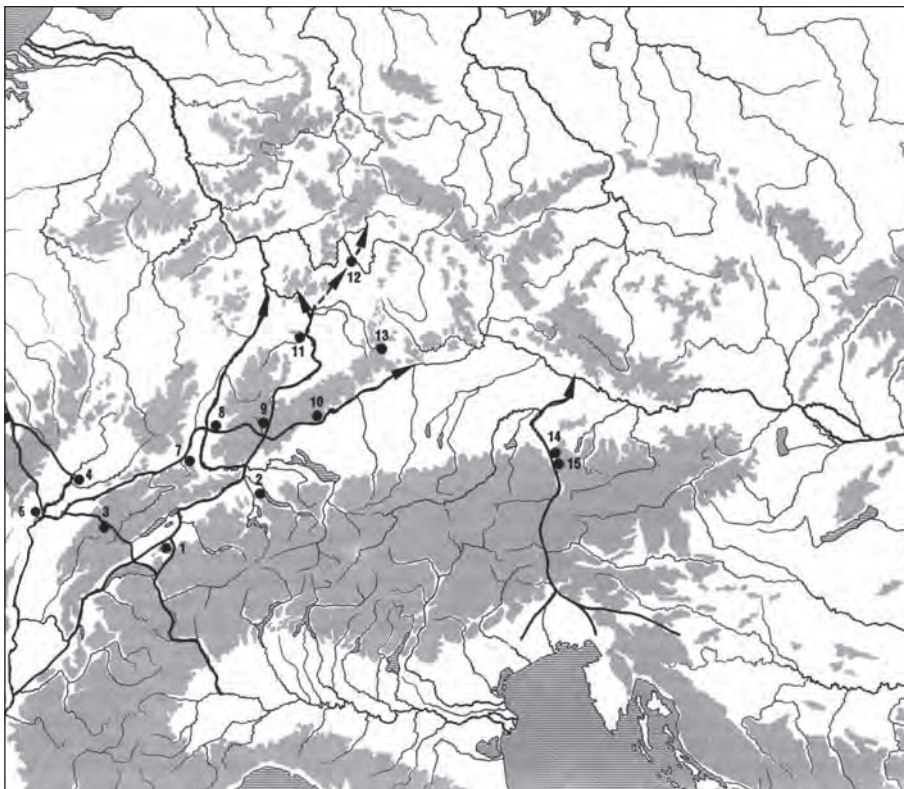


Рис. 60. Направления главных путей юг—север в поздний гальштатский период (HaD₁ — HaD₃), основные позднегальштатские стоянки, в основном оборонительные поселения (по Parzinger 1995, рис. 12)

ется мало вероятным, чтобы под названием «гиперборейцев» скрывались сообщества из-за внешней стороны Карпатской дуги от Валахской низменности, до северной Молдовы и даже Подолии, из-за тесных связей со средой причерноморских греческих колоний (Preda 1973, fig. 5 — карта). Здесь кстати, надо поместить

также, хорошо известных по Геродоту — агафирсов (Herodot IV: 104). В свою очередь, население гальштатского культурного круга, заселявшее районы к западу от Карпатского бассейна, существовало в среде автономной сети торговых путей (рис. 58—60), ведущих в сторону *Caput Adriæ*, Северной Италии и Мас-



Рис. 61. Центральноевропейский торговый путь Балтийское море—Балканы в VI—V вв. до н. э.: 1 — распространение греческих амфор; 2 — распространение италийского (в том числе этрусского) импорта; 3 — торговый путь Висла—Тиса—Морава—Вардар; 4 — дорога священных даров, гиперборейцев в храм на Делосе

салии (Parzinger 1995, Abb. 11—12; Jerem 1996, Abb. 5). Любое посредничество «скифов» в поэтапном обмене товаров, здесь вообще не было нужным. Таким образом, наиболее вероятно, что под названием «гиперборейцев» у делосцев понимались сообщества, населявшие территории с северной стороны Карпатской дуги, которые в VI—V вв. до н. э. были связаны с населением культуры Векерзуг из Венгерской низменности, торговыми путями, ведущими в сторону янтарных балтийских регионов (рис. 61). Основанная в значительной степени на земледельческом хозяйстве, экономическая стратегия населения раннего железного века в бассейне Вислы и Варты, с традициями, характерными еще для культурной модели культур урновых полей эпохи поздней бронзы, как кажется, может отвечать символике вотивных даров, приносившихся гиперборейцами в храм на далеком Делосе. Это обозначает не только присущее населению бассейна Вислы осознание факта существования культовых мест надрегионального статуса в средиземноморском мире, но также и признание общих ценностей в сфере религиозного менталитета.

Рассказ делосцев о дарах гиперборейцев, имеет много подробностей, включая имена «де-

виц», отправленных ими к святилищу, и описание обстоятельств появления этого обычая (Herodot IV: 33): «В первый раз, говорят делосцы, гиперборейцы послали с дарами двух девушек, по имени Гипероха и Лаодика. Вместе с ними были отправлены провожатыми для безопасности девушек пять гиперборейских горожан. Это те, кого теперь называют перфереями и весьма почитают на Делосе. Однако, когда посланцы не вернулись на родину, гиперборейцы испугались, что посланцев всякий раз может постигнуть несчастье, и они не возвратятся домой. Поэтому они стали приносить священные дары, завернутые в пшеничную солому, на границу своих владений, и передавать соседям с просьбой отослать их другим народам. И вот таким образом, как передают, дары отправлялись и наконец прибывали на Делос». Привлекает внимание мотив беспокойства гиперборейцев о судьбе посланников с вотивными дарами, подверженных опасностям долгого пути. Подобная картина условий путешествий в тогдашние времена, как кажется, звучит и в описаниях Фукидида (История, I: 6; 1—2), посвященных «доисторическим» временам Эллады: «Дело в том, что жители всей Эллады ходили тогда вооруженными: жилища не были

защищены, пути сообщения не безопасны, что и ввело в обычай жить с оружием, как живут варвары (выделено автором — Я. Х.). Те части Элады, в которых ведут еще и теперь такой образ жизни, свидетельствуют о существовании некогда подобных обычаев у всех эллинов». Здесь возникает вопрос: сакрализовала ли замена реального путешествия послов, сакральной процедурой поэтапной передачи вотивных даров, другие формы обмена? Или действительно обращение к религиозным предпосылкам могло послужить нейтрализации угроз, исходящих от уровня агрессии и состояния постоянного военного напряжения (перманентного конфликта?), тоже характерного, по мнению Фукидида, для варваров?

Попытка сопоставления северной границы распространения средиземноморских импортов в VII—VI вв. до н. э., с состоянием знаний о территории центральноевропейских «варваров», накопленных в основном, в «разговорной» античной традиции, собранной Геродотом¹, в конечном

1. Задача автора настоящей статьи, как и его компетенция, далеки от того, чтобы спровоцировать дискуссию, касающуюся достоверности информации Геродота или же критики использованных им источников, часто иницируемой, как можно отметить, для их опровержения. Сопоставляем только археологические факты и соответствующие им по значению, по нашему мнению, литературные произведения, познавательная ценность которых сама по себе не может быть проигнорирована (Hartog 2009). Однако, полагаем, что для полноты картины стоит привести слова о рассказе Геродота признанных мастеров литературы факта — документальной публицистики и репортажа: «В мире Геродота — писал Ришард Капусьцински — практически единственным депозитарием памяти есть человек. Для того, чтобы узнать то, что осталось в памяти, нужно прийти к человеку, а если он живет далеко от нас, мы должны отправиться к нему, тронуться в путь, а уж, когда встретимся с ним — посидеть вместе и послушать, что он нам скажет, выслушать его, запомнить, может — записать. Так начинается репортаж... Итак, и Геродот путешествует по свету, он встречает людей и слушает то, что они рассказывают. Они говорят ему, кто они, повествуют свою историю. Но откуда они знают, кто они, откуда они? Ах, рассказывают, что слышали это от других, в первую очередь, от своих предков. Те передали им свои знания, так и теперь они совершают то же по отношению к другим... Потом все это назовут легендами и мифами, но в тот момент, когда людям рассказывают это или слушают об этом, они верят, что это святая правда, самая действительная действительность» (Karusiński 2004, p. 77). Нельзя также не отметить еще один признак правдивости информации Геродота, касающегося культурного поведения различных «варварских» народов. Это не только метод сбора сведений, но и отношение автора «Истории» к смыслу культурных различий, присутствующих «чужим»: «Если бы дать возможность всем народам на свете выбирать самые лучшие из всех обычаев и нравов, то каждый народ, внимательно рассмотрев их, выбрал бы свои собственные. Так,

счете, не приводит к какому-либо «однозначному диагнозу» этого явления. Однако, несмотря на то, что здесь нельзя проследить тесной связи, эти два свидетельства изучения «варварской» Европы, средиземноморскими сообществами (а точнее, их наиболее активными, любознательными представителями), остаются в какой-то степени взаимосвязаны друг с другом. Предшественниками и, наверное, организаторами процедур обмена со стороны «варваров», были, в основном, представители элиты. Вне досягаемости их действия, распространение товаров средиземноморских мастерских и их подражаний могло принимать по своей природе характер «загущающей волнь». Там, где элиты не играли существенной социальной роли, так как галыштатские «князья» или кочевнические (скифские) «вожди» из территории Альфельда (например, в среде сообществ с традициями культур урновых полей в северной части Центральной Европы), протекание предметов престижного обмена могло носить сакральный характер. В основе сакрализации лежало, наверное, обращение к ценностям и религиозным символам (и проявлениям религиозности), аналогичным (общим?) для Греческого Юга и «варварского» Севера Европы. Средиземноморская и «варварская» часть Европы составляли, однако, культурное (идейное) единство, связанное структурами взаимной зависимости, как сообщающиеся сосуды, прочность которых уменьшалась по мере удаления от первичных и вторичных «центров». Состояние географического и культурного сознания и масштабы взаимопроникновения обоих миров были, вероятно, гораздо большими, чем об этом можно судить, исходя из количества, привлекательности и познавательного потенциала, сохранившихся предметов «импорта» — материальных археологических следов взаимной заинтересованности этих миров.

каждый народ убежден, что его собственные обычаи и образ жизни наилучшие. Поэтому как может здоровомыслящий человек издеваться над подобными вещами!» (выделено автором — Я. Х.) (Herodot III: 38). Такое отношение сегодня, как и вчера, может рассматриваться как образец гуманитарного объективизма и уважения к «инородности», но и свидетельствовать также о скрупулезности повествования Геродота о «варварах» Не без оснований среди различных мнений, касающихся достоверности рассказов Геродота, появляются тоже терпкие и скептические замечания о самом методе научной рефлексии: «Оказалось, что Геродот был во многом прав. Особенно в нашу эпоху безумных деконструкций, когда новое поколение историков считает нужным прохаживаться по поводу древних авторов до тех пор, пока информация, которую они сохранили (а передача информации была единственной целью их тяжелых исследований и писаний), не обесценится. Теперь считается, что у древних авторов важен только «дискурс», подосознательно навязываемые информационные схемы ради создания определенных контрастов и «оппозиций», востребованных обществом, в котором жил конкретный историограф» (Ascherson, 2002, p. 90).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А. Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Бандривский, Н. С. 2009. Новые открытия памятников искусства Северного Причерноморья. В: Вахтина, М. Ю. (ред.). *Боспорский феномен. Искусство на периферии Античного мира. Материалы международной конференции*. Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 30-38.
- Блаватский, В. Д. 1954. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. *Советская археология*, XX, с. 31-56.
- Вахтина, М. Ю. 1996. Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища. *Археология*, 4, с. 85-93.
- Гайдукевич, В. Ф. 1969. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском. *Краткие сообщения ИА АН СССР*, 116, с. 11-19.
- Ганіна, О. Д. 1970. *Античні бронзи з Піщаного*. Київ: Наукова думка.
- Ганіна, О. Д. Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте. *Археологія*, XIX, с. 106-117.
- Ганіна, О. Д. 1984. Поселення ранньоскіфської доби поблизу с. Залісся. *Археологія*, 47, с. 68-79.
- Геродот. 1999. *История в девяти томах*. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Москва: Ладомир, АСТ.
- Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-63.
- Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион)*. Киев: Наукова думка.
- Кругликова, И. Т. 1984. Сельское хозяйство и промыслы. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Античные государства Северного Причерноморья*. Москва: Наука, с. 154-161.
- Крыжицкий, С. Д., Русяева, А. С., Крапивина, В. В., Лейцунская, Н. А., Скржинская, М. В., Анохин, В. А. 1999. *Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье*. Киев: ИА НАНУ.
- Кузнецова, Т. М. 2002. *Зеркала Скифии VI—III века до н. э.* Москва: Индрик.
- Микулчић, И. Архајске некрополе јужне Пелагоњије. 1964—1965. *Старинар*, XV—XVI, с. 209-226.
- Мозолевський, Б. М. 1996. Проблеми етнічної географії Скіфії. *Археологія*, 4, с. 51-66.
- Мозолевський, Б. М. 2005. *Етнічна географія Скіфії*. Київ: Корвин Пресс.
- Молодин, В. И. 2010. Экологический «стресс» на рубеже II—I тыс. до н. э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири. В: Черная, М. П. (ред.). *Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-сибирских археолого-этнографических совещаний*. Томск: Аграф-Пресс, с. 22-24.
- Онайко, Н. А. 1966. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—VI вв. до н. э.* Москва: Наука. Археология СССР. Свод археологических источников, Д 1—27.
- Отрешко, В. М. 1994. Про основи економіки Березанського поселення. *Археологія*, 2, с. 112-122.
- Парцигер, Г. 2017. Элитный скифский курган Аржан-2 в Туве: итоги изучения. В: Чугунов, К. В., Парцигер, Г., Наглер, А. *Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, с. 302-326.
- Полін, С. В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія*, 59, с. 17-36.
- Полосьмак, Н. В. 1994. *«Стерегице золото грифів» (ак-алахинские курганы)*. Новосибирск: Наука.
- Полосьмак, Н. В. 2001. *Всадники Уюка*. Новосибирск: Инфолио-Пресс.
- Попович, І. 2006. *Закарпаття за доби раннього заліза*. Kraków; Lwów: Uniwersytet Jagielloński.
- Поповић, Љ. Б. 1994. *Античка грчка збирка*. Београд: Народни Музеј Београд.
- Рыбаков, Б. А. 1979. *Геродотова Скифия. Историко-географический анализ*. Москва: Наука.
- Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранско-этнокультурного элемента)*. Киев: ИА НАНУ.
- Скуднава, В. М. 1988. *Архаический некрополь Ольвии*. Ленинград: Искусство.
- Смирнова, Г. И. 1979. Курганы у села Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на среднем Днестре. *Труды Государственного Эрмитажа*, XX, с. 37-67.
- Смирнова, Г. И. 1986. Скифское поселение у с. Долиняны (раскоп «у тока»). В: Смирнова, Г. И. (ред.). *Древние памятники культур на территории СССР*. Ленинград: РГЭ, с. 137-140.
- Смирнова, Г. И. 1993. Время появления скифов в Карпатском регионе. *Actes du XII^e Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Bratislava, 1—7 Septembre. Nitra, 1991, 3*, с. 198-203.
- Смирнова, Г. И. 1998. О работах на раннескифском поселении у с. Долиняны в 1985 и 1987 гг. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 33, с. 33-48.
- Смирнова, Г. И. 1999. Еще раз о серой кружалной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 34, с. 44-57.
- Страбон. 1964. *География в 17 книгах*. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. Москва: Наука.
- Фукидид. 1981. *История*. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Ленинград: Наука.
- Хохоровски, Я. 2011. Экологический «стресс» в Западной Сибири и культурный «шок» в Карпатской Котловине в конце бронзового века. В: Молодин, В. И., Хансен, С. (ред.). *«Terra Scythica». Материалы международного симпозиума «Terra Scythica» (17—23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай)*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, с. 319-336.
- Хохоровски, Я. 2017. Кавказ и Карпатский бассейн в раннем железном веке (проблема происхождения сигиннов). *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 228-244.
- Apollonios Rhodios. 1940. *Die Argonauten*. Verdeutscht von Thassilo von Scheffer. Leipzig.
- Ascherson, N. 2002. *Morze Czarne*. Poznań: Zysk i S-ka.
- Bakhuizen, S. C. 1986. Between Pyrians and Greeks: the cities of Epidamnos and Apollonia. *Iliria*, 1, p. 165-177.
- Batović, Š. 1976. Le relazioni culturali tra le sponde adriatiche nell'eta del ferro. In: Suić, M. (ed.). *Jadranska obala u protohistoriji. Kulturni i etnički problemi*. Zagreb: Arheološki Institut, p. 11-93.
- Batović, Š. 1987. Liburnska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezna doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 339-390.
- Beck, C. W., Dušek, M. 1969. Die Herkunft des Bernsteins vom thrakischen Gräberfeld von Chotín. *Slovenská Archeológia*, XVII, p. 247-258.

- Benac, A., Čović, B. 1957. *Glasinac. II: Eisenzeit*. Sarajevo: Landesmuseum.
- Boom, H. van den, Pape, J. 2000. Die massaliotischen Amphoren. *Römisch-Germanischen Forschungen*, 59: Importe und mediterrane Einflüsse auf der Heuneburg. Heuneburgstudien, S. 43-70.
- Boardman, J. 1981. *Kolonien und Handel der Griechen. Vom späten 9. bis zum 6. Jahrhundert v. Chr.* München: C. H. Beck.
- Bouloumié, B. 1982. Remarques sur la diffusion d'objets grecs et Etrusques en Europe Centrale et Nord-Occidentale. *Savaria. A vas Megyei Múzeumok Értésítője*, 16, p. 181-192.
- Bouzek, J. 1982. Antike importe im Gebiet der heutigen Tschechoslowakei. *Savaria. A vas Megyei Múzeumok Értésítője*, 16, S. 193-201.
- Bouzek, J. 1992. Die Etrusker und Böhmen. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposions von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 361-369.
- Bouzek, J. 2007. Jaký byl doopravdy obchod v pravěku? *Studia Archeologica*, XL, p. 19-32.
- Böhr, E. 1988. Die griechische Schalen. *Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg*, 30: Das Kleinaspergle. Studien zu einem Fürstengrabhügel der frühen Latènezeit bei Stuttgart, S. 176-190.
- Böhr, E., Shefton, B. 2000. Die griechische Keramik der Heuneburg. *Römisch-Germanischen Forschungen*, 59: Importe und mediterrane Einflüsse auf der Heuneburg. Heuneburgstudien, XI, S. 1-42.
- Bravo, B., Wipszycka, E. 1988. *Historia starożytnych Greków. Do końca wojen perskich*. Warszawa: PWN, I.
- Bugaj, E., 2010. Wczesnogreckie przedstawienia figuralne i ich oddziaływanie w kręgu kultury halsztackiej. In: Gediga, B., Piotrowski, W. (ed.). *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin; Wrocław: MAB, p. 99-125.
- Bukowski, Z. 1977. *The scythian influence in the area of lusitan culture*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- Chochorowski, J. 1978. Ze studiów nad okresem halsztackim na ziemiach polskich. *Archeologia Polski*, XXIII, p. 355-375.
- Chochorowski, J. 1984. Die Vekerzug-Kultur — Fragen ihrer Genese und Chronologie. *Acta Archaeologica Carpathica*, XXIII, S. 99-161.
- Chochorowski, J. 1985. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde*. Warszawa; Kraków: PWN.
- Chochorowski, J. 1985a. Die Rolle der Vekerzug-Kultur im Rahmen der skythischen Einflüsse in Mitteleuropa. *Praehistorische Zeitschrift*, 60: 2, S. 204-271.
- Chochorowski, J. 1987. Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *Przegląd Archeologiczny*, 34, p. 161-218.
- Chochorowski, J. 1987a. Zur Bestimmung des Siedlungsraumes und der Ursprungs von Agathyrser. *Acta Archaeologica Carpathica*, XXVI, S. 139-173.
- Chochorowski, J. 1993. *Ekspancja kimeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Chochorowski, J. 1996. Problem recepcji elementów kultury antycznej (greckiej) w Kotlinie Karpackiej w VI w. p. n. e. Na marginesie dyskusji o genezie tzw. starej ceramiki toczonej. In: Chochorowski, J. (ed.). *Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświęcona Markowi Gedłowi*. Kraków: Oficyna Cracovia, p. 115-147.
- Chochorowski, J. 1998. Die Vekerzug-Kultur und ihre östlichen Beziehungen. In: Hänsel, B., Machnik, J. (ed.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München, Rahden Westf: Marie Leidorf GmbH, S. 473-491.
- Chochorowski, J. 2009. «Halsztatyzacja» wschodniej części Kotliny Karpackiej. In: Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K. (ed.). *Tarnobrzaska kultura łużycka — źródła i interpretacje*. Rzeszów: Mitel, p. 89-118.
- Chochorowski, J. 2013. Scytyjskie znaleziska w jaskini Býčí skála. In: Kolenda, J. (ed.). *Z badań nad kulturą społeczeństw pradziejowych i wczesnośredniowiecznych. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Bogusławowi Gedłowi w osiemdziesiątą rocznicę urodzin przez przyjaciół, kolegów i uczniów*. Wrocław: IAE PAN, p. 125-148.
- Chochorowski, J. 2014. Scytowie a Europa Środkowa — historyczna interpretacja archeologicznej rzeczywistości. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, XXXV, p. 9-58.
- Chochorowski, J. 2015. Późnobronzowe osiedla obronne w północno-wschodniej części Kotliny Karpackiej — główne problemy badań. In: Garncarski, J. (ed.). *Pradziejowe osady obronne w Karpatach*. Krosno: Muzeum Podkarpackie w Krośnie, p. 245-272.
- Chvojka, O., Hrubý, P. 2007. Höhenfundstellen der Bronze- und Hallstattzeit in Südböhmen und ihre Anknüpfung zum internationalen Handelsaustausch. *Studia Archeologica*, XL: Long Distance Trade in the Bronze Age and Early Iron Age, S. 71-88.
- Czopek, S. 1993. Die älteste Drehscheibenkeramik aus Südpolen. *Bericht der RGK*, 74, S. 487-502.
- Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K., Tokarczyk, T., Ocadyga-Tokarczyk, E., Burghard, M., Adamik-Proksa, J., Rajpold, W. 2017. Pierwsze sprawozdanie z weryfikacyjnych badań na grodzisku z wczesnej epoki żelaza w Chotyńcu. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, XXXVIII, p. 291-306.
- Čović, B. 1987. Grupa Donja Dolina — Sanski Most. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 232-286.
- Dehn, W. 1980. Einige Bemerkungen zu hallstattzeitlichen Trensen Sloweniens. *Zbornik posvećen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Situla*, 20: 21, S. 325-332.
- Djuknić, M., Jovanović, B. 1966. *Illyrian princely necropolis at Atenica*. Čačak: The national Museum Čačak.
- Drechsler-Bižić, R. 1987. Japodska grupa. Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 391-441.
- Dular, J. 2007. Pferdegräber und Pferdebestattungen in der hallstattzeitlichen Dolenjsko-Gruppe. *Scripta praehistorica in honorem Biba Teržan. Situla*, 44, S. 737-752.
- Dušek, S. 1979. Mineralogisch-archäologische Untersuchungen zur hallstattzeitlichen Drehscheibenkeramik der Südwestslowakei. *Slovenská Archeológia*, XXVII, S. 125-138.
- Dzięgielewska, K. 2017. Late Bronze and Early Iron Age communities in the northern part of the Polish Lowland (1000—500 BC). In: Urbanczyk, P. (ed.). *The Past Societies. Polish lands from the first evidence of Human Presence to the early middle ages*. Warszawa: IAE PAN, p. 296-340.
- Egg, M. 1980. Zum Helmfragment von Magdalenska gora. *Zbornik posvećen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Situla*, 20: 2, S. 241-249.

- Egg, M. 1996. Zu den Fürstengräbern im Osthallstattkreis. In: Jerem, E., Lippert, A. (eds.). *Die Osthallstattkultur. Acten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10.—14. Mai 1994*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, p. 53-86.
- Eggert, M. K. H. 2011. *Retrospektive: Archäologie in kulturwissenschaftlicher Sicht. Die «Fürstensitze» der Späthallstattzeit*. Münster; New York; München; Berlin: Waxmann.
- Ettel, P. 2017. Höhengiedlungen der Spätbronze- und älteren Eisenzeit an der Saale bei Jena und in Mitteldeutschland. In: Beljak-Pažinová, N., Borzová, Z. (eds.). *Sedem decénií Petra Romsauera*. Nitra: UKF, S. 61-78. *Studia Historica Nitrensis*, 21: Supplementum.
- Fekete, M. 1982. Angaben zu Kontakten zwischen Italien und Transdanubien. *Savaria. A Vas Megyei Muzeumok Értésítője*, 16, S. 129-144.
- Fettich, N. 1928. *A Zöldhalompusztai szkíta lelet*. Budapest: Franklin-Társulat Nyomdája.
- Fettich, N. 1934. *A Garcsinovái szkíta lelet*. Budapest: Magyar Történeti Múzeum.
- Gabrovec, S. 1966. Zur Hallstattzeit in Slowenien. *Germania*, 44: 1, S. 1-48.
- Gabrovec, S. 1987. Dolenjska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 29-119.
- Gabrovec, S. 1992. Etruskischer Niederschlag in Slowenien. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposiums von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 219-234.
- Gabrovec, S., Čović, B. 1987. Zaključna razmatranja. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 901-928.
- Gabrovec, S., Mihovilić, K. 1987. Istarska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 293-338.
- Gedl, M. 2001. *Die Bronzegefäße in Polen*. Stuttgart: Franz Steiner. *Prähistorische Bronzefunde*, II: 15.
- Guštin, M. 1979. *Notranjska. K začetkom železne dobe na Severnem Jardu*. Ljubljana: Narodni Muzej v Ljubljani.
- Gyulai, F. 1996. Umwelt und Pflanzenbau in Transdanubien während der Urnenfelder-, Hallstatt- und Latènekultur. In: Jerem, E., Lippert, A. (ed.). *Die Osthallstattkultur Acten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10.—14. Mai 1994*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, S. 127-136.
- Hansen, S. 1995. Aspekte des Gabentauschs und Handels während der Urnenfelderzeit in Mittel- und Nordeuropa im Lichte der Fundüberlieferung. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München: Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 67-80.
- Harmatta, J. 1968. Früheisenzeitliche Beziehungen zwischen dem Karpatenbecken, Oberitalien und Griechenland. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XX, S. 153-157.
- Hartog, F. 2009. *The Mirror of Herodotus. The Representation of the Other in the Writing of History*. Berkeley: University of California.
- Hase, F.-W., von. 1969. *Die Trensen der Früheisenzeit in Italien*. München: C. H. Beck. *Prähistorische Bronzefunde*, XVI: 1.
- Hase, F.-W., von. 1989. Etrurien und das Gebiet nordwärts der Alpen in der ausgehenden Urnenfelder- und frühen Hallstattzeit. *Secondo Congresso Internazionale Etrusco. Firenze 26 Maggio — 2 Giugno 1985*, II, S. 1031-1061.
- Hase, F.-W., von. 1992. Etrurien und Mitteleuropa — zur Bedeutung der ersten italisch-etruskischen Funde der späten Urnenfelder- und frühen Hallstattzeit in Zentraleuropa. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposiums von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 235-266.
- Jasnosz, S., Jazdźewski, K., Pieczyński, Z., Poklewski, T., Szafranski, W., Zabkiewicz-Koszańska, H. A. 1959. Age du bronze et periode de Hallstatt. *Inventaria Archaeologica, Pologne*, III, p. 17-24.
- Jerem, E. 1996. Zum Forschungsstand der Osthallstattkultur. In: Jerem, E., Lippert, A. (eds.). *Die Osthallstattkultur. Acten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10.—14. Mai 1994*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, S. 11-28.
- Kapuściński, R. 2004. *Podróże z Herodotem*. Kraków: Znak.
- Kemenczei, T. 1988. Zu den Beziehungen zwischen dem Ungarischen Donau-Theißraum und dem NW-Balkan in der Früheisenzeit. *Folia Archaeologica*, XXXIX, S. 93-113.
- Kemenczei, T. 1998. Die Große Ungarische Tiefebene vor und während der skythischen Eroberung (10.—4. Jh. v. Chr.). *Schätze aus der Keltenezeit in Ungarn. Kunst im Karpatenbecken im 1. Jahrtausend vor Christus*. Eberdingen: Keltenmuseum Hochdorf/Enz, S. 39-50.
- Kemenczei, T. 2004. Bemerkungen zu den Fibeln der Skythenzeit. *Communicationes Archaeologicae Hungaricae*, S. 79-103.
- Kemenczei, T. 2009. *Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 410 S.
- Kimmig, W. 1983. Die griechische Kolonisation im westlichen Mittelmeergebiet und ihre Wirkung auf die Landschaften des westlichen Mitteleuropa. *Jahrbuch des RGZM*, 30, S. 5-78.
- Kmetová, P. 2014. *Deponovanie koní na pohrebiskách z doby halštatskej v priestore Panónskej panvy*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.
- Kneisel, J. 2012. *Anthropomorphe Gefäße in Nord- und Mitteleuropa während der Bronze- und Eisenzeit. Studien zu den Gesichtsurnen, Kontaktzonen, Chronologie und sozialer Kontext*. Bonn: Köthen GmbH.
- Krause, R. 2011. «Fürstensitze» — princely seats. Early celtic hillforts in Central Europe: status, hierarchy and diversity (6/5th century BC). В: Молодин, В. И., Хансен, С. (ред.). «Terra Scythica»: *Материалы международного симпозиума (17—23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай)*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, p. 130-148.
- Krapiec, M., Szychowska-Krapiec, E. 2013. Analiza dendrochronologiczna drewna z badań grodziska w Wicinie w latach 2008—2012. In: Jaszewska, A., Kalagate, S. (ed.). *Wicina. Badania archeologiczne w latach 2008—2012 oraz skarb przedmiotów pochodzących z Wiciny*. Zielona Góra: Fundacja Archeologiczna, p. 371-417.
- Križ, B. 1997. *Novo Mesto. Kapiteljska njiva*. Novo Mesto: Dolenjski Muzej.
- Kromer, K. 1980. Das Situlenfest. Versuch einer Interpretation der Darstellungen auf figural verzierten Situlen. *Zbornik posvećen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Situla*, 20—21, S. 225-240.
- Kromer, K. 1986. Das östliche Mitteleuropa in der frühen Eisenzeit (7.—5. Jh. v. Chr.) seine Beziehungen

zu Steppenvölkern und antiken Hochkulturen. *Jahrbuch des RGZM*, 33: 1, S. 3-93.

Krzysiak, A., Dzięgielewski, K., Garbaczklempka, A. 2017. Pierścień brązowego napierśnika z wczesnej epoki żelaza z miejscowości Dziechlino-Leśnice koło Lęborka. *Wiadomości Archeologiczne*, LXVIII, p. 257-265.

Kurz, S. 2006. Relative und absolute Chronologie der Heuneburg. *Frühe Zentralisierungs- und Urbanisierungsprozesse nördlich der Alpen. Kolloquium Bad Dürkheim April 2005: Chronologische Eckdaten zu den Zentralisierungs- und Urbanisierungsprozesse während der Späthallstatt- und Frühlatènezeit*, S. 1-20. Available at: <https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/44016>.

Ljuština, M., Ninčić, I. 2017. Scythian weapons and horse harness in the territory of Serbia. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), p. 245-254.

Lucke, W., Frey, O.-H. 1962. *Die Situla in Providence (Rhode Island). Ein Beitrag zur situlenkunst des Osthallstattkreises*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

Łuka, L. J. 1957—1959. Importy italskie i wschodnioalpejskie oraz ich naśladownictwa na obszarze kultury «dużyckiej» okresu halsztackiego w Polsce. *Slavia Antiqua*, VI, p. 1-99.

Mano-Zisi, D., Popović, L. J. 1969. *Novi Pazar, grčko-ilirski nalaz*. Beograd: Narodni Muzej.

Marović, I. 1976. L'elmo Greco-illirico. In: Suić, M. (ed.). *Jadranska obala u protohistoriji. Kulturni i etnički problemi*. Zagreb: Arheološki Institut, p. 287-300.

Merhart, G., von. 1969. *Hallstatt und Italien. Gesammelte Aufsätze zur frühen Eisenzeit in Italien und Mitteleuropa*. Bonn: Rudolf Habelt.

Mihovilić, K. 1995. Reichtum durch Handel in der Hallstattzeit Istriens. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 283-329.

Mirošayová, E. 2010. Influence of foreign environment on the cultural development of the Upper Tisza region in the Hallstatt period. In: Gediga, B., Piotrowski, B. (ed.). *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin; Wrocław: MAB, S. 175-186.

Moszyński, K. 1958. *Człowiek. Wstęp do etnografii powszechnej i etnologii*. Wrocław; Kraków; Warszawa: ZNiO.

Niculiță, I. 1996. Habitatul traco-getic de la Butuceni. *Thraco-Dacica*, XVII, p. 139-167.

Palavestra, A. 1987—1988a. The typological similarities of early Iron Age «Princely burials» of the Balkans and Central Europe. *Balkanica*, XVIII—XIX, p. 83-88.

Palavestra, A. 1987—1988b. The Iron Age amber trade in the Balkans. *Balkanica*, XVIII—XIX, p. 205-217.

Párducz, M. 1952. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, II, p. 143-172.

Párducz, M. 1954. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug II. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, IV, p. 25-91.

Párducz, M. 1955. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug III. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, VI, p. 1-22.

Párducz, M. 1960. Scythian mirrors in the Carpathian Basin. *Światowit*, XXIII, p. 523-544.

Párducz, M. 1971. Early scythian age Grave at Ártánd. *Inventaria Archaeologica Ungarn*, 3: U 19, p. 1-20.

Pare, F. E. Ch. 1989. Ein zweites Fürstengrab von Apremont «La Motte aux Fées» (Arr. Vesoul, Dép. Haute-Saône). Untersuchungen zur Späthallstattkultur im ostfranzösischen Raum. *Jahrbuch des RGZM*, 36, S. 411-472.

Parzinger, H. 1995. Ergebnisse. In: Parzinger, H., Nekvasil, J., Barth, F. E. *Die Býčí skála Höhle*. Mainz Rhein: Philipp von Zabern, S. 179-232.

Parzinger, H. 2006. *Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter*. München: C. H. Beck.

Parzinger, H. 2008. Die Reiternomaden der Eurasischen Steppe während der Skythenzeit. In: Menghin, W. (ed.). *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München; Berlin; London; New York: Prestel, S. 30-48.

Patek, E. 1993. *Westungarn in der Hallstattzeit*. Weinheim: VCH GmbH.

Pawlak, M. 2012. *Messapiowie. Południowa Apulia wobec hellenizacji i romanizacji*. Kraków: Historia Iagellonica.

Popović, L. B. 1975. *Arhajska grčka kultura na Srednjem Balkanu*. Beograd: Narodni Muzej.

Posta, B. 1914. A benei bronzhydria. *Dolgozatok az Erdélyi Nemzeti Múzeum Érem- és Régiségtárából*, V, p. 17-44.

Potrebica, H. 2008. Contacts between Greece and Pannonia in the early iron age with special concern to the area of Thessalonica. In: Biehl, P., Rassamakin, Y. (eds.). *Import and imitation in archeology. Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes*. Langenweißbach: Beier & Beran, 11, p. 187-212.

Preda, F. 1973. Procesul pătrunderii mărfurilor grecești și consecințele acestuia în Dacia extracarpatică. *Apulum*, XI, p. 37-66.

Reichenberger, A. 1994. «Herrenhöfe» der Urnenfelder- und Hallstattzeit. IIIрЖ Schauer, P. (ed.). *Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Kaukasus*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, S. 187-215.

Romsauer, P. 1991. The earliest wheel-turned pottery in the Carpathian Basin. *Antiquity* 65, p. 358-367.

Romsauer, P. 1999. Zur Frage der Westgrenze der Mezöcsát-Gruppe. In: Jerem, E., Poroszlai, I. (ed.). *Archaeology of the Bronze and Iron Age. Proceedings of the International Archaeological Conference Százhalombatta, 3.—7. October 1996*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, S. 167-176.

Schaaft, U. 1988. Zu den antiken Reparaturen den griechischen Schalen. *Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg*, 30: Das Kleinaspergle. Studien zu einem Fürstengrabhügel der frühen Latènezeit bei Stuttgart, S. 191-195.

Sherratt, A. 1993. What would a Bronze-Age world system look like? Relations between temperate Europe and the Mediterranean in later prehistory. *Journal of European Archaeology*, 1—2, p. 1-57.

Simon, G. 1992. Geții de la Dunărea de Jos și civilizația lor. *Probleme actuale ale istoriei naționale și universale*. Chișinău: Universitas, p. 18-46.

Smirnova, G. I. 1998. Die Ostkarpatenregion zur Vorskythen- und Skythenzeit und die osteuropäischen Steppen: Kontakte und Migrationen. In: Hänsel, B., Machnik, J. (eds.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München, Rahden Westf.: Marie Leidorf GmbH, S. 451-465.

Stibbe, C. M. 2004. Eine Bronzehydria mit menschlichen Protomen. *Bulletin du Musée Hongrois des Beaux-Arts*, 101, S. 31-55, 145-158.

- Sulimirski, T. 1936. *Scytowie na zachodnim Podolu*. Lwów: Lwowskie Towarzystwo Prehistoryczne.
- Szilágyi, J. Gy. 1951—1952. Zur Frage des etruskischen Handels nach dem Norden. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, I, S. 419-458.
- Szilágyi, J. Gy. 1965. Trouvailles grecques sur le territoire de la Hongrie. In: *Le Rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques. Congrès International d'Archeologie Classique (8th: 1963: Paris)*. Paris: E. de Boccard, p. 386-390.
- Szilágyi, J. Gy. 1966. Magyarország szkíta korának néhány kérdése. *Antik Tanulmányok*, 13, p. 102-107.
- Szilágyi, J. Gy. 1992. Transdanubien und Italien im 6.—5. Jh. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposiums von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 219-234.
- Teržan, B. 1995. Handel und soziale Oberschichten im früheisenzeitlichen Südosteuropa. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa; Kiel, S. 80-159.
- Teržan, B. 1998. Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes. In: Hänsel, B., Machnik, J. (eds.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München, Rahden Westf.: Marie Leidorf GmbH, S. 511-560.
- Teržan, B. 2008. Stična — Skizzen. In: Gabrovec, S., Teržan, B. *Stična II/2. Gomile starejše železne dobe. Razprave*. Ljubljana: Narodni Muzej Slovenije, S. 189-325.
- Trachsel, M. 2004. *Untersuchungen zur relative und absoluten Chronologie der Hallstattzeit*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 104.
- Trefný, M. 2011. Attická keramika jako významný doklad jižního importu v prostředí pozdně halštatských až časně laténských Čech. *Památky Archeologické*, CII, p. 271-306.
- Turk, P., Murgelj, I. 2008. Ponovno najdeni apulski kraterji iz Stične. In: Gabrovec, S., Teržan, B. *Stična II/2. Gomile starejše železne dobe. Razprave*. Ljubljana: Narodni Muzej Slovenije, p. 159-172.
- Vasić, R. 1987a. Kneževski grobovi iz Novog Pazara i Atenice. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 644-650.
- Vasić, R. 1987b. Devdelijska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 701-711.
- Vasić, R. 1995. Gütertausch und Fernbeziehungen im früheisenzeitlichen Serbien. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 349-362.
- Vasić, R. 2003. The North of Trebenishte. Pilatovići, Atenica and Novi Pazar. In: Stibbe, C. M. *Trebenishte. The fortunes of an unusual excavation*. Roma: L'Erma di Bretschneider, p. 111-134.
- Vasić, R. 2007. Knežnje Centralnog Balkana. *Scripta praehistorica in honorem Biba Teržan. Situla*, 44, p. 557-562.
- Vasiliev, V. 1980. *Sciții Agatirși pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Dacia.
- Vasiliev, V. 1995. *Fortificationes de refuge et établissements fortifiés du premier âge du fer en Transylvanie*. Bucarest: S. C. Caro Trading'94 S. R. L.
- Vejvoda, V., Mirnik, I. 1973. Halštatski kneževski grobovi iz Kaptola kod Slavonske Požege. *Arheološki Vestnik*, XXIV, p. 592-603.
- Vulpe, A. 1967. *Necropola hallstattană de la Ferigile*. București: Academia Republicii Socialiste României.
- Vulpe, A. 2004. Die Agathyrsen. Eine zusammenfassende Darstellung. In: Chochorowski, J. (ed.). *Kimmerowie Scytowie Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński. Księgarnia Akademicka, S. 473-482.
- Werner, W. M. 1988. *Eisenzeitliche Trensen an der unteren und mittleren Donau*. München: Beck. Prähistorische Bronzefunde, XVI: 4.
- Zbožil, A. 1959. Herodotova Skythie a sousedé. *Slovenská Archaeológia*, 7, p. 363-421.

REFERENCES

- Alekseyev, A. Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyy Ermitazh.
- Bandrivskiy, N. S. 2009. Novyye otkrytiya pamyatnikov iskusstva Severnogo Prichernomoria. In: Vakhtina, M. Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen. Iskusstvo na periferii Antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, p. 30-38.
- Blavatskiy, V. D. 1954. Rabstvo i ego istochniki v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomoria. *Sovetskaya arkhologiya*, XX, p. 31-56.
- Vakhtina, M. Yu. 1996. Grecheskaya raspisnaya keramika iz raskopok Nemirovskogo gorodishcha. *Arkheologiya*, 4, p. 85-93.
- Gaydukevich, V. F. 1969. O putyakh prokhozheniya drevnegrecheskikh korably v Ponte Evksinskom. *Kratkiye soobshcheniya IA AN SSSR*, 116, p. 11-19.
- Hanina, O. D. 1970. *Antychni bronzy z Pishchanoho*. Kyiv: Naukova dumka.
- Hanina, O. D. 1965. Poseleennia skifskoho chasu u seli Ivane-Puste. *Arkheolohiia*, XIX, p. 106-117.
- Hanina, O. D. 1984. Poseleennia rannoskifskoi doby poblyzu s. Zalissia. *Arkheolohiia*, 47, p. 68-79.
- Gerodot. 1999. *Istoriia v devyati tomakh*. Perevod i primechaniia G. A. Stratanovskogo. Moskva: Ladomir, AST.
- Ilinskaya, V. A., Mozolevskiy, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. Kurgany VI v. do n. e. u. s. Matusov. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, p. 31-63.
- Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravooberezhia (Kievo-Cherkasskiy region)*. Kiev: Naukova dumka.
- Kruglikova, I. T. 1984. Selskoye khozyaystvo i promysly. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Antichnyye gosudarstva Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka, s. 154-161.
- Kryzhitskiy, S. D., Rusyayeva, A. S., Krapivina, V. V., Leypunskaya, N. A., Skrzhinskaya, M. V., Anokhin, V. A. 1999. *Olviya. Antichnoye gosudarstvo v Severnom Prichernomor'ye*. Kiev: IA NANU.
- Kuznetsova, T. M. 2002. *Zerkala Skifi VI—III veka do n. e.* Moskva: Indrik.
- Mikulchi'Ĥ, I. 1964—1965. Arhajske nekropole juzhne Pelagonije. *Starinar*, XV—XVI, p. 209-226.
- Mozolevskiy, B. M. 1996. Problemy etnichnoi heohrafiĭ Skifiĭ. *Arkheolohiia*, 4, p. 51-66.
- Mozolevskiy, B. M. 2005. *Etnichna heohrafiia Skifiĭ*. Kyiv: Korvyn Press.
- Molodin, V. I. 2010. Ekologicheskiy «stress» na rubezhe II—I tys. do n. e. i ego vliyanie na etnokulturnyye i sotsialno-ekonomicheskiye protsessy u narodov Zapadnoy Sibiri. In: Chernaya, M. P. (ed.). *Kultura kak sistema v istoricheskom kontekste. Opyt Zapadno-sibirskikh arkhologo-etnograficheskikh soveshchaniy*. Tomsk: Agraf-Press, p. 22-24.
- Onayko, N. A. 1966. *Antichnyy import v Pridneprov'ye i Pobuzhye v VII—VI vv. do n. e.* Moskva: Nauka. *Arkheologiya SSSR. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov*, D 1—27.

- Otreshko, V. M. 1994. Pro osnovi ekonomiki Berezanskogo poselennya. *Arkheologiya*, 2, p. 112-122.
- Partsinger, G. 2017. Elitnyy skifskiy kurgan Arzhan-2 v Tuve: itogi izucheniya. In: Chuguyev, K. V. Partsinger, G. Nagler, A. *Tsaraskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve*. Novosibirsk: IAEt SO RAN, p. 302-326.
- Polin, S. V. 1987. Khronolohiia rannoskifskiykh pam'iatok. *Arkheolohiia*, 59, s. 17-36.
- Polosmak, N. V. 1994. «*Steregushchie zoloto grify*» (ak-ala-khinskie kurgany). Novosibirsk: Nauka.
- Polosmak, N. V. 2001. *Vsadniki Ukoka*. Novosibirsk: Info-lia-Press.
- Popovich, I. 2006. *Zakarpattia za doby rannoho zaliza*. Kraków; Lwów: Uniwersytet Jagielloński.
- Popović, J. B. 1994. *Antichka grchka zbirka*. Beograd: Narodni Muzej Beograd.
- Rybakov, B. A. 1994. *Gerodotova Skifia. Istoriko-geograficheskii analiz*. Moskva: Nauka.
- Skoryi, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (problema vydeleniia iranskogo etnokulturnogo elementa)*. Kiev: IANANU
- Skudnova, V. M. 1988. *Arkhaicheskii nekropol Olvii*. Leningrad: Iskusstvo.
- Smirnova, G. I. 1979. Kurgany u sela Perebykovtsy — novyi mogilnik skifskoi arkhaiiki na srednem Dnestre. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, XX, s. 37-67.
- Smirnova, G. I. 1986. Skifskoye poseleniye u s. Dolinyany (raskop «u toka»). In: Smirnova, G. I. (ed.). *Drevniye pamyatniki kultur na territorii SSSR*. Leningrad: RGE, p. 137-140.
- Smirnova, G. I. 1993. Vremya poyavleniya skifov v Karpatskom regione. *Actes du XIIe Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques*. Bratislava. 1—7 Septembre 1991, 3, p. 198-203.
- Smirnova, G. I. 1998. O rabotakh na ranneskifskom poselenii u s. Dolinyany v 1985 i 1987 gg. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 33, p. 33-48.
- Smirnova, G. I. 1999. Eshche raz o seroy kruzhalnoy keramike iz ranneskifskikh pamyatnikov Srednego Podnestrovia. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 34, p. 44-57.
- Strabon. 1964. *Geografiya v 17 knigakh*. Perevod, statia i kommentari G. A. Stratanovskogo. Moskva: Nauka.
- Fukidid. 1981. *Istoriia*. Perevod i primechaniia G. A. Stratanovskogo. Leningrad: Nauka.
- Khokhorovski, Ya. 2011. Ekologicheskii «stress» v Zapadnoy Sibiri i kulturnyy «shok» v Karpatskoy Kotlovine v kontse bronzovogo veka. In: Molodin, V. I. Khansen, S. (eds.). «*Terra Scythica*». *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma (17—23 avgusta 2011 g. Denisova peshchera. Gornyy Altay)*. Novosibirsk: IAEt SO RAN, p. 319-336.
- Khokhorovski, Ya. 2017. Kavkaz i Karpatskiy basseyn v rannem zheleznom veke (problema proiskhozhdeniya signov). *Arkheologiya i davnaya istoriya Ukrainy*, 2 (23), p. 228-244.
- Apollonios Rhodios. 1940. *Die Argonauten*. Verdeutschung von Thassilo von Scheffer. Leipzig.
- Ascherson, N. 2002. *Morze Czarne*. Poznań: Zysk i S-ka.
- Bakhuizen, S. C. 1986. Between Ilyrians and Greeks: the cities of Epidamnos and Apollonia. *Iliria*, 1, p. 165-177.
- Batović, Š. 1976. Le relazioni culturali tra le sponde adriatiche nell'eta del ferro. In: Suić, M. (ed.). *Jadranska obala u protohistoriji. Kulturni i etnički problemi*. Zagreb: Arheološki Institut, p. 11-93.
- Batović, Š. 1987. Liburnska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Prastorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 339-390.
- Beck, C. W., Dušek, M. 1969. Die Hernkunft des Bernsteins vom thrakischen Gräberfeld von Chotín. *Slovenská Archeológia*, XVII, p. 247-258.
- Benac, A., Čović, B. 1957. *Glasiac. II: Eisenzeit*. Sarajevo: Landesmuseum.
- Boom, H. van den, Pape, J. 2000. Die massaliotischen Amphoren. *Römisch-Germanischen Forschungen*, 59: Importe und mediterrane Einflüsse auf der Heuneburg. Heuneburgstudien, S. 43-70.
- Boardman, J. 1981. *Kolonien und Handel der Griechen. Vom späten 9. bis zum 6. Jahrhundert v. Chr.* München: C. H. Beck.
- Bouloumié, B. 1982. Remarques sur la diffusion d'objets grecs et Etrusques en Europe Centrale et Nord-Occidentale. *Savaria. A vas Megyei Múzeumok Értésítője*, 16, p. 181-192.
- Bouzek, J. 1982. Antike importe im Gebiet der heutigen Tschechoslowakei. *Savaria. A vas Megyei Múzeumok Értésítője*, 16, S. 193-201.
- Bouzek, J. 1992. Die Etrusker und Böhmen. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposiums von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 361-369.
- Bouzek, J. 2007. Jaký byl doopravdy obchod v pravěku? *Studia Archeologiczne*, XL, p. 19-32.
- Böhr, E. 1988. Die griechische Schalen. *Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg*, 30: Das Kleinaspergle. Studien zu einem Fürstengrabbügel der frühen Latènezeit bei Stuttgart, S. 176-190.
- Böhr, E., Shefton, B. 2000. Die griechische Keramik der Heuneburg. *Römisch-Germanischen Forschungen*, 59: Importe und mediterrane Einflüsse auf der Heuneburg. Heuneburgstudien, XI, S. 1-42.
- Bravo, B., Wipszycka, E. 1988. *Historia starożytnych Greków. Do końca wojen perskich*. Warszawa: PWN, I.
- Bugaj, E., 2010. Wczesnogreckie przedstawienia figuralne i ich oddziaływanie w kręgu kultury halsztackiej. In: Gediga, B., Piotrowski, W. (ed.). *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin; Wrocław: MAB, p. 99-125.
- Bukowski, Z. 1977. *The scythian influence in the area of lusatian culture*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- Chochorowski, J. 1978. Ze studiów nad okresem halsztackim na ziemiach polskich. *Archeologia Polski*, XXIII, p. 355-375.
- Chochorowski, J. 1984. Die Vekezug-Kultur — Fragen ihrer Genese und Chronologie. *Acta Archaeologica Carpathica*, XXIII, S. 99-161.
- Chochorowski, J. 1985. *Die Vekezug-Kultur. Charakteristik der Funde*. Warszawa; Kraków: PWN.
- Chochorowski, J. 1985a. Die Rolle der Vekezug-Kultur im Rahmen der skythischen Einflüsse in Mitteleuropa. *Praehistorische Zeitschrift*, 60: 2, S. 204-271.
- Chochorowski, J. 1987. Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *Przegląd Archeologiczny*, 34, p. 161-218.
- Chochorowski, J. 1987a. Zur Bestimmung des Siedlungsraumes und der Ursprungs von Gathyrser. *Acta Archaeologica Carpathica*, XXVI, S. 139-173.
- Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Chochorowski, J. 1996. Problem recepty elementów kultury antycznej (greckiej) w Kotlinie Karpackiej w VI w. p. n. e. Na marginesie dyskusji o genezie tzw. szarej ceramiki toczzonej. In: Chochorowski, J. (ed.). *Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświęcona Markowi Gedłowi*. Kraków: Oficyna Cracovia, p. 115-147.
- Chochorowski, J. 1998. Die Vekezug-Kultur und ihre östlichen Beziehungen. In: Hänsel, B., Machnik, J. (ed.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München, Rahden Westf: Marie Leidorf GmbH, S. 473-491.
- Chochorowski, J. 2009. «Halsztatyzacja» wschodniej części Kotliny Karpackiej. In: Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K. (ed.). *Tarnobrzaska kultura łużycka — źródła i interpretacje*. Rzeszów: Mitel, p. 89-118.
- Chochorowski, J. 2013. Scytyjskie znaleziska w jaskini Byćci skála. In: Kolenda, J. (ed.). *Z badań nad kulturą społeczeństw pradziejowych i wczesnośredniowiecznych. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Bogusławowi Gedłowi w osiemdziesiątą rocznicę urodzin przez przyjaciół, kolegów i uczniów*. Wrocław: IAE PAN, p. 125-148.
- Chochorowski, J. 2014. Scytowie a Europa Środkowa — historyczna interpretacja archeologicznej rzeczywistości. *Materialy i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, XXXV, p. 9-58.
- Chochorowski, J. 2015. Późnobrązowe osiedla obronne w północno-wschodniej części Kotliny Karpackiej — główne

- problemy badań. In: Garnarski, J. (ed.). *Pradziejowe osady obronne w Karpatach*. Krosno: Muzeum Podkarpackie w Krośnie, p. 245-272.
- Chvojka, O., Hrubý, P. 2007. Höhenfundstellen der Bronze- und Hallstattzeit in Südböhmen und ihre Anknüpfung zum internationalen Handelsaustausch. *Studia Archeologiczne*, XL: Long Distance Trade in the Bronze Age and Early Iron Age, S. 71-88.
- Czopek, S. 1993. Die älteste Drehscheibenkeramik aus Südpolen. *Bericht der RGK*, 74, S. 487-502.
- Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K., Tokarczyk, T., Ocadryga-Tokarczyk, E., Burghard, M., Adamik-Proksa, J., Rajpold, W. 2017. Pierwsze sprawozdanie z weryfikacyjnych badań na grodzisku z wczesnej epoki żelaza w Chotyńcu. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, XXXVIII, p. 291-306.
- Čović, B. 1987. Grupa Donja Dolina — Sanski Most. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezna doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 232-286.
- Dehn, W. 1980. Einige Bemerkungen zu hallstattzeitlichen Trensen Sloweniens. *Zbornik posvečen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Situla*, 20: 21, S. 325-332.
- Djuknić, M., Jovanović, B. 1966. *Illyrian princely necropolis at Atenica*. Čačak: The national Museum Čačak.
- Drechsler-Bižić, R. 1987. Japodska grupa. Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezna doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 391-441.
- Dular, J. 2007. Pferdegriber und Pferdebestattungen in der hallstattzeitlichen Dolenjsko-Gruppe. *Scripta praehistorica in honorem Biba Teržan. Situla*, 44, S. 737-752.
- Dušek, S. 1979. Mineralogisch-archäologische Untersuchungen zur hallstattzeitlichen Drehscheibenkeramik der Südwestslowakei. *Slovenská Archeológia*, XXVII, S. 125-138.
- Dzięgielewska, K. 2017. Late Bronze and Early Iron Age communities in the northern part of the Polish Lowland (1000—500 BC). In: Urbańczyk, P. (ed.). *The Past Societies. Polish lands from the first evidence of Human Presence to the early middle ages*. Warszawa: IAE PAN, p. 296-340.
- Egg, M. 1980. Zum Helmfragment von Magdalenska gora. *Zbornik posvečen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Situla*, 20: 2, S. 241-249.
- Egg, M. 1996. Zu den Fürstengravern im Osthallstattkreis. In: Jerem, E., Lippert, A. (eds.). *Die Osthallstattkultur. Acten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10.—14. Mai 1994*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, p. 53-86.
- Eggert, M. K. H. 2011. *Retrospektive: Archäologie in kulturwissenschaftlicher Sicht. Die «Fürstensitze» der Späthallstattzeit*. Münster: New York; München; Berlin: Waxmann.
- Ettel, P. 2017. Höhensiedlungen der Spätbronze- und älteren Eisenzeit an der Saale bei Jena und in Mitteldeutschland. In: Beljak-Pažinová, N., Borzová, Z. (eds.). *Sedem decénii Petra Romsauera*. Nitra: UKF, S. 61-78. *Studia Historica Nitrensia*, 21: Supplementum.
- Fekete, M. 1982. Angaben zu Kontakten zwischen Italien und Transdanubien. *Savaria. A Vas Megyei Muzeumok Értésítője*, 16, S. 129-144.
- Fettich, N. 1928. *A Zöldhalompusztai szkíta lelet*. Budapest: Franklin-Társulat Nyomdája.
- Fettich, N. 1934. *A Garcsinóví szkíta lelet*. Budapest: Magyar Történeti Múzeum.
- Gabrovec, S. 1966. Zur Hallstattzeit in Slowenien. *Germania*, 44: 1, S. 1-48.
- Gabrovec, S. 1987. Dolenjska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezna doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 29-119.
- Gabrovec, S. 1992. Etruskischer Niederschlag in Slowenien. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposiums von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 219-234.
- Gabrovec, S., Čović, B. 1987. Zaključna razmatranja. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezna doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 901-928.
- Gabrovec, S., Mihovilić, K. 1987. Istarska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezna doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 293-338.
- Gedl, M. 2001. *Die Bronzegefäße in Polen*. Stuttgart: Franz Steiner. *Prähistorische Bronzefunde*, II: 15.
- Guštin, M. 1979. *Notranjska. K začetkom železne dobe na Severnem Jardu. Ljubljana: Narodni Muzej v Ljubljani*.
- Gyulai, F. 1996. Umwelt und Pflanzenbau in Transdanubien während der Urnenfelder-, Hallstatt- und Latènekultur. In: Jerem, E., Lippert, A. (eds.). *Die Osthallstattkultur Acten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10.—14. Mai 1994*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, S. 127-136.
- Hansen, S. 1995. Aspekte des Gabentauschs und Handels während der Urnenfelderzeit in Mittel- und Nordeuropa im Lichte der Fundüberlieferung. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München: Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 67-80.
- Harmatta, J. 1968. Früheisenzeitliche Beziehungen zwischen dem Karpatenbecken, Oberitalien und Griechenland. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XX, S. 153-157.
- Hartog, F. 2009. *The Mirror of Herodotus. The Representation of the Other in the Writing of History*. Berkeley: University of California.
- Hase, F.-W., von. 1969. *Die Trensen der Früheisenzeit in Italien*. München: C. H. Beck. *Prähistorische Bronzefunde*, XVI: 1.
- Hase, F.-W., von. 1989. Etrurien und das Gebiet nordwärts der Alpen in der ausgehenden Urnenfelder- und frühen Hallstattzeit. *Secondo Congresso Internazionale Etrusco. Firenze 26 Maggio — 2 Giugno 1985*, II, S. 1031-1061.
- Hase, F.-W., von. 1992. Etrurien und Mitteleuropa — zur Bedeutung der ersten italisch-etruskischen Funde der späten Urnenfelder- und frühen Hallstattzeit in Zentraleuropa. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposiums von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 235-266.
- Jasnosz, S., Jażdżewski, K., Pieczyński, Z., Poklewski, T., Szafranski, W., Zabkiewicz-Koszańska, H. A. 1959. Age du bronze et periode de Hallstatt. *Inventaria Archaeologica, Pologne*, III, p. 17-24.
- Jerem, E. 1996. Zum Forschungsstand der Osthallstattkultur. In: Jerem, E., Lippert, A. (eds.). *Die Osthallstattkultur. Acten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10.—14. Mai 1994*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, S. 11-28.
- Kapuściński, R. 2004. *Podróże z Herodotem*. Kraków: Znak.
- Kemenczei, T. 1988. Zu den Beziehungen zwischen dem Ungarischen Donau-Theißraum und dem NW-Balkan in der Früheisenzeit. *Folia Archaeologica*, XXXIX, S. 93-113.
- Kemenczei, T. 1998. Die Große Ungarische Tiefebene vor und während der skythischen Eroberung (10.—4. Jh. v. Chr.). *Schätze aus der Keltenzeit in Ungarn. Kunst im Karpatenbecken im 1. Jahrtausend vor Christus*. Eberdingen: Keltenmuseum Hochdorf / Enz, S. 39-50.
- Kemenczei, T. 2004. Bemerkungen zu den Fibeln der Skythenzeit. *Communicationes Archaeologicae Hungaricae*, S. 79-103.
- Kemenczei, T. 2009. *Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 410 S.
- Kimmig, W. 1983. Die griechische Kolonisation im westlichen Mittelmeergebiet und ihre Wirkung auf die Landschaften des westlichen Mitteleuropa. *Jahrbuch des RGZM*, 30, S. 5-78.
- Kmetová, P. 2014. *Deponovanie koní na pohrebiskách z doby halštatskej v priestore Panónskej panvy*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.
- Kneisel, J. 2012. *Anthropomorphe Gefäße in Nord- und Mitteleuropa während der Bronze- und Eisenzeit. Studien zu den Gesichturnen, Kontaktzonen, Chronologie und sozialer Kontext*. Bonn: Köthen GmbH.
- Krause, R. 2011. «Fürstensitze» — princely seats. Early celtic hillforts in Central Europe: status, hierarchy and diversity (6/5th century BC). In: Molodin, V. I., Khansen, S. (eds.). *«Terra Scythica»: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma (17—23 avgusta 2011 g., Denisova peshchera, Gornyi Altai)*. Novosibirsk: IAET SO RAN, p. 130-148.
- Krapiec, M., Szychowska-Krapiec, E. 2013. Analiza dendrochronologiczna drewna z badań grodziska w Wicini w latach 2008—2012. In: Jaszewska, A., Kałagate, S. (ed.). *Wicini*

- ina. *Badania archeologiczne w latach 2008—2012 oraz skarb przedmiotów pochodzących z Wiciny*. Zielona Góra: Fundacja Archeologiczna, p. 371-417.
- Križ, B. 1997. *Novo Mesto. Kapitelska njiva*. Novo Mesto: Dolenjski Muzej.
- Kromer, K. 1980. Das Situlenfest. Versuch einer Interpretation der Darstellungen auf figural verzierten Situlen. *Zbornik posvečen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Situla*, 20—21, S. 225-240.
- Kromer, K. 1986. Das östliche Mitteleuropa in der frühen Eisenzeit (7.—5. Jh. v. Chr.) seine Beziehungen zu Steppenvölkern und antiken Hochkulturen. *Jahrbuch des RGZM*, 33: 1, S. 3-93.
- Krzysiak, A., Dziegielewska, K., Garbacz-Klempka, A. 2017. Pierścień brązowego napierśnika z wczesnej epoki żelaza z miejscowości Dziecholino-Leśnice koło Łęborga. *Wiadomości Archeologiczne*, LXVIII, p. 257-265.
- Kurz, S. 2006. Relative and absolute Chronologie der Heuneburg. *Frühe Zentralisierungs- und Urbanisierungsprozesse nördlich der Alpen. Kolloquium Bad Dürkheim April 2005: Chronologische Eckdaten zu den Zentralisierungs- und Urbanisierungsprozesse während der Späthallstatt- und Frühlatènezeit*, S. 1-20. Available at: <https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/44016>.
- Ljuština, M., Ninčić, I. 2017. Scythian weapons and horse harness in the territory of Serbia. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), p. 245-254.
- Lucke, W., Frey, O.-H. 1962. *Die Situla in Providence (Rhode Island). Ein Beitrag zur situlenkunst des Osthallstattkreises*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
- Luka, L. J. 1957—1959. Importy italskie i wschodnio-alpejskie oraz ich naśladownictwa na obszarze kultury «dużyckiej» okresu halsztackiego w Polsce. *Slavia Antiqua*, VI, p. 1-99.
- Mano-Zisi, D., Popović, L. J. 1969. *Novi Pazar, grčko-ilirski nalaz*. Beograd: Narodni Muzej.
- Marović, I. 1976. L'elmo Greco-illirico. In: Suić, M. (ed.). *Jadranska obala u protohistoriji. Kulturni i etnički problemi*. Zagreb: Arheološki Institut, p. 287-300.
- Merhart, G., von. 1969. *Hallstatt und Italien. Gesammelte Aufsätze zur frühen Eisenzeit in Italien und Mitteleuropa*. Bonn: Rudolf Habelt.
- Mihovilić, K. 1995. Reichtum durch Handel in der Hallstattzeit Istriens. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im Bronze- und Frühisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 283-329.
- Mirošayová, E. 2010. Influence of foreign environment on the cultural development of the Upper Tisza region in the Hallstatt period. In: Gediga, B., Piotrowski, B. (ed.). *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin; Wrocław: MAB, S. 175-186.
- Moszyński, K. 1958. *Człowiek. Wstęp do etnografii powszechnej i etnologii*. Wrocław; Kraków; Warszawa: ZNiO.
- Niculită, I. 1996. Habitatul traco-getic de la Butuceni. *Thraco-Dacica*, XVII, p. 139-167.
- Palavestra, A. 1987—1988a. The typological similarities of early Iron Age «Princely burials» of the Balkans and Central Europe. *Balkanica*, XVIII—XIX, p. 83-88.
- Palavestra, A. 1987—1988b. The Iron Age amber trade in the Balkans. *Balkanica*, XVIII—XIX, p. 205-217.
- Párducz, M. 1952. Le cimetièr hallstattien de Szentes-Vekerzug. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, II, p. 143-172.
- Párducz, M. 1954. Le cimetièr hallstattien de Szentes-Vekerzug II. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, IV, p. 25-91.
- Párducz, M. 1955. Le cimetièr hallstattien de Szentes-Vekerzug III. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, VI, p. 1-22.
- Párducz, M. 1960. Scythian mirrors in the Carpathian Basin. *Światowit*, XXIII, p. 523-544.
- Párducz, M. 1971. Early scythian age Grave at Ártánd. *Inventaria Archaeologica Ungarn*, 3: U 19, p. 1-20.
- Pare, F. E. Ch. 1989. Ein zweites Fürstengrab von Apremont «La Motte aux Fées» (Arr. Vesoul, Dép. Haute-Saône). Untersuchungen zur Späthallstattkultur im ostfranzösischen Raum. *Jahrbuch des RGZM*, 36, S. 411-472.
- Parzinger, H. 1995. Ergebnisse. In: Parzinger, H., Nekvasil, J., Barth, F. E. *Die Býčí skála Höhle*. Mainz Rhein: Philipp von Zabern, S. 179-232.
- Parzinger, H. 2006. *Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter*. München: C. H. Beck.
- Parzinger, H. 2008. Die Reiternomaden der Eurasischen Steppe während der Skythenzeit. In: Menghin, W. (ed.). *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München; Berlin; London; New York: Prestel, S. 30-48.
- Patek, E. 1993. *Westungarn in der Hallstattzeit*. Weinheim: VCH GmbH.
- Pawlak, M. 2012. *Messapiowie. Południowa Apulia wobec hellenizacji i romanizacji*. Kraków: Historia Iagellonica.
- Popović, L. B. 1975. *Arhajska grčka kultura na Srednjem Balkanu*. Beograd: Narodni Muzej.
- Posta, B. 1914. A benei bronzhydria. *Dolgozatok az Erdélyi Nemzeti Múzeum Érem- és Régiségtárából*, V, p. 17-44.
- Potrebica, H. 2008. Contacts between Greece and Pannonia in the early iron age with special concern to the area of Thessalonica. In: Biehl, P., Rassamakin, Y. (eds.). *Import and imitation in archeology. Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes*. Langenweißbach: Beier & Beran, 11, p. 187-212.
- Preda, F. 1973. Procesul pătrunderii mărfurilor grecești și consecințele acestuia în Dacia extracarpatică. *Apulum*, XI, p. 37-66.
- Reichenberger, A. 1994. «Herrenhöfe» der Urnenfelder- und Hallstattzeit. III. Schauer, P. (ed.). *Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Kaukasus*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, S. 187-215.
- Romsauer, P. 1991. The earliest wheel-turned pottery in the Carpathian Basin. *Antiquity* 65, p. 358-367.
- Romsauer, P. 1999. Zur Frage der Westgrenze der Mezöcsát-Gruppe. In: Jerem, E., Poroszlai, I. (ed.). *Archaeology of the Bronze and Iron Age. Proceedings of the International Archaeological Conference Százhalombatta, 3.—7. October 1996*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, S. 167-176.
- Schaaft, U. 1988. Zu den antiken Reparaturen den griechischen Schalen. *Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg*, 30: Das Kleinaspergle. Studien zu einem Fürstengrabhügel der frühen Latènezeit bei Stuttgart, S. 191-195.
- Sherratt, A. 1993. What would a Bronze-Age world system look like? Relations between temperate Europe and the Mediterranean in later prehistory. *Journal of European Archaeology*, 1—2, p. 1-57.
- Simon, G. 1992. Geții de la Dunărea de Jos și civilizația lor. *Probleme actuale ale istoriei naționale și universale*. Chișinău: Universitas, p. 18-46.
- Smirnova, G. I. 1998. Die Ostkarpatenregion zur Vorkythen- und Skythenzeit und die osteuropäischen Steppen: Kontakte und Migrationen. In: Hänsel, B., Machnik, J. (eds.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München, Rahden Westf.: Marie Leidorf GmbH, S. 451-465.
- Stibbe, C. M. 2004. Eine Bronzehydria mit menschlichen Protomen. *Bulletin du Musée Hongrois des Beaux-Arts*, 101, S. 31-55, 145-158.
- Sulimirski, T. 1936. *Scytowie na zachodnim Podolu*. Lwów: Lwowskie Towarzystwo Prehistoryczne.
- Szilágyi, J. Gy. 1951—1952. Zur Frage des etruskischen Handels nach dem Norden. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, I, S. 419-458.
- Szilágyi, J. Gy. 1965. Trouvailles grecques sur le territoire de la Hongrie. In: *Le Rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques. Congrès International d'Archeologie Classique (8^e: 1963: Paris)*. Paris: E. de Boccard, p. 386-390.
- Szilágyi, J. Gy. 1966. Magyarország szkíta korának néhány kérdése. *Antik Tanulmányok*, 13, p. 102-107.
- Szilágyi, J. Gy. 1992. Transdanubien und Italien im 6.—5. Jh. In: Aigner-Foresti, L. (ed.). *Etrusker nördlich von Etrurien. Etruskische Präsenz in Norditalien und nördlich der Alpen sowie ihre Einflüsse auf die einheimischen Kulturen. Akten des Symposions von Wien — Schloß Neuwaldegg. 2.—5. Oktober 1989*. Wien: ÖAW, S. 219-234.
- Teržan, B. 1995. Handel und soziale Oberschichten im früheisenzeitlichen Südosteuropa. In: Hänsel, B. (ed.). *Han-*

del, *Tausch und Verkeer im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa; Kiel, S. 80-159.

Teržan, B. 1998. Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes. In: Hänsel, B., Machnik, J. (eds.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München, Rahden Westf.: Marie Leidorf GmbH, S. 511-560.

Teržan, B. 2008. Stična — Skizzen. In: Gabrovec, S., Teržan, B. *Stična II/2. Gomile starejše železne dobe. Razprave*. Ljubljana: Narodni Muzej Slovenije, S. 189-325.

Trachsel, M. 2004. *Untersuchungen zur relative und absoluten Chronologie der Hallstattzeit*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 104.

Trefný, M. 2011. Attická keramika jako významný doklad jižního importu v prostředí pozdně halštatských až časně laténských Čech. *Památky Archeologické*, CII, p. 271-306.

Turk, P., Murgelj, I. 2008. Ponovno najdeni apulski kraterji iz Stične. In: Gabrovec, S., Teržan, B. *Stična II/2. Gomile starejše železne dobe. Razprave*. Ljubljana: Narodni Muzej Slovenije, p. 159-172.

Vasić, R. 1987a. Kneževski grobovi iz Novog Pazara i Ateniце. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 644-650.

Vasić, R. 1987b. Devdelijska grupa. In: Benac, A. (ed.). *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba*. Sarajevo: ANUBiH, p. 701-711.

Vasić, R. 1995. Gütertausch und Fernbeziehungen im früheisenzeitlichen Serbien. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkeer im Bronze- und Früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 349-362.

Vasić, R. 2003. The North of Trebenishte. Pilatovići, Ateniца and Novi Pazar. In: Stibbe, C. M. *Trebenishte. The fortunes of an unusual excavation*. Roma: L'Erma di Bretschneider, p. 111-134.

Vasić, R. 2007. Kneginje Centralnog Balkana. *Scripta praehistorica in honorem Biba Teržan. Situla*, 44, p. 557-562.

Vasiliev, V. 1980. *Sciții Agatirși pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Dacia.

Vasiliev, V. 1995. *Fortificationes de refuge et établissements fortifiés du premier âge du fer en Transylvanie*. Bucarest: S. C. Caro Trading'94 S. R. L.

Vejvoda, V., Mirnik, I. 1973. Halštatski kneževski grobovi iz Kaptola kod Slavonske Požege. *Arheološki Vestnik*, XXIV, p. 592-603.

Vulpe, A. 1967. *Necropola hallstattiană de la Ferigile*. București: Academia Republicii Socialiste Româna.

Vulpe, A. 2004. Die Agathyrsen. Eine zusammenfassende Darstellung. In: Chochorowski, J. (ed.). *Kimmerowie Scytowie Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimierskiego*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński. Księgarnia Akademicka, S. 473-482.

Werner, W. M. 1988. *Eisenzeitliche Trensen an der unteren und mittleren Donau*. München: Beck. Prähistorische Bronzefunde, XVI: 4.

Zbožil, A. 1959. Herodotova Skythie a sousedé. *Slovenská Archaeológia*, 7, p. 363-421.

provides an archaeological background for the rather enigmatic — but certainly existing — knowledge about this territory, reflected by Herodotus' (II: 33) passages about the city of «Pyrene» and the «Ister» River «which has its source amongst the Celts near Pyrene». Obviously, the assessment of the relationships is based not on the presence of the amphorae themselves, but their contents: wine and olive oil. It is their consumption that can possibly hint at a cultural connection, which from the «barbaric» side takes the form of a fascination with «Mediterranean luxury». This desire to include the Mediterranean lifestyle into the subculture of Hallstatt (early Celtic) elites is well-illustrated by the presence of luxury tableware and spectacular bronze vessels (e. g. the Vix crater or the Hochdorf cauldron), which formed libation services in tombs of Hallstatt «princes».

With regard to the Podolia region, trade contacts established as early as the second half of the 7th century BC and evidenced by the inflow of amphorae and Greek tableware apparently find no reflection in knowledge about these territories and their inhabitants as presented in «The Histories». True, Herodotus (IV: 48) is well-familiar with the rivers flowing outside the Carpathian Arc through the Moldavia Upland and emptying into the Black Sea or the Danube, as well as those crossing the Walachia Plain, but his knowledge seems not to extend as far as the Greek (from Olbia?) «imports» to Podolia. This is intriguing given that the author of «The Histories» had personal experience of the Pontic reality, thanks among others to his stay in Olbia and a four-day trip up the Boh (*Hypanis*) River into Scythia. The strength of cultural interactions between the milieu of Pontic Greeks and the people from western Podolia in the second half of the 7th and the first half of the 6th centuries BC also seems to be emphasised by the relatively wide reception of the technique of wheel throwing and the production of so-called grey tableware. However, it is not insignificant here that this sphere of economic activity, which was utilitarian in its nature and linked with everyday life, had no significant impact on the quality of life in a broader social dimension and did not affect prestige behaviours and the status of elites.

The connections between the Mediterranean civilisation and communities from the Great Hungarian Plain in the 7th—6th centuries BC draw a completely different picture. Imports of exclusive Greek and Etruscan goods is a rare phenomenon here, while the knowledge that the Greeks from the Pontic area had gathered until the times of Herodotus (V: 9) is focused on only one ethnic group — the *Sigyinae*. This knowledge abounds in ethnographic details and it presents a synthetic picture of this people, including the awareness of its foreign origin in the local milieu. Apparently, the «exoticness» of cultural behaviours, the importance of civilizational achievements (for instance, the breeding of fast and durable horses), and the separate identity in the local milieu were precisely the reasons which won them particular status and renown. Undoubtedly, contacts maintained by the people from Alföld with Greek colonies on the north-western shores of the Black Sea, Olbia and its vicinity in particular, must have also been important in this respect. These contacts made the residents of Olbia aware of a certain «exoticness» of cultural behaviours of the *Syginnae* and their «Median» (in fact Caucasian) origin, and it was most likely they who shared this knowledge with Herodotus. The answer to the question of why these contacts had been established and maintained should perhaps be sought

Ja. Chochorowski

AT THE FAR FRINGES OF THE ANTIQUE WORLD — THE HYPERBOREANS OF CENTRAL EUROPE

Comparing the northern boundary of the distribution of Greek and Italian imports from the 7th—6th centuries with the state of knowledge about Central European «barbarian» territories encapsulated in the antique tradition and conveyed primarily by Herodotus allows for an insight into the relationships between these two worlds. The appearance of Greek pottery (amphorae) in Heuneburg on the upper Danube in the 6th century BC

in the cultural mentality of the nomadic elites, whose presence is strongly marked in the social structure of the Vekerzug culture, especially in the early period (late 7th — first half of the 6th century BC). This also applies to the archetype — strongly manifested in symbolic behaviours — of a warrior, first of all the archer (burials with quivers or arrow sets), and clearly legible manifestations of the important role, utilitarian and symbolic, of the horse (individual burials of horses, horse bits in grave inventories). The context of these relationships is the inclination — inscribed in the strategy of social behaviours — of nomadic elites (whose power relied on units of mounted warriors) to undertake military expeditions, including looting raids oriented on economic gains. One example of this are the «Scythian invasions», military incursions by groups using Scythian-type weapons which affected some territories in north-west Central Europe (from Transdanubia, to the Moravian Gate, to Lower Lusatia). The result was, among other things, the destruction of fortified settlements which served as economic-political centres for local communities, and even the depopulation of certain areas. In the reality of Central Europe these raids could have generally brought only one spoil of significant importance in the «barbarian» trade with the Greeks: slaves. For nomadic elites functioning in the ethnic milieu of the Alföld, the participation in trade with the Greeks was an important factor in constructing their social and economic position (by the acquisition of prestigious attributes of wealth, e. g. gold plaques decorating their bow-and-quiver cases). Material requisites of the aristocratic subculture, such as exclusive objects of Scythian, Greek, or Hallstatt origin (Ártánd, Békéscsaba, Mezőkeresztes-Zöldhalompuszta, Tápíószentmárton, Witaszkowo), also provided an opportunity for manifesting cultural identity, which referred primarily to Scythian traditions.

An important element in the knowledge that the Greeks had about the European interior in Herodotus' times is his mention (IV: 33) concerning legendary *Hyperboreans* (people from «beyond the North Wind»): anonymous communities believed to have dwelled in the northernmost reaches of the world known to the Greeks, who offered, by the intermediary of the «Scythians», their sacred gifts to Apollo's oracle on the island of Delos. The «Scythians» from the Delian account were communities with a Scythoidal model of culture (including the typical Scythian costume) from the Hungarian Plain, and the Hyperboreans were probably a settled people, agriculturalists («*sacred offerings wrapped up in wheat-straw*») linked with the «Scythians» by the ties of neighbourhood, which included «mercantile» exchange but also sacralised exchange of goods of a votive nature. Opening on the Aegean Sea, the route leading through the central Balkans along the axis of the Tisa—Morava—Vardar Rivers allowed for transfer of both commodities and information. As a result, the people from the Hungarian Plain who stood out with their «Median costume» were regarded in Greece (Delos included) as «Scythians». Indeed, this cultural distinctness of the Central European nomadic enclave was also noticed by artists from the «Situla Art» circle, who left such iconographic evidence as the representation of an archer wearing a Median costume on a belt fitting from Molnik, or pointed headdresses of Sigynnae drivers of

mighty chariots / bigae (*heniotos*) in the chariot racing scenes featuring on situlas from Kufern and Bologna-Arnoaldi. The communication route, well-evidenced by archaeological and historical sources, which crossed the lands inhabited by Hallstatt communities from the south-eastern Alpine foothills and the Eneti/Veneti on the Adriatic coast, and which to some extent was also controlled by the Sigynnae, was used to send gifts from the Hyperboreans to Delos. Attempts at identifying the cultural equivalent of the Hyperboreans known from their contact with the Delos oracle point at communities dwelling to the north of the Carpathian Arc. In the 6th—5th centuries BC they were connected with the milieu of the Vekerzug culture from the Hungarian Plain by the routes leading towards amber-bearing coasts of the Baltic Sea. With their subsistence based primarily on cereal farming, the economic strategy of communities from the Vistula and Warta basins (whose traditions were still deeply rooted in the Late Bronze Age Urnfield model) seems to fit the symbolism of the sacrifice offered by the Hyperboreans to the remote Delos sanctuary. This implies not only the awareness — reaching as far as the Vistula basin — of the existence of cult places of over-regional status in the Mediterranean world, but also some shared values in the sphere of religious mentality.

Therefore, it seems that two aspects of exploring «barbarian» Europe (i. e. the spread of imports and the state of geographical knowledge among the Greeks) by Mediterranean people (or more likely by those among them most industrious and curious about the world) were somehow related to each other. The precursors, and perhaps organizers, of the exchange procedures on the «barbarian» side were primarily the elites. Where the social role of elites was not so elevated as that of Hallstatt «princes» or nomadic (Scythian) «chieftains» from the Alföld, e. g. in Central European communities representing Urnfield traditions, the transmission of goods may have been sacralised. This sacralisation referred to values and religious symbols (and religious manifestations) which were similar for (or common to?) the Greek south and the «barbarian» north of Europe. The Mediterranean and «barbarian» parts of Europe constituted a cultural (ideological) community, connected by a network of mutual dependencies. However, their geographic and cultural awareness and the extent to which the two worlds intermingled were probably considerably greater than what emerges from the number, attractiveness, and research potential of the extant «imports» — material (archaeological) traces of mutual interest.

Keywords: Central Europe, Greek and Etruscan imports, trade routes, ethnic geography, Hyperboreans.

Одержано 13.03.2019

ХОХОРОВСКИ Ян, доктор гуманітарних наук, професор, Інститут археології Ягеллонського університету в Кракові, вул. Голембя, 11, Краків, 31007, Польща, j.chochorowski@uj.edu.pl.

CHOCHOROWSKI Jan, Doctor of the humanities science, State professor, Institute of Archaeology at the Jagiellonian University, Golebia Str. 11, Kraków, 31007, Poland, j.chochorowski@uj.edu.pl.